

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

К 371
Б-91

Н. Бунаковъ.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

И

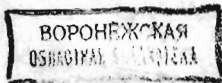
НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ.

Наблюдения и замѣтки сельскаго учителя.

Цѣна 1 руб.

ПРОЧТЕНА

Проверено 1951 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

0200578

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъячская, д. 39.

1906.

42

Сельская школа и народная жизнь.

Наблюдения и замѣтки сельскаго жителя.

Поселявшись много лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ, постоянно работая въ мѣстной школѣ и, въ то же время, внимательно приглядываясь къ народной жизни, авторъ пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ относительно постановки школьнаго дѣла въ русской деревнѣ, сообразно съ жизнью, нравами и потребностями сельскаго населенія. Этими-то выводами, а также наблюдениями и опытами, которые привели къ нимъ, онъ и намѣренъ подѣлиться съ читателями въ предлагаемыхъ очеркахъ.

I.

Нѣчто о крестьянскихъ воззрѣніяхъ на грамотность и школу.

Отношеніе крестьянства, составляющаго главную, основную массу населенія Россіи, къ грамотности и школѣ, его требованія и желанія отъ школы, его представленія о настоящей, желательной школѣ—вопросъ столько-же важный, сколько интересный, но мало разъясненный въ настоящее время по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ сдѣлано слишкомъ мало добросовѣстныхъ наблюдений и безпристрастныхъ сообщеній по этому вопросу. Во-вторыхъ, вопросъ этотъ намѣренно затемняется нѣкоторыми самозванными разсчитателями народныхъ понятій и желаній, навязывающими народу свои собственныя понятія и желанія, да и то не искренно, а изъ постороннихъ, не всегда чистыхъ, побужденій.

Наблюдая много лѣтъ школьное дѣло въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вступая въ бесѣды съ крестьянами и учителями народныхъ школъ, мы, по возможности, старались выяснить себѣ истинныя крестьянскія воззрѣнія на грамотность и школу, но все это были

свѣдѣнія отрывочныя и недостаточно полныя. Съ большею отчетливостію для насъ выяснился вопросъ, когда пришлось окончательно поселиться въ деревнѣ и близко пристроиться къ мѣстной школѣ, встать лицомъ къ лицу и не на короткое время, а на много лѣтъ, съ крестьянскими дѣтьми, ихъ родителями и родственниками. Но все-таки обобщать выслушанные нами отзывы, какъ воззрѣнія русскаго крестьянства на грамотность, на школу и школьное дѣло, намъ казалось рискованнымъ; какъ вдругъ въ 5 № «Сѣвернаго Вѣстника» за 1888 годъ ¹⁾ мы встрѣтили очень интересную корреспонденцію г. Яковенко изъ Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи, посвященную тому же вопросу, значительно дополняющую и выполняя подтверждающую наши личныя наблюденія. Корреспонденція трактуетъ вопросъ на основаніи данныхъ, собранныхъ мѣстною земскою управою. Эта управа, говоритъ авторъ, «рѣшила, попутно съ нѣкоторыми своими статистическими работами, собрать на мѣстахъ отъ самого крестьянскаго населенія свѣдѣнія о томъ, какъ оно относится къ школьному дѣлу». Свѣдѣнія были собраны въ теченіе 1881—1886 гг. по 195 селеніямъ, изъ которыхъ 77 пользуются существующими земскими школами (земскихъ школъ въ Кромскомъ уѣздѣ 35, одна на 7½ кв. верстъ и на 3 тысячи жителей), 64 имѣютъ, или не такъ давно имѣли, «грамотбевъ», занимавшихся обученіемъ дѣтей, 53 не имѣютъ ни той, ни другой возможности обучать своихъ дѣтей. Управа напечатала собранныя ею свѣдѣнія, отражающія, по ея выраженію, «крестьянское воззрѣніе» на школьное дѣло, особой книгой, которая теперь составляетъ рѣдкость даже въ Орловской губерніи и которою пользовался корреспондентъ «Сѣвернаго Вѣстника» г. В. Яковенко.

Оказывается, что понятія и желанія крестьянъ Кромскаго уѣзда касательно школы и грамотности, въ существѣ дѣла, весьма близки съ тѣми, какія случалось выслушивать намъ, или непосредственно отъ крестьянъ, или черезъ посредство народныхъ учителей, въ губерніяхъ: Воронежской, Пермской, Костромской, Вологодской, Псковской, Херсонской. Потому мы, наконецъ, позволяемъ себѣ обобщить всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія по данному вопросу, какъ воззрѣніе на грамотность и школу русскаго крестьянства вообще,—воззрѣніе, отъ котораго возможны и даже несомнѣнны единичныя, мѣстныя и случайныя уклоненія, но которое, смѣемъ думать, принадлежитъ большинству. Крестьяне Кромскаго уѣзда, прежде всего, видятъ

¹⁾ „Областной Огдѣль“, стр. 55—71.

въ школѣ лучшее прибіжище для дѣтей, куда ихъ можно выпроводить изъ тѣсной избы, чтобы они не мѣшали взрослымъ, гдѣ для нихъ самихъ и полезно, и хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. «Хорошо, если бы школа была, — протруилъ бы ребятъ туда, они и не болтаются». «Безъ школы горе, — ребята безъ всякаго дѣла, болтаются безъ дѣйствія, дурно бѣгаютъ». «Что пусто болтаться-то, слышали и мы неоднократно окрики отцовъ на болтающихся ребятъ: слава Богу, у насъ училища завелась, — бѣги, малый, въ училищу, и старикамъ покой дашь, работать не мѣшаешь, и самъ доброму учишься».

Тутъ слышится, однако, не только желаніе сбыть дѣтей съ глазъ долой, но и забота о дѣтяхъ, чтобы у нихъ было свое дѣло. Самымъ подходящимъ для нихъ дѣломъ представляется ученіе въ школѣ, отъ котораго ожидаются и требуются весьма важные результаты.

Во-первыхъ, ожидается грамотность и письменность — не только въ смыслѣ умѣнья читать и писать, но и въ смыслѣ большей толковитости, дошлости, смѣкалки, по нашему — въ смыслѣ того большаго умственного развитія, надъ стремленіемъ къ которому еще не такъ давно глумилась нѣкоторые самозванные толкователи народныхъ желаній по отношенію къ школѣ.

«Грамота — рукоесло не дурное», по словамъ крестьянъ Кромскаго уѣзда. «Грамотный повсюду отличка: онъ и глазами все видитъ и изъ рукъ его ничего не уйдетъ». «Учить ребятъ нужно: въ солдаты возьмутъ — облегченіе дается; записать что по извозу — деньги получать, грамотный самъ запишетъ и расчетъ сдѣлаетъ, а то по людямъ ходи; грамотнаго и зовутъ всюду прочитать, подписать что; другой условіе можетъ написать; въ волости по книгамъ всякое дѣло ему видѣтъ; онъ не платитъ, а скорѣе самъ получаетъ». «Письменный повсюду гождь: приходи къ купцу, въ лавочку, въ шинокъ — его принимаютъ, они наживаются скорѣй; и дома — росписка какая, и всякое дѣло ему видѣтъ». «Грамотный не то, что неученый: подать расчетъ какой — все ему видно, а то смотришь и не видишь, неученый — народъ темный». «Грамотный всё счета производить и все, что нужно, прочитаетъ, а то на-ка разбери, пожалуйста, да поклонись ему за это». «Другой и остроумъ, а какъ не грамотный, то и не до всего можетъ дойти, и цѣна ему другая».

Подобныя же сужденія слышали мы и въ другихъ мѣстностяхъ. Высказываютъ крестьяне учителю свои желанія и ожиданія отъ школьнаго обученія. «Доведи ты мнѣ парня до дѣла, тогда твоей

учёбѣ и цѣна настоящая будетъ». До какого дѣла? Пахать, да косить я его не научу. «Зачѣмъ пахать! Не твое это дѣло. Пахать самъ научится, когда время придетъ. А вотъ, чтобы онъ разбиралъ и книжку, перво-на-перво божественную, ну и всякую, законы, тамъ, что-ли, а то про турецкую войну, или и сказочную, и бумагу всякую, письмо-ли, условіе какое. Да не то, что разбиралъ-бы только, а съ понятіемъ, прочиталъ бы, да и намъ, неученымъ, растолковалъ. Вотъ эта учёба самая настоящая, а то наши грамотѣи только книжки зря треплять». — Какъ такъ? — «Да такъ, вертить—вертить ее, сердечный, а толку чуть-чуть; о чемъ, молъ, писано? а онъ ни въ зубъ, и выходитъ, что смотреть въ книгу, да видеть фигу». — Ну, это плохой грамотѣй, наши получше будутъ. — «То-то. Да еще надо, чтобы и самъ умѣлъ написать и письмо, и всякую бумагу, просьбу тамъ, что-ли, росписку, условіе, да написать по настоящему. А то у насъ солдатикъ мужикамъ письма пишетъ, глядишь—какъ будто и настоящее письмо, а послѣ насъ извѣщаютъ, получили, молъ, письмо, а разобрать не могли, больно, слышь, напутано, никакъ въ толкъ не возьмешь. Мы-то, дураки, ему деньги платимъ, да угощенье ставимъ, а онъ, подлецъ, вишь что съ нами выдѣлываетъ! Извѣстное дѣло, темные люди, обмануть нашего брата не хитро». «Съ условіями у насъ такъ-то не одиново бывало: берешь землю по двѣнадцати, а по условію съ тебя пятнадцать берутъ. Вотъ она, грамотность-то, коли настоящая, въ этомъ разѣ больно дорога». — Что же, это все можно... — «Какъ не можно, знаемое дѣло, бывали примѣры; да не у всякаго, слышь, учителя моготы-то хватаетъ: тотъ пьющій, вонъ какъ у насъ въ волостномъ училищѣ Василій Ивановичъ, другой самъ мало смыслить, черезъ пенъ колоду валить; настоящаго-то учителя тоже изъ сотни выбирай». А то мужики говорятъ и такъ: «Надо намъ, чтобы твой грамотѣй могъ и старосту, и сборщика учесть, и всякій счетъ свести и записать. Это для насъ статья важнѣйшая, потому—нашъ міръ темный, мы не то, что мірскими, и своимъ деньгамъ счету не знаемъ, нашего брата лѣнивый не обочетъ. Все безъ счету, а денежка-то, братъ, самъ знаешь, счетъ любить; все на память, все на память, а она, память-то, обманывается».

Словомъ, прежде всего обнаруживается взглядъ на грамотность и школьное ученіе дѣловой, практической, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ пракческаго великоросса; но на этой практической сторонѣ требованія крестьянства, какъ увидимъ, не останавливаются, да и сама по себѣ эта практическая точка зрѣнія далека отъ той узко-

утилитарной практичности, какую стараются навязать народной школѣ въѣкоторые опекуны ея, какъ официальные такъ и добровольцы: между крестьянами вѣтъ и рѣчи, чтобы школа учила пахать, хлѣбъ печь или какому-нибудь ремеслу; отъ школы ждутъ именно того, что она можетъ давать, для чего она и должна существовать,— ждутъ «настоящей» грамотности, придавая ей очень широкое значеніе.

Во-вторыхъ, ученіе и хорошая школа, по мнѣнію крестьянъ, даютъ знаніе закона Божія и приводятъ не только къ пониманію церковнаго богослуженія, но и къ участию въ немъ дѣтей, а это участіе крестьяне дорого цѣнятъ.

Вотъ какъ толкуютъ крестьяне Кромскаго уѣзда: «Грамотный совѣмъ другое дѣло: онъ и молитвы знаетъ, и всякое дѣло разберетъ». «Надо ребятамъ учить, хоть бы Божій законъ узнали бы; мы ужъ какъ барскіе были, такъ болванами росли, а дѣтей нужно поучить». «Въ церкви ребята поютъ, заслухаешься, въ храмъ Божию со стороны весело». «Пѣнію ихъ учитель научилъ, въ церкви становить; запоютъ—не насладишься слушать». «Учитель скрипкой поднималъ, въ церковь придешь—духъ радуется». Тоже слышали мы и въ Воронежскомъ уѣздѣ: «Хорошо стали наши ребята читать, такъ бойко и толковито, а вотъ надо бы, чтобы они въ храмъ Божию читали да пѣли, да читали бы не по дычковки, чтобы и понятно, и любо было слушать. Вотъ у Лихача (въ сосѣднемъ селѣ) ребята выучились пѣть, такъ въ храмъ-то Божию, какъ въ рай стоишь, нѣдо слеза прошибается... А у насъ что, никакого благолѣпія изъ церкви нѣтъ... «Тѣ же крестьяне, черезъ годъ, когда въ школѣ стали учить пѣнію, съ гордостью говорили, что вотъ молъ теперь и у насъ «радостно въ церкви стало, ребята хорошо пѣть стали». «Отъ нихъ и мы Богу молиться научились. Какъ ты думаешь, молиться—и то ученіе нужно: когда лобъ перекрестить, когда поклонъ положить. Батюшка намъ толкуетъ, толкуетъ, иной разъ и выругаетъ, а мы все не понимаемъ, потому неученные. Въ церкви то стоимъ, слушаемъ, а понятія нѣтъ, безъ ученія ужъ какое понятіе! Ну, намъ и хочется, пусть хоть ребята наши выучатся закону Божию».

Та же увѣренность, что школа выучитъ закону Божию, понимать богослуженіе и молиться какъ слѣдуетъ, выражается со стороны крестьянъ всѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ намъ приходилось бывать.

Въ третьихъ, въ школѣ отъ хорошаго учителя дѣти, по выраженію крестьянъ Кромскаго уѣзда, «понятія большія берутъ», учаются жить совѣстливѣе, правдивѣе, разумнѣе, и поэтому ученый

вездѣ хорошъ, другой какой мальчишка, а придетъ домой, отцу указываетъ».

«Читать да писать—хорошо, что и говорить,—слыхали мы отъ крестьянъ,—да не въ этомъ только грамота. Пусть грамотѣи то изъ книжекъ да отъ учителя научатся жить по Божьему. Нынѣ какія времена то пришли: стариковъ не слушаютъ, съ ребячьихъ лѣтъ виномъ зашибаются да трубку сосутъ, на словѣ не крѣпки, работать лѣнивы, ты ему слово, а онъ тебѣ десять,—разѣ такъ то можно? разѣ это по Божьему?»—Эхъ ты, дѣдъ, сомнѣвается другой мужикъ,—разѣ этому въ школѣ можно выучить?—«А то гдѣ же, какъ не въ школѣ? На то она и есть «училища». Вотъ я тебѣ примѣръ укажу. Приѣхали къ барину плугари съ Черковскихъ хуторовъ. Договорились, условіе написали, поднесли какъ слѣдуетъ. А съ ними паренекъ, такъ лѣтъ подъ двадцать,—и ему подносятъ.—На томъ благодарю, говорить, а вина не потребляю.—Какъ такъ?—Да такъ, говорить, учился я въ училищѣ, такъ учитель нашъ, Порфиръ Ермолаичъ, наказывалъ намъ вина не пить,—пу и не пью. Вотъ какъ въ хорошей школѣ да у хорошаго учителя доброму то научаются. На то, братъ, она и есть «училища».

Отъ ученія и школы, по крестьянскимъ понятіямъ, и практическая выгода, и для души польза, и удовольствіе. «Докука возьметъ въ праздничный день,—почитаешь», говорятъ грамотный крестьянинъ Кромскаго уѣзда. «Ребята почитаютъ намъ, говорятъ неграмотные отцы, и расскажутъ, какъ тамъ лисица обманула или про пѣтуха, смѣху много съ ними». Мы сами видѣли, какъ крестьяне собираются въ одну избу слушать чтеніе мальчишка, принесшаго изъ школы книжку и проводятъ тамъ длинныя зимніе вечера, а потомъ съ удовольствіемъ толкуютъ, что «ловко Ванюха или Петруха читаегъ, безъ запинки и понятно», да и книжка, про кавказскаго плѣнника или солдата Крутикова или про купца Аксенова, «занятна»: «кабы умѣлъ самъ читать, или слушалъ бы каждый день такія занятныя книжки, забылъ бы и про водку, какая такая на свѣтѣ водка есть». Мы сами видѣли, какъ умилялись крестьяне, когда дѣти читали за обѣдней въ церкви или за молебномъ въ школѣ апостола, а родители буквально плакали отъ счастья. Мы слышали похвалу отцовъ, что Иванъ ловко читалъ псалтирь надъ покойникомъ-дѣдомъ, а Серега лихо прочиталъ письмо дяди-солдата и отвѣтъ написалъ отъ всей семьи. Словомъ, школа и ученіе вносятъ въ крестьянскую жизнь совершенно новыя удовольствія и радости—несомнѣнно высшія, сравнительно съ обычными.

Какъ велики требованія крестьянъ отъ школы и школьнаго ученія? Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, въ видѣ опредѣленной программы — конечно, ожидать нельзя, но очевидно, что они желаютъ отъ школы не одной грамотности, въ смыслѣ умѣнья читать и писать, и отнюдь не желаютъ ни узко-утилитарнаго, ни профессиональнаго практическаго обученія. Они довольны, если дѣти отъ хорошаго учителя «берутъ большія понятія», если хорошо читаютъ и поютъ въ церкви, такъ что «не насладишься слушать», «духъ радъ», «въ церкви, какъ въ раю стоишь». Одобривъ школу, они говорятъ: «учеба хорошая, всякія исторія, всякія книжки читаютъ», въ школѣ «доводятъ дѣтей до большихъ понятій». Они думаютъ, что именно школа можетъ научить и «жить по Божьему» и указываютъ примѣры такого наученія. Не одобряя ученія въ школѣ, которое идетъ не такъ, какъ имъ желательно, крестьяне Кромскаго уѣзда говорятъ: «въ училищѣ все Паульсонъ да Паульсонъ (т. е. книжка Паульсона), а дальше не показываютъ». «А учеба какая? Все букварь да букварь — прибавки нѣту». «Теперь только къ экзаменту учать, а знать они (ученики школы) ничего не знаютъ, наученіе не большое».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ наивный протестъ противъ обученія къ экзамену и для экзамена, — обученія, дѣйствительно деморализующаго многія наши родныя школы. Дѣло въ томъ, что количество учениковъ, представляемыхъ къ экзамену на льготу по воинской повинности, съ нѣкотораго времени въ глазахъ иныхъ инспекторовъ (но не педагоговъ) и земскихъ управъ, стало единственнымъ мѣриломъ усердія и достоинства учителя. И вотъ, многіе учителя все время и всѣ силы свои тратятъ на эту подготовку къ экзамену, требующую обученія чисто формальнаго, мало пригоднаго для жизни и совершенно не соответствующаго ожиданіямъ и желаніямъ крестьянства. Напримѣръ, требуется писаніе подъ диктовку безъ ошибокъ, рѣшеніе замысловатыхъ задачъ; а можетъ-ли мальчикъ написать такое письмо, которое можно разобрать и понять, можетъ-ли пользоваться торговыми счетами, имѣть-ли понятіе о сельскомъ и волостномъ управленіи, тѣмъ болѣе вынесъ ли изъ школы понятія о томъ, какъ надо «жить по Божьему», — это для экзамена вовсе не нужно. Понятно, что въ погонѣ за экзаменными познаніями и умѣньяи — истинные интересы разумаго обученія, а также и прямые интересы народной жизни, мало по малу, оттираются и забываются. Понятно, что для экзамена не надо никакой «прибавки» къ Паульсову, никакихъ «большихъ понятій», никакого «большаго наученія», никакого наученія «жить по Божьему», чего

желаютъ отъ школы крестьяне, и вотъ чѣмъ объясняется замѣченный выше наивный, но полный глубокаго смысла, протестъ противъ ученія къ экзамену, который, кстати сказать, въ послѣднее время потерялъ въ глазахъ крестьянъ значительную долю своего значенія и мало по малу перестаетъ быть приманкой, привлекающей въ школу учениковъ. Желаютъ ученія не для экзамена, а для жизни, для «большихъ понятій», для огражденія отъ обмана со стороны грамотныхъ кулаковъ, для наученія «жить по Божьему»,—и этому нельзя не радоваться.

Очень интересны и поучительны сужденія крестьянъ Кромскаго уѣзда объ учителяхъ и объ отношеніи ихъ къ дѣтямъ.

Хвалятъ учителя, который «и не бьетъ, а его слушаютъ больше: онъ какъ съ роднымъ, обойдется, и дѣло лучше». «Господишь онъ хорошій и характеромъ тихъ; а то другой топнеть ногой, ребенокъ испугается, дрожить, бѣдняжка,—вѣдь онъ младенецъ, какъ его пугать»? «Нашъ учитель хорошій, и говорить нечего. Не доводитъ до наказаній, а глянетъ только, и его слушаются; личности его повинуются, а не строгости».

Строго осуждается учитель, который жестокъ съ дѣтьми, бьетъ или унижаетъ ихъ (ставитъ на колѣни, ругаетъ: мы сами видѣли, какъ учитель, впадавшій въ такіе анти-педагогическіе поступки, чуть не разогналъ всю школу и восружилъ было противъ себя все село; тѣмъ, кому дорога школа, пришлось хлопотать объ избавленіи ея отъ такого ретиваго не по разуму педагога). Осуждается учитель, который дѣлаетъ замѣтное различіе между дѣтьми зажиточныхъ и бѣдныхъ родителей, больше заботясь о первыхъ, нежели о вторыхъ. Осуждается и обыкновеніе нѣкоторыхъ учителей поручать одному ученику надзоръ за другими: «не хорошо, что препоручаетъ старшимъ,—онъ отвернется, а тотъ и властвуетъ надъ младшимъ».

Крестьяне одинаково цѣнятъ хорошаго учителя и хорошую учительницу, но все таки замѣчаютъ разницу между тѣми и другими. Вотъ нѣсколько показаній по этому вопросу: «Мужчина для училища лучше тѣмъ, что у него строжѣй, и занятія лучше; учительницу плохо слушаютъ, и они (дѣти) съ ней смѣлѣе; какъ и дома: при матери крикъ, шумъ; а какъ пришелъ отецъ, такъ и притихла».

«Ну, ребята женщину больше любятъ, — онѣ съ ними тише и ласковѣй; мать или отецъ? какъ ни строга мать, а къ ней скорѣй пойдетъ ребенокъ».

Учитель строже; учительница ласковѣе. Учителя больше боятся, учительницу больше любятъ. А какъ бываетъ, что въ учительницѣ

соединяется и то, и другое, то выходитъ совсѣмъ хорошо. Объ одной учительницѣ крестьяне Кромскаго уѣзда говорятъ:

«Наказавій не дѣлаетъ, развѣ когда, въ зиму разъ, посовѣститъ другого, укажетъ на него въ классѣ другимъ, огорчить и потомъ сама подойдетъ къ нему, и онъ прощенья у нея проситъ; больше она уговариваетъ словами, что учиться надо и при занятіяхъ нельзя шумѣть».

Вотъ и всѣ данныя для опредѣленія крестьянскихъ воззрѣній на грамотность, на школу и школьное дѣло, какія случилось намъ собрать. Нельзя не пожелать, чтобы сумма ихъ была значительно увеличена, но не выдуманными показаніями самозванныхъ посетителей народныхъ воззрѣній, а матеріалами, подобными тѣмъ, какія собрала Кромская земская управа.

II.

О томъ, какъ обучить въ сельской школѣ грамотѣ.

Примѣняя въ сельской школѣ тотъ способъ, тѣ приемы обученія грамотѣ, какими пользовались въ городской школѣ, мы скоро замѣтили, что здѣсь дѣло вести слѣдовало бы иначе. Не то, чтобы тѣ способы и приемы здѣсь не давали результатовъ, приводили къ малоуспѣшности, — нѣтъ, успѣхъ получался вполне удовлетворительный; но съ измѣненіемъ способа и приемовъ, примѣнительно къ условіямъ обученія въ сельской школѣ, дѣло много выигрываетъ. Выигрываетъ не только обученіе грамотѣ, а общій ходъ обученія, во всей его совокупности.

Необходимо сказать нѣсколько словъ объ упомянутыхъ условіяхъ, чтобы выяснить значеніе этого выигрыша.

Деревенскія дѣти рано начинаютъ принимать непосредственное участіе въ трудовой жизни своихъ родителей, въ интересахъ, которыми живетъ взрослое сельское населеніе. Въ то время какъ городскіе родители, по возможности, устраниютъ дѣтей отъ своихъ дѣлъ, интересовъ и заботъ: «это-молъ не дѣтское дѣло, объ этомъ дѣтямъ рано знать и думать», — сельскіе отцы и матери, напротивъ, рано привлекаютъ дѣтей къ своимъ житейскимъ дѣламъ; мальчикъ 8—9 лѣтъ уже вполне входитъ въ интересы отца, а дѣвочка въ интересы матери, сознательно раздѣляя ихъ скорби и радости, опасенія и надежды, труды и удовольствія.

И это раннее прикосновеніе къ дѣламъ и жизни взрослыхъ не грозитъ никакимъ вреднымъ влияніемъ деревенскимъ дѣтямъ, потому что дѣла эти, въ большинствѣ, чисты и просты. Оно сказывается на дѣтяхъ только тою особенностью, что они гораздо серьезнѣе, такъ сказать — «дѣловитѣе» городскихъ дѣтей. Кромѣ того, они и учиться-то начинаютъ позже, что и желательно, въ виду краткосрочности учебнаго періода сельской школы. Въ нашей народной школѣ установился трехгодичный періодъ обученія, за рѣдкими исключеніями; дѣти поступаютъ въ школу 8—9 лѣтъ, оканчиваютъ курсъ 11 — 12 — 13, рѣдко 14-ти лѣтъ; но лучше въ интересахъ прочности обученія, если бы они оканчивали постарше и поступали въ школу 10-ти, даже 11-ти лѣтъ.

Позднее, сравнительно, поступленіе въ школу еще болѣе усиливаетъ серьезность и дѣловитость деревенскихъ школьничковъ. Съ другой стороны, кругозоръ этихъ дѣтей гораздо тѣснѣе, ограниченнѣе, впечатлѣнія однообразнѣе; а потому школа, съ ея обстановкой и занятіями, представляетъ для нихъ гораздо болѣе новаго, возбуждающаго любознательность и стремленіе къ ученію. Тогда какъ городскія дѣти, особенно изъ зажиточныхъ семействъ, ко многому, что даетъ школа, относятся вяло, равнодушно, безъ живого интереса, какъ къ чему то давно имъ знакомому, извѣстному, и увѣрены, что они уже очень много знаютъ, деревенскія дѣти, напротивъ, входятъ въ школу съ тою мыслью, что они ровно ничего не знаютъ; свободныя отъ бремени воображаемыхъ знаній, они съ жаднымъ интересомъ бросаются на все, что предлагаетъ имъ школа. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ школѣ для нихъ все ново. У нихъ нѣтъ того поверхностнаго знакомства со множествомъ разнообразныхъ предметовъ, какимъ обладаютъ городскія дѣти и которое невыгодно отзывается на обученія послѣднихъ, ослабляя ихъ воспримчивость къ ученію.

По вышеизложеннымъ причинамъ, школьныя впечатлѣнія деревенскихъ дѣтей, воспримчивость ихъ къ ученію, сильнѣе, глубже, устойчивѣе, а ихъ отношеніе къ школѣ и къ учебнымъ занятіямъ серьезнѣе, дѣловитѣе, внимательнѣе, сосредоточеннѣе.

Понятно, что съ такими учениками школа можетъ сдѣлать въ данный срокъ гораздо больше, нежели съ учениками менѣе воспримчивыми и болѣе легкомысленными.

Рядомъ съ этимъ, слѣдуетъ помнить, что періодъ обученія въ русской сельской школѣ очень коротокъ: три года, и каждый учебный годъ не болѣе 24 — 30 недѣль. Это, конечно, самое неблагоприятное условіе обученія въ сельской школѣ, притомъ совершенно

непреодолимое, потому что оно происходит не отъ упорства или равнодушія крестьянъ къ школѣ и къ ученію, какъ думаютъ нѣкоторые, а отъ бытовыхъ условій крестьянской жизни, съ ея земледѣльческимъ трудомъ, которыхъ измѣнить школа не можетъ.

Другое весьма неблагоприятное условіе обученія въ сельской школѣ, тоже объясняемое бытовыми, жизненными причинами, — совершенная неподготовленность деревенскихъ дѣтей къ пониманію того установившагося книжнаго русскаго языка, на которомъ совершается школьное обученіе. Чтобы ни толковали нѣкоторые народники-идеалисты, мы утверждаемъ на основаніи непосредственныхъ наблюденій, что рѣчь нашего крестьянства крайне бѣдѣ, отрывочна и вовсе не блеститъ тѣми сокровищами и достоинствами русскаго языка, какія мы находимъ у Кольцова и вообще въ нашей художественной литературѣ, даже въ народной пѣснѣ, потому что одно дѣло повѣстическій языкъ пѣсни, созданной народомъ и живущей въ немъ въ одной окончательно установившейся формѣ, другое дѣло обиходная живая рѣчь этого народа; послѣдняя нерѣдко сводится на знаменитое «та е» Акима изъ драмы Л. Н. Толстаго.

Что же, можетъ быть, школа, обучая дѣтей народа грамотѣ, вовсе не должна касаться ихъ рѣчи и знакомить ихъ съ книжнымъ литературнымъ языкомъ? Нѣтъ, съ этимъ нельзя согласиться. Грамотность важна и нужна народу не для процесса чтенія, не сама по себѣ, а именно какъ средство, приводящее народъ къ книгѣ, къ чтенію и пониманію хорошихъ книгъ, художественныхъ произведеній и популярно-научныхъ сочиненій, которыя будятъ мысль и чувство, проясняютъ понятія, возбуждаютъ добрыя желанія и стремленія, словомъ ведутъ къ поднятію въ темныхъ людяхъ чело-вѣческаго достоинства.

Имѣя въ виду всѣ вышеизложенныя особенности учениковъ сельской школы и условія ея дѣятельности, прежде всего слѣдуетъ ускорить обученіе грамотѣ.

Правда, что звуковой способъ уже много способствовалъ такому ускоренію. Кому неизвѣстно, что въ старое доброе время, не болѣе 20—30-ти лѣтъ тому назадъ, даже въ городскихъ приходскихъ училищахъ, обученіе грамотѣ по букварямъ, съ алфавитомъ и складами, тянулось по два, по три, даже по четыре года, и ученики, проливъ потоки слезъ и перетерпѣвъ достаточное количество колотушекъ, все таки выучивались плохо и бессмысленно читать, да механически копировать прописи! Нынѣ же, въ самой посредственной сельской школѣ дѣти выучиваются, по звуковому

способу, только читать и писать подъ диктовку въ одну зиму. Но и это ускореніе все таки для сельской школы недостаточно: по окончаніи обученія грамотѣ, въ первомъ учебномъ году не остается времени на упражненія въ чтеніи и письмѣ, необходимыя для закрѣпленія приобрѣтенныхъ учениками умѣній въ виду лѣтняго перерыва школьныхъ занятій,—перерыва, который въ сельской школѣ продолжается около пяти мѣсяцевъ.

Нельзя сказать, чтобы не было попытокъ еще ускорить обученіе грамотѣ въ интересахъ сельской школы; но попытки эти представляются неудачными. Причина неудачи кроется въ ложной основѣ этихъ попытокъ. Въ основу ихъ обыкновенно полагается форсированное прохожденіе азбуки, которое не можетъ приводить къ цѣли, бесполезно насилуя дѣтскій умъ.

Торопливое, поспѣшное заучиваніе азбуки, по двѣ, по три буквы въ день, если бы оно даже и было возможно, не превышало дѣтскихъ силъ, въ родѣ наваливанія непомѣрной тяжести на плечи, все таки не приведетъ учениковъ къ умѣнію читать даже къ простому процессу чтенія, а тѣмъ болѣе къ чтенію съ пониманіемъ, или хотя съ сознательнымъ стремленіемъ понимать читаемое. Заучить всѣ буквы—еще не значить научиться читать. Познакомить учениковъ съ алфавитомъ—еще не значить научить ихъ чтенію, даже въ смыслѣ простого механическаго чтенія.

За такимъ форсированнымъ прохожденіемъ азбуки, должно неизбежно слѣдовать, какъ новая работа, обученіе чтенію и письму. При этомъ оказывается, что первая работа, состоявшая въ форсированномъ прохожденіи азбуки, была малопродуктивнымъ трудомъ, почти совсѣмъ безрезультатнымъ, потому что форсированное прохожденіе не можетъ отличаться надлежащей прочностью.

Значительное ускореніе процесса обученія грамотѣ по звуковому способу возможно и желательно совсѣмъ на иной почвѣ. Въ основу его должно положить ту мысль, чтобы ученики знакомились съ азбукой, изучали и усваивали ее, постепенно, безъ напрасной торопливости, не раньше чтенія, а на самомъ чтеніи, совмѣстно съ чтеніемъ, посредствомъ чтенія; чтобы они научались читать не послѣ прохожденія азбуки, а при этомъ самомъ прохожденіи; чтобы съ окончаніемъ этого происхожденія они уже умѣли читать не только механически, но съ пониманіемъ или хоть съ живымъ привычнымъ стремленіемъ понимать читаемое, умѣли бы и писать—не въ смыслѣ механическаго копированія, а въ смыслѣ сознательнаго изображенія письменными знаками слышимыхъ или

даже только создаваемыхъ словъ и фразъ. Для этого необходимо постепенное прохожденіе азбуки тѣсно связать съ чтеніемъ и письмомъ подѣ диктовку. Кромѣ того, какъ само собою разумѣется, необходимо прохожденію азбуки предпосылать предварительныя звуковыя упражненія, чтобы ученики напрактиковались въ разложеніи словъ и въ сліяніи звуковъ. Безъ такихъ предварительныхъ упражненій нѣтъ истинно звукового способа обученія грамотѣ, и не можетъ быть хорошихъ результатовъ.

Возможность указаннаго ускоренія въ процессѣ обученія грамотѣ мы испытали на практикѣ, пользуясь существующими одобренными азбуками, но допуская при этомъ въ нихъ необходимыя приспособленія. Результаты получались вполне удовлетворительные: при началѣ школьныхъ занятій, въ половинѣ сентября и даже началѣ октября, ученики-первогодники оканчивали прохожденіе азбуки, научившись при этомъ читать съ пониманіемъ и писать подѣ диктовку къ Рождеству, а затѣмъ у нихъ оставалось достаточно времени (съ января по май) до лѣтняго перерыва, чтобы закрѣпить умѣнье читать и писать упражненіями и научиться достаточно бойко читать по церковно-славянски. Практика вполне подтвердила теоретическія соображенія, и мы еще разъ, вопреки возраженіямъ, которые встрѣчали по этому вопросу, настаиваемъ на той мысли, что въ обученіи, имѣющемъ дѣло съ живыми людьми, гдѣ произвольные эксперименты были бы варварствомъ, необходимо начинать теоретическими соображеніями и отъ нихъ переходить къ практикѣ, обязательна «теоретическая подкладка». Но въ существующихъ азбукахъ есть сторона, которая трудно дается приспособленіямъ къ потребностямъ и условіямъ сельской школы: это подборъ матеріала для первоначальнаго чтенія, совместнаго съ прохожденіемъ азбуки. Мы здѣсь только намѣтимъ тѣ свойства, какія желательны въ этомъ матеріалѣ.

Съ вышней стороны, онъ долженъ быть подобранъ такъ, чтобы трудности чтенія преодолѣвались учениками мало-по-малу, пусть они начинаютъ чтеніе не только съ небольшого числа буквъ, возрастающаго постепенно до полной азбуки, но и съ самыхъ короткихъ словъ, легкихъ по звуковому составу, безъ стеченія согласныхъ (напр. слова: столъ, книга, просо тутъ не годятся, преждевременны); потомъ можно переходить къ словамъ трехсложнымъ и къ стеченію согласныхъ, сперва только двухъ (палка, крупа), затѣмъ трехъ (струпа, пскра). Кромѣ того, въ первоначальномъ чтеніи надо различать три ступени: чтеніе словъ (связь зву-

ковъ), чтеніе фразъ (связь словъ), чтеніе небольшихъ статей, рассказовъ и легкихъ описаній (связь фразъ). На третьей ступени матеріалъ для чтенія можетъ представлять собою уже не азбуку, а сборникъ небольшихъ статей, болѣе или менѣе содержательныхъ, цѣльныхъ и обработанныхъ. Хотя въ этомъ сборникѣ будутъ еще вводиться новыя, неизвѣстныя ученикамъ буквы и заканчиваться изученіе азбуки, но работа надъ нимъ должна представлять собою уже настоящее чтеніе, въ полномъ смыслѣ слова.

Что касается содержанія матеріала, необходимаго для совмѣстнаго прохожденія азбуки и первоначальныхъ упражненій въ чтеніи, то для сельской школы желательно придать ему нѣкоторую серьезность и дѣловитость, которая соотвѣтствовала бы сравнительной серьезности и дѣловитости крестьянскихъ дѣтей, учениковъ сельской школы. Здѣсь вовсе неумѣстно обиліе того легкаго мало-содержательнаго дѣтскаго чтенія, состоящаго изъ сказочекъ, прибаутокъ, загадокъ, скороговорокъ, побасенокъ и т. под., каковымъ часто ограничиваются наши азбуки. Привлекательное, заманчивое для городскихъ дѣтей, это чтеніе скучно и не нужно для учениковъ сельской школы, которые вообще серьезнѣе, да и учиться начинаютъ позже. Въ азбукѣ для сельской школы желательно преобладаніе дѣловаго и содержательнаго чтенія, насколько оно возможно при неполномъ числѣ буквъ, возрастающемъ постепенно, и для начинающихъ читателей, еще не привыкшихъ къ книгѣ и къ книжному языку. Понятно, что содержаніе этого чтенія, по возможности, должно быть приспособлено къ условіямъ жизни, къ той дѣйствительности, которая окружаетъ начинающихъ читателей, чтобы не приходилось тратить много времени на объясненіе читаемаго текста, въ ущербъ упражненіямъ въ механизмѣ. Но неблагоприятно было бы совершенно замкнуть это чтеніе въ тѣсный кругъ тѣхъ представленій и понятій и того словеснаго матеріала, который даетъ ученикамъ среда. Сравнительно большая серьезность и воспримчивость учениковъ сельской школы даетъ возможность, на первомъ же чтеніи, расширять кругъ ихъ представленій и понятій, словъ и выраженій. Большую помощь, въ этомъ отношеніи, оказываютъ картинки, которыми въ послѣднее время стали снабжать русскія азбуки и книжки для первоначальнаго чтенія. Конечно, желательны картинки хорошаго качества.

Очень большое значеніе, какъ для успѣшности обученія грамотѣ, въ смыслѣ толковаго, правильнаго, бѣлаго и сознательнаго чтенія, такъ и вообще въ интересахъ умственнаго развитія учениковъ, а

также сближенія ихъ съ книгой и съ книжнымъ языкомъ, принадлежить чтенію вслухъ учителя. Въ этомъ насъ тоже убѣдилъ непосредственный опытъ, первоначально вызванный теоретическими соображеніями.

Это чтеніе должно начинаться раньше, нежели ученики научатся читать сами, и можетъ быть приведено въ тѣсную связь съ обученіемъ грамотѣ. Время, потраченное на это чтеніе и на бесѣду по поводу прочитаннаго, — не потерянное, а плодотворное время.

Намѣреваясь привести учениковъ къ умѣнью читать правильно, вразумительно и достаточно бѣгло, надо дать имъ ясное представленіе о такомъ чтеніи, живой образецъ такого чтенія, чтобы они прислушались къ такому чтенію и полюбили его, чтобы у нихъ возникло живое стремленіе самими приобрѣсти умѣнье такъ читать.

Слушая чтеніе учителя, ученики не только учатся слушать, хотя это умѣнье тоже очень важно и приобрѣтается путемъ нѣкоторыхъ упражненій, но также учатся цѣнить хорошее чтеніе, какъ одну изъ цѣлей своего собственнаго обученія. Бесѣда о прочитанномъ, приучая учениковъ отдавать отчетъ о томъ, что прочитано, во первыхъ устанавливаетъ необходимость и привычку вдумываться въ прочитанное, относиться къ нему съ пониманіемъ, во вторыхъ, постепенно приучаетъ дѣтей излагать прочитанное своими словами.

Полезность чтенія учителя вслухъ много усиливается тѣмъ удовольствіемъ, которое оно доставляетъ ученикамъ сельской школы: они съ видимымъ нетерпѣніемъ, такъ и настаиваютъ свои уши, когда учитель раскрываетъ книжку, намѣреваясь читать вслухъ. Понятно, что начинать это чтеніе, въ связи съ обученіемъ грамотѣ, приходится самыми легкими и небольшими рассказами, которые не трудно выбрать изъ существующихъ книжекъ для первоначальнаго чтенія, въ родѣ книжекъ гр. Л. Толстаго и т. п.

Понимая подъ обученіемъ грамотѣ не только обученіе чтенію, но и письму, надо сказать, что по отношенію къ сельской школѣ болѣе, чѣмъ ко всякой другой, важно прочное установленіе той мысли, что правильность письма, въ орфографическомъ смыслѣ есть, дѣло не столько уроковъ грамматики, сколько уроковъ грамотности. Въ сельской школѣ до грамматики ученики не вездѣ и доходятъ. Здѣсь должно быть обращено особенное вниманіе на то, чтобы ученики уже при обученіи грамотѣ, на своихъ первыхъ же письменныхъ упражненіяхъ, приобрѣтали прочныя желательныя орфографическія навыки, которые останутся за ними навсегда.

Сельская школа

2

ВОРОНЕЖСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

0200378

Если употребляемая въ школѣ азбука не даетъ готоваго матеріала для необходимыхъ упражненій, могущихъ устанавливать такіе навыки, учителю слѣдуетъ самому составлять такой матеріалъ примѣнительно къ употребляемой азбукѣ. Это не особенно трудно. Приведу примѣръ. Ученики прошли букву ѡ, —учитель упражняетъ ихъ въ писаніи словъ съ буквою ѡ въ корнѣ послѣ тѣхъ согласныхъ, какія имъ извѣстны, выбирая слова, въ которыхъ не встрѣчается буквъ, имъ неизвѣстныхъ; въ головахъ учениковъ постепенно питея запасъ словъ, въ корнѣ которыхъ они привыкаютъ писать ѡ, а навыки, приобретаемые въ этомъ возрастѣ, на первыхъ ступеняхъ обученія, особенно прочны. Опытъ убѣдилъ насъ, что лишь при такомъ вниманіи къ орфографической задачѣ во время обученія грамотѣ — въ сельской школѣ, съ трехгодичнымъ курсомъ, можно достигать порядочнаго правописанія; навыки первого года закрѣпляются и дополняются во второмъ и третьемъ годахъ обученія упражненіями и грамматическими свѣдѣніями, если учитель находитъ возможнымъ ввести эти свѣдѣнія въ программу своихъ занятій. Мы находили это возможнымъ и убѣдились въ этой возможности на практикѣ.

Надо еще прибавить къ сказанному нѣсколько словъ о церковно-славянскомъ чтеніи.

Научить учениковъ сельской школы читать по церковно-славянски и нужно, и совершенно возможно—въ первомъ же году. Но для этого необходимо соблюдать два условія: во первыхъ, начинать обученіе грамотѣ не церковно-славянской, а гражданской печатью, во вторыхъ, обученіе русской грамотѣ ускорить. О послѣднемъ условіи, о важности и возможности ускоренія, уже было говорено раньше. А ученики, умѣющіе толково читать по русски, легко переходятъ къ церковно-славянскому чтенію, усваиваютъ его особенности и пріобрѣтаютъ надлежащую бѣглость; но не наоборотъ. Къ этому убѣжденію насъ опять таки привелъ опытъ, основанный на предварительныхъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Самое подходящее церковно-славянское чтеніе для начинающихъ, да и вообще для учениковъ сельской школы есть Святое Евангеліе, а не Часословъ, и не Псалтырь, какъ предлагаютъ нѣкоторые, почему то отодвигающіе чтеніе Евангелія на высшія ступени обученія.

III.

О классномъ и внѣ-классномъ чтеніи.

— Что, Гаврило, ваши ребята читають-ли дома-то?

— А то какъ-же! Читають, каждый вечеръ, почестъ, читають.

— Вслухъ?

— Вслухъ читають. Какъ въ воскресенье принесутъ изъ училища какую книжку, по вечерамъ и читають вслухъ, а мы всё слушаемъ,—и мужики, и бабы,—всѣ слушаемъ. Мы хоша и неграмотные люди, а послушать охочи, особливо если занятная книжка попадетъся.

— Хорошо-ли ребята читають-то?

— Ничего. Павелъ, тотъ все какъ-будто заминается да спотыкается: дюже младъ, никакъ не осилить. За то ужъ Александръ—хорошо, шельмецъ, читаетъ: какъ открылъ книжку, да пошелъ, такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ, да таково сквозисто и умильно читаетъ, страсть хорошо...

— Да, онъ учится побойчѣе братьевъ-то.

— Извѣстное дѣло, постарше—ну, и смысленѣе. Вы ужъ, пожалуйста, давайте ему книжки, какія позанятнѣе. Пусть читаетъ, а мы слушаемъ. Мы до этого слуханья охочи.

Гаврило Желтяковъ—мужикъ изъ самыхъ зажиточныхъ и хозяйственныхъ въ селѣ. Семья у него большая: кромѣ него, четыре женатыхъ мужака, четыре бабы (самъ онъ вдовецъ), да ребятъ всѣхъ возрастовъ больше десятка. Семья дружная; братья не дѣлятся, бабы не ссорятся. Гаврило, старшій изъ братьевъ, за отца, голова всей семьи,—и потому хозяйство идетъ ладно, нужды и недостатковъ нѣтъ. Трое ребятъ ходять въ училище. Правда съ осени запаздываютъ, потому-что тотъ овецъ гоняетъ, тотъ свиней пасетъ, тотъ съ лошадьми, но за то, по управкѣ, до весны посѣщаютъ уроки исправно, безъ прогуловъ, хоть живутъ за логомъ, довольно далеко.

— За книжками дѣло не станеть, пусть беретъ, была бы только охота читать. Да вы заставляйте и тѣхъ-то вслухъ почитывать. А то все Александръ да Александръ, братья-то и никогда не выучатся.

— Заставляемъ и тѣхъ, какъ-же можно! Надо, чтобъ выучились. Заучились, такъ ужъ надо до дѣла довести. Это я такъ-то говорю, что-молъ Александръ дюже хорошо читаетъ, а заставлять заставляемъ и Павла, и Ивана. Всѣ читають. Бывало, до-прежъ вечеръ-то

тянется, не знаешь, какъ скоротать его, а за книжкой не видишь, какъ время уходитъ.

И точно, послѣ открытія училища (оно открыто въ 1884 году), какъ завелись въ селѣ молодые грамотѣи, у нашихъ крестьянъ стало входить въ нравы—семейное чтеніе вслухъ. Идешь по улицѣ и видишь: то въ одной, то въ другой хатѣ горитъ на столѣ лампочка (керосиновые лампочки у насъ, благодаря близости города—15—16 верстъ, стали преобладающимъ способомъ домашняго освѣщенія); у стола сидитъ подростокъ, мальчикъ или дѣвочка, съ книжкой,—и читаетъ, а всѣ семейники слушаютъ; приходятъ «послухать» и сосѣди.

Понятно, что распространенію такого времяпровожденія способствуетъ школьная бібліотека, изъ которой постоянно, по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, раздаются книги для домашняго чтенія какъ ученикамъ школы, такъ и всѣмъ мѣстнымъ грамотнымъ людямъ. Понятно, что эти мѣстные грамотные люди—почти всѣ учились въ школѣ, нѣкоторые прошли полный курсъ и получили свидѣтельство, другіе не сдавали экзамена, но выучились удовлетворительно читать и приобрѣли привычку къ чтенію. Говоря откровенно, послѣдніе читатели, очевидно, учившіеся не для свидѣтельства, а для самого ученія, намъ особенно симпатичны. Одинъ изъ нихъ уже жевать и пмѣять дѣтей, но отъ чтенія не отстаетъ и постоянно приходитъ за книжками. Есть и такіе изъ получившихъ свидѣтельство, которые книгъ для чтенія не берутъ, но ихъ очень мало. Постороннихъ читателей, не учившихся въ школѣ, два-три человѣка: одна «монашка», т. е. пожилая грамотная дѣвушка, которая читаетъ Псалтырь при покойникахъ и всегда ходитъ въ черномъ, да два-три мужика возвратившіеся грамотными со службы.

Съ другой стороны, установленію и распространенію семейныхъ чтеній въ селѣ способствуютъ существующія въ школѣ вечернія чтенія вслухъ, на которыя сперва собирались только старшіе ученики и ученицы, а потомъ стали сходить и ихъ родственники, и всѣ желающіе. Эти вечернія чтенія прививаютъ къ мѣстному крестьянству вкусъ къ чтенію: является нѣкоторая потребность почаще слушать чтеніе, въ то же время не упуская и своего крестьянскаго дѣла. Въ школѣ приходится слушать сложа руки, а дѣло стоять, да и чтенія эти бывають не часто, разъ или два въ недѣлю. Дома-же, если есть грамотѣи да «запятная» книжка, можно слушать хоть каждый вечеръ,—слушать, а въ то-же время работать, лапти плести, веревки вить, прясть или шить. И работать веселѣе, и для души польза, и ребята не балуются, а дѣло домашнее не стоитъ

Школьная библіотека дае матеріалъ для чтенія, котораго больше крестьянамъ брать негдѣ. «Какъ негдѣ, скажетъ читатель: городъ близко, въ городѣ, конечно, есть книжная лавка, а въ настоящее время издано не мало дешевыхъ и хорошихъ книжекъ для народнаго чтенія». Ну, до сознанія необходимости такого расхода, какъ покупка книгъ, наше крестьянство еще не доросло, да и экономическое положеніе его, при малоземельи, при дешевизнѣ на хлѣбъ и на трудъ, при значительности всѣхъ крестьянскихъ платежей, въ совокупности, при существующей эксплуатаціи крестьянскаго труда со стороны всякаго лучше поставленнаго сельскаго жителя, не таково, чтобы расходъ на приобрѣтеніе книжки могъ войти въ его бюджетъ.

Надо сказать, что въ иныхъ зажиточныхъ семьяхъ стали появляться и покупныя книжки изъ дешевенькихъ, преимущественно изданія «Посредника» и Сытина, но на долго-ли хватитъ маленькой книжки, въ 5—10 копѣекъ, если ее прочитатъ даже пять или десять разъ? А длинныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ много. Покупать-же книги въ достаточномъ количествѣ нѣтъ возможности у нашего крестьянина, который питается только чернымъ хлѣбомъ да картошками, да и то съ возможной экономіей, который при томъ живетъ подъ постоянной грозой пожаровъ, то и дѣло сметающихъ наши села и деревни, который для уплаты податей нерѣдко продаетъ за безцѣнокъ рожь, необходимую для прокормленія семьи. Припомните, много-ли у насъ покупается книгъ и горожанами-то изъ образованныхъ, учившимися въ гимназіяхъ и семинаріяхъ,—и не судите строго нашего крестьянина за его мнимую скупость на покупку книгъ. И городской житель съ гораздо большимъ образованіемъ, при умѣренныхъ средствахъ, рассчитываетъ, что книжка имѣетъ цѣну только до той поры, пока она не прочитана,—не то, что вещь, постоянно нужная въ домашнемъ обиходѣ, не теряющая своей цѣны, пока не стала негодною для употребленія. Тѣмъ болѣе крестьянинъ, постоянно страдающій безденежемъ, думаетъ, что книжку лучше брать для прочтенія, нежели покупать въ собственность. Поэтому и черезъ много лѣтъ, когда подростетъ молодое поколѣніе, прошедшее черезъ школу и полюбившее книжку, въ селѣ скорѣе можетъ привиться библіотека для чтенія, съ самой умѣренной платой, нежели книжная торговля.

Потребность читать и слушать хорошее чтеніе хорошихъ книжекъ существуетъ, но удовлетвореніе и укрѣпленіе этой желательной потребности, въ интересахъ улучшенія нравовъ, пока должно всецѣло лежать на школѣ.

Слова «въ интересахъ улучшенія нравовъ», надо нѣсколько пояснить. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто для русскаго мужика не можетъ быть другихъ наслажденій и удовольствій, кромѣ вина и пьянства, будто отъ кабака его не отобьешь иначе, какъ дубиной, никакими приманками, и что единственное средство оградить крестьянское хозяйство и крестьянскую семью отъ раззоряющаго и развращающаго пьянства—уничтоженіе питейныхъ заведеній да репрессалій въ родѣ «холодной» кутузки и «горячихъ» розогъ.

Нѣтъ, русскій крестьянинъ, освобожденный отъ узъ крѣпостного права, при всемъ его грубомъ невѣжествѣ, которое поддерживалось вѣками, чрезвычайно способенъ и склоненъ къ наслажденіямъ высшаго порядка, но гдѣ было ему взять такихъ наслажденій? Кто ему предлагалъ ихъ? Напротивъ, не ставились-ли, да не ставятся-ли и теперь разныя преграды, чтобы-де такіа наслажденія, въ родѣ народныхъ чтеній, народнаго театра и т. п., не проникли въ народную массу, не выпали на долю крестьянина?

Однимъ изъ этихъ наслажденій «высшаго порядка» и является—наслажденіе читать хорошую, «занятную» книжку или или слушать хорошее чтеніе. О другихъ наслажденіяхъ этого рода, доступность которыхъ для крестьянъ испытана нами на дѣлѣ, мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь-же скажемъ только: вотъ настоящее средство благотворно дѣйствовать на народную нравственность, на смягченіе нравовъ, на уменьшеніе въ народѣ пьянства,—и обратимся къ вопросу о чтеніи, занимающему насъ въ этомъ очеркѣ:

Въ настоящее время, повторяемъ, школа должна снабжать народъ матеріаломъ для чтенія. Но, кромѣ того, она-же должна давать ему и хорошихъ чтецовъ, способныхъ своимъ чтеніемъ поддерживать любовь и стремленіе къ книжкѣ.

Мы замѣтили у крестьянъ весьма опредѣленное и совершенно вѣрное понятіе о хорошемъ чтеніи; они мѣтко и справедливо отличаютъ достоинство чтенія, которое слышать.

Они не любятъ, когда чтець «заминается» или «спотыкается», «словно клещами хомусъ надѣвается». Но не одобряютъ также, если чтець «борючетъ» или «трещитъ безъ передышки, по дьячковски». Они любятъ и одобряютъ чтеніе раздѣльное, вразумительное, «сквозистое», притомъ — чтеніе «умильное», «пронизительное», до души доходящее, выразительное. При оцѣнкѣ достоинствъ чтенія у нихъ установились, собственно говоря, два основныя опредѣленія, которыя варьируются въ отдѣльныхъ случаяхъ: 1) чтеніе «дьячковское», «пономарское», «со всѣхъ четырехъ ногъ» и «уму непостижимое»,

и 2) чтеніе «настоящее», «съ передышкой», «съ толкомъ», «сквозистое» и умильное», «съ душой», «пронзительное».

Вотъ такого «настоящаго чтенія крестьяне и желаютъ отъ своихъ ребятъ, посѣщающихъ школу. Вотъ такимъ чтеніемъ они, безъ преувеличенія, наслаждаются: въ то время и на лицахъ у нихъ изображается не только наслажденіе, а какое-то умиленіе, даже слезы на глазахъ проступаютъ, какъ у человѣка, которому удалось ощутить исполненіе давней задушевной мечты.

Говорятъ, что и родной языкъ долженъ быть главнымъ центральнымъ предметомъ обученія въ народной школѣ, какъ древніе языки являются центральнымъ предметомъ въ средней классической школѣ. Вообще говоря, это справедливо и, кажется, ни кѣмъ не опровергается; но какъ только рѣчь отъ общей идеи переходитъ къ практическому приложенію, къ детальной разработкѣ, обнаруживаются разногласія.

Попробуемъ уяснить дѣло, пользуясь вышеприведеннымъ сравненіемъ начальной школы съ школой средней, которое принадлежитъ не намъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ общезвѣстный фактъ, что развивающаяся сила классическаго образованія значительно ослабѣваетъ, если не совсѣмъ утрачивается, когда его ограничиваютъ грамматическимъ изученіемъ древнихъ языковъ, и оно не восходитъ до свободнаго чтенія и изученія классическихъ авторовъ. Сила классическаго образованія «не въ грамматикѣ, а въ литературѣ древнихъ языковъ».

То же самое надо сказать о родномъ языкѣ, какъ центральномъ предметѣ начальной школы; но понятно, что изученіе литературы здѣсь слѣдуетъ замѣнить чтеніемъ сочиненій, доступныхъ возрасту и пониманію учащихся. Грамматика здѣсь имѣетъ еще менѣе значенія, нежели тамъ, потому что древнихъ авторовъ все-таки нельзя читать и понимать безъ знанія грамматики ихъ языка, а чтеніе и пониманіе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Тургенева, Л. Толстого совершенно возможно для русскаго человѣка и безъ знанія грамматики.

Кромѣ того, грамматика, въ смыслѣ науки о языкѣ, то-есть въ ея истинномъ видѣ и объемѣ, въ которомъ она пріобрѣтаетъ развивающую силу, переставая быть простымъ сборникомъ опредѣленій (по большей части туманныхъ и сомнительныхъ, какъ въ нашихъ элементарныхъ руководствахъ) и правилъ (по большей части условныхъ и произвольныхъ), не всегда оказывается возможной и въ

средней школѣ, а въ начальной просто не возможна. Грамматика же, какъ сборникъ опредѣленій и правилъ, съ такъ-называемымъ «грамматическимъ разборомъ», не содержащимъ въ себѣ никакой развивающей силы. Она понятна и нужна въ подготовительномъ классѣ гимназій, какъ необходимая подготовка къ прохожденію латинской грамматики, но въ начальной народной школѣ трудно найти оправданіе, если на нее затрачивается время на счетъ другихъ, болѣе важныхъ, занятій. Говорятъ, что здѣсь она необходима для правописанія, которое-де невозможно безъ грамматики. По этому поводу можно бы сдѣлать нѣсколько вѣскихъ возраженій, въ интересахъ начальной школы, но мы оставимъ эти возраженія до другого раза, когда будемъ говорить о письменныхъ работахъ въ народной школѣ. Наша мысль, которую мы хотѣли выяснить и установить предъидущими разсужденіями, та, что сила и значеніе родного языка, какъ центрального учебнаго предмета начальной народной школы, заключается по преимуществу въ чтеніи. Чтеніе и должно быть главнымъ, преобладающимъ занятіемъ въ начальной школѣ по предмету русскаго языка, и каждый часъ, отнятый у ученія ради другихъ занятій, особенно ради грамматики и, такъ-называемого, «грамматическаго разбора», наноситъ ущербъ ея дѣлу. Это справедливо и съ педагогической, и съ практической точки зрѣнія.

Припомните любого изъ даровитыхъ русскихъ самоучекъ, въ родѣ Кольцова: они достигали значительнаго умственнаго развитія именно путемъ чтенія, а не грамматикой. Напримѣръ, хотъ Кольцовъ. Грамматика, которой онъ не учился ни въ школѣ, ни самъ собою, до конца жизни осталась чуждою ему. Но онъ, кромѣ сильнаго природнаго ума и крупнаго поэтическаго таланта, обладалъ значительнымъ умственнымъ развитіемъ, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ показанія лицъ, хорошо знавшихъ его и вполне достовѣрныхъ, — между прочимъ, и показанія покойнаго М. Н. Каткова, который напечаталъ свои воспоминанія о Кольцовѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 годъ. «Никогда я не забуду, говорилъ Катковъ, нашихъ бесѣдъ съ нимъ. Часы, бывало, летѣли, какъ минуты». Какъ же Кольцовъ, не прошедшій даже и второго класса уѣзднаго училища, до конца жизни не имѣвшій понятія ни о грамматикѣ, ни о правописаніи, достигъ такого значительнаго умственнаго развитія, что въ бесѣдахъ съ нимъ часы летѣли какъ минуты для такого развитаго и ученаго человѣка, какимъ былъ Катковъ? Именно путемъ чтенія, которому отдавался съ увлеченіемъ еще мальчикомъ, когда отецъ взялъ его изъ

второго класса уѣзднаго училища, какъ нужнаго ему помощника въ его торгово-промышленныхъ дѣлахъ. Конечно, не школа возбудила въ Кольцовѣ любовь къ чтенію, которое не играло никакой роли въ учебныхъ занятіяхъ уѣзднаго училища 20-хъ годовъ; не школа научила его читать съ пользою и удовольствіемъ. Эта любовь была возбуждена въ немъ совершенно случайно лубочными изданіями въ родѣ Бовы Королевича и Еруслана Лазаревича, а потомъ поддерживалась тоже случайными обстоятельствами, какъ дружба съ купеческимъ сыномъ Варгинимъ, который передъ смертью подарилъ своему пріятелю нѣсколько десятковъ книгъ, какъ участливое отношеніе къ нему Воронежскаго книгопродавца Кашкина, наконецъ, поѣздки въ Москву и Петербургъ и дружескія связи съ такими развитыми людьми, какъ Бѣлинскій, Катковъ и др. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе умственнаго развитія и самообразованія Кольцова. Какъ бы то ни было,—несомнѣнно, что Кольцовъ достигъ значительнаго умственнаго развитія путемъ самообразованія, что средствомъ для этого ему служило исключительно чтеніе, что на пользование этимъ средствомъ его натолкнула не школа, а жизнь, ея ✓ случайныя обстоятельства.

Теперь, когда число школъ въ Россіи увеличилось во много разъ и школы стали не таковы, какъ въ старое до-реформенное время, надо желать, чтобы умственное развитіе дѣтей народа было дѣломъ не слѣпого случая, а дѣломъ школы, которая для этого и должна прежде всего воспользоваться средствомъ, указаннымъ самою жизнью. Потому-то мы и повторяемъ съ настойчивостью; чтеніе, чтеніе и чтеніе—вотъ главное занятіе роднымъ языкомъ, который справедливо признается центральнымъ предметомъ въ программѣ начальной народной школы. Ученики этой школы должны выносить / изъ нея, прежде всего, искусство хорошо читать, любовь къ чтенію, умѣніе читать съ пользою и удовольствіемъ.

Какого содержанія чтеніе по преимуществу желательно въ начальной школѣ?

По этому вопросу существуютъ разныя мнѣнія, изъ коихъ мы обратимъ вниманіе на два, господствующія въ настоящее время.

Съ одной стороны высказывается желаніе, чтобы въ начальной народной школѣ преобладало чтеніе съ практическимъ характеромъ, которое-де можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, имѣть полезное вліяніе на хозяйственный и домашній бытъ крестьянства. Научность въ чтеніи отвергается, но требуется практичность. Въ одной программѣ для народныхъ школъ, разосланной официально «для

точного и обязательнаго исполненія и руководства» *), прямо говорится: «учитель долженъ обратить особенное вниманіе на знанія прикладныя: по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, домашней гігіены и проч., вообще на такія, которыми впоследствии можно воспользоваться и съ помощью ихъ улучшить свою жизнь». Предполагаютъ, будто чтеніе такого содержанія, кромѣ полезности, представляетъ болѣе интереса какъ для крестьянскихъ дѣтей, такъ и для взрослыхъ крестьянъ: русскій крестьянинъ, говорятъ, отличается практическимъ складомъ ума, чтеніе съ идеальнымъ характеромъ не занимаетъ его и плохо имъ понимается.

Все вышесказанное, какъ въ существенномъ, такъ и въ подробностяхъ, намъ представляется какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ.

Практическій складъ ума не мѣшаетъ нашему крестьянину, одновременно съ заботой о насущномъ хлѣбѣ для себя и семьи, съ хозяйственными расчетами и соображеніями, питать очень симпатичныя идеальныя представленія и стремленія къ правдѣ, къ добру, и вѣрить, что рано или поздно правда и добро восторжествуютъ надъ кривдой и зломъ. Практическій складъ ума не мѣшаетъ ему понимать и высоко цѣнить въ человѣкѣ идеальныя черты, представляетъ ли ему личность съ такими чертами дѣйствительность или художественное изображеніе.

Тотъ же практическій складъ ума привелъ къ убѣжденію, что практическому дѣлу не научишься изъ книжекъ, что оно вовсе не дѣло школы, что книжки вовсе не для того и нужны, что у школы, у книжекъ и сочинителей есть свое дѣло, очень важное и совсѣмъ особенное. «Почитай намъ про хорошихъ людей. Пахать да сѣять мы и безъ книжекъ выучимся, пожалуй—и тебя поучимъ, а вотъ какъ жить по Божьему—объ этомъ намъ хочется изъ книжки узнать». Практическій умъ крестьянина обособляетъ книжный міръ, какъ міръ идеальный, отъ низменнаго практическаго міра, но не чуждается перяго,—напротивъ, ищетъ въ немъ отдыха и улады отъ своей житейской тяготы. Любитъ крестьянинъ слушать чтеніе про святыхъ угодниковъ, про хорошихъ людей, про старину, про царей, про войну, о далекихъ странахъ и народахъ. Любитъ слушать и живые правдивые рассказы изъ своей собственной жизни, лишь бы не было въ нихъ фальши, поддѣлки, намѣренно поучительнаго элемента, надъ которыми смѣется и отзывается съ нѣкоторымъ высокомѣрнымъ

*) Для Воронежской губерніи. Воронежъ, 1888 г., стр. 78.

презрѣніемъ: «ври-моль, ври, бумага все терпитъ, а меня не проведешь, на кривой не объѣдешь».

Съ другой стороны, высказывается стремленіе, чтобы въ народной школѣ и въ народѣ вообще преобладало чтеніе религіозно-нравственное, правоучительное, отъ котораго ожидается благотворное воздѣйствіе на нравы, на укрѣпленіе въ народѣ истинно религіозныхъ понятій, на устраненіе суевѣрій, грубости и разныхъ пороковъ, пьянства, жестокости, неуваженія чужой собственности и т. под. Замѣчательно, что на этомъ пунктѣ сошлись стремленія многихъ руководителей съ направленіемъ дѣятельности гонимой издательской фирмой «Посредникъ». Но изданія этой самой фирмы «Посредникъ» показали наглядно, какой скользкій путь представляютъ собою для народно-учебной литературы нравоучительныя стремленія, даже при участіи въ ней крупныхъ талантовъ. Читатели изъ народа чуть-ли не лучше другихъ чуютъ въ книжкѣ всякую искусственность и обиліе этой искусственности, какими бы высокими цѣлями она ни вызывалась, очень скоро подрываетъ довѣріе такихъ читателей къ книжкѣ. Иронію, похачиваніе головой и улыбки вызываетъ въ читателяхъ изъ народа поучительная литература «Посредника», ни чему ихъ не научая, дикакихъ добрыхъ чувствъ и стремленій не возбуждая. Въ то же время правдивый и чуждый всякой предвзятой поучительности разсказъ Глѣба Успенскаго «Перестала» или гр. Л. Толстого «Поликушка», или «Крестьянка» Некрасова (изъ «Кому на Руси жить хорошо») — производятъ сильное впечатлѣніе, своими живыми и правдивыми образами и этимъ впечатлѣніемъ оказываютъ гораздо болѣе благотворнаго нравственнаго вліянія, нежели преднамѣренная поучительность тенденціозно-нравственныхъ сочиненій. Вообще непосредственные опыты и наблюденія наводятъ насъ на мысль о необходимости очень осторожно вводить въ обыденное чтеніе народа и дѣтей народа религіозно-нравственный и нравственно-поучительный элементъ, не злоупотребляя нравственно-педагогическими цѣлями. Религію и религіозные предметы неблаго-разумно обращать въ обиходное дѣло, потому что чувство благоговѣнія возбуждается и питается не заурядными обыденными явленіями дѣйствительности, а такими, которыя входятъ въ нее время отъ времени, освѣщая и согрѣвая текущую обыденную человѣческую жизнь. Для возбужденія и должнаго развитія и направленія религіознаго чувства въ школѣ идутъ уроки Закона Божія, содержаніе и характеръ коихъ превосходно опредѣлены программой святѣйшаго синода (1880 г.). Было бы неблагоразумно приурочивать къ той же

задачѣ все школьное обученіе, внося въ него на каждомъ шагѣ, кстати и не кстати, религіозныя цѣли. Это было бы во всякомъ случаѣ не въ интересахъ того желательнаго религіознаго воспитанія, о которомъ такъ разумно заботится программа святѣйшаго синода и обстоятельная записка къ ней (1880 г.). Если про всякое занятіе мы говоримъ, что оно должно исполняться въ-время и у мѣста, то тѣмъ болѣе надо быть осторожнымъ и разборчивымъ въ этомъ отношеніи, когда рѣчь идетъ о занятіяхъ и предметахъ священныхъ, имѣющихъ религіозный характеръ. Неразборчивое обращеніе къ религіи профанируетъ ее, а это большое зло. То же почти надо сказать о неумѣренномъ и неосторожномъ преслѣдованіи нравственно-поучительныхъ цѣлей въ выборѣ матеріала для чтенія. По большей части такое чтеніе не научаетъ нравственности и добродѣтели, какъ рассчитываютъ неблагоразумные руководители, а профанируетъ нравственность и добродѣтель,—слѣдовательно, приводитъ къ цѣли прямо противоположной.

Мы всегда думали и убѣдились путемъ непосредственныхъ опытовъ и наблюденій, что для народа и дѣтей народа, и въ школѣ, и внѣ школы, нужно не дѣланное, нарочито приспособленное къ какимъ либо поучительнымъ цѣлямъ, нами измышленнымъ, а просто хорошее чтеніе, содержательное, занимательное и правдивое, литературно изложенное, безъ поддѣлокъ и въ содержаніи, и въ формѣ. Таковымъ чтеніемъ могутъ служить—или сочиненія истинно-художественныя, благотворя дѣйствующія на воображеніе и чувство своими живыми образами, силою производимаго ими впечатлѣнія, — или сочиненія популярно-научныя, расширяющія умственный кругозоръ, просвѣтляющія умъ не прикладными, а элементарными научными знаніями, способствующія установленію сознательнаго и правильнаго отношенія къ дѣйствительности.

Такого содержанія и характера надо желать и для классной книги въ народной школѣ. Въ ней нуженъ матеріалъ художественный, по преимуществу выбранный изъ лучшихъ русскихъ авторовъ, и матеріалъ популярно-научный—о природѣ, объ отечествѣ, о прошедшемъ отечества и т. под. Но нѣтъ надобности въ особомъ нравственно-поучительномъ матеріалѣ, нарочито сфабрикованномъ съ нравственно-поучительными цѣлями и состоящемъ изъ дѣланныхъ шаблонныхъ повѣствованій, обыкновенно безцвѣтныхъ, не производящихъ никакого впечатлѣнія. Такими повѣствованіями и статьями, неподходящими подъ народный и подъ дѣтскій языкъ, наполнялись наши книги для чтенія въ старину, какъ, напримѣръ, извѣстный

«Другъ дѣтей»; потомъ, когда у насъ стали водворяться здравыя педагогическія идеи, благодаря Ушинскому, Водовозову, Резнеру и др., они исчезли, а теперь, съ пониженіемъ уровня педагогическихъ понятій, на нихъ опять пошла мода, и новѣйшія книги для чтенія загромождены этимъ нравственно-поучительнымъ и жалкимъ балластомъ, никого не интересующимъ никого ничему не поучающимъ.

То же содержаніе и тотъ же характеръ, какіе намѣчены выше для ыласной книги, желательны и для вѣкласснаго чтенія, которому слѣдуетъ дать какъ можно болѣе простора. Пусть учащіеся въ школѣ и бывшіе ученики ея берутъ изъ школьной библіотеки книги для домашняго чтенія. За желаніемъ съ ихъ стороны дѣло не станетъ, если въ школѣ постоянно и толково ведется классное чтеніе и отъ этого важнаго занятія не отнимается время на занятія менѣе важныя и производительныя для начальной народной школы, какъ зубреніе грамматики г. Тихомирова или диктовка по г. Пуцковичу, какъ мелочныя педантическія толкованія о каждомъ прочитанномъ словѣ и т. п. Классное чтеніе должно сопровождаться только самыми необходимыми объясненіями и только того, что дѣйствительно требуетъ объясненія, да постояннымъ упражненіемъ учениковъ въ изложеніи прочитаннаго своими словами, отчета о прочитанномъ. Чѣмъ прямѣе, короче и проще будутъ объясненія учителя, чѣмъ самостоятельнѣе собственное изложеніе учениковъ—тѣмъ лучше.

Но этого недостаточно. Чтобы чтеніе вошло въ нравы крестьянъ и въ сельскомъ населеніи установилась любовь и привычка къ хорошему чтенію, слѣдуетъ устроить въ школѣ, напримѣръ—по вечерамъ или въ праздники послѣ обѣда, чтенія въ слухъ, приглашая слушать какъ учащихся, такъ бывшихъ учениковъ и ихъ родственниковъ, грамотныхъ и неграмотныхъ. Въ слушателяхъ недостатка не будетъ, какъ мы убѣдились и по отзывамъ другихъ лицъ, и по собственному опыту. А отъ такихъ чтеній одинъ только шагъ до публичныхъ лекцій для сельскаго населенія, которыя сдѣлаются возможными, когда у насъ крестьяне привыкнутъ и научатся слушать связное изложеніе и объясненіе фактовъ и событій, да когда у насъ явятся талантливые и знающіе лекторы, способные говорить для крестьянъ.

Въ заключеніе сообщимъ свѣдѣнія о томъ, что было съ успѣхомъ прочитано вслухъ у насъ. Изъ Пушкина: «Капитанская дочка», «Дубровскийъ», «Полтава», «Борисъ Годуновъ». Вообще сочиненія Пушкина (въ изданіи Суворина) были въ большомъ ходу между учащимися и бывшими учениками школы въ годъ пятидеся-

тѣлѣтїя кончины поэта, такъ какъ въ школѣ были разговоры по этому поводу: всѣ ученики старшаго отдѣленія и многіе изъ окончившихъ курсъ въ прежніе годы требовали по воскресеньямъ на домъ сочиненія Пушкина. Окончившіе курсъ въ 1887 году получили въ подарокъ отъ школы сочиненія Пушкина въ изданіи «Русскаго Начальнаго Учителя».

Изъ Гоголя: «Майская Ночь», «Ночь наканунѣ Ивана Купала», — «Ночь подъ Рождество», «Страшная месть», «Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»; много было и смѣху и ужаса. Больше всего понравилась «Майская ночь».

Изъ Тургенева: «Стучить», «Бирюкъ», оба рассказа были слушаны съ большимъ интересомъ и очень понравились.

Изъ Некрасова: «Коробейники», «Морозъ-красный носъ», «Крестьянка» (изъ «Кому на Руси жить хорошо»), все понравилось и производило сильное впечатлѣніе. Высказывали, что Некрасовъ очень хорошо представляетъ мужиковъ и бабъ. «Вотъ правда, такъ правда!» «Все живьемъ представлено!» «Ну и ловко же онъ написалъ, какъ есть по настоящему!» «Крестьянку» женщины слушали со слезами на глазахъ. «Вотъ она бабья-то доля, горемычная, что и говорить». «Теперь еще лучше пошло, а при господахъ-то то-ли было».

Изъ Островскаго: «Не такъ живи какъ хочется», «Бѣдность не порокъ», «Грѣхъ да бѣда», «Гроза». Всѣ эти произведенія произвели большое впечатлѣніе и очень понравились.

Изъ Л. Толстого: «Полянушка», «Упустишь огонь, не потушишь», понравились и слушались съ большимъ вниманіемъ и полнымъ пониманіемъ.

Изъ Глѣба Успенскаго: «Сирота», «Перестала»; успѣхъ полный, потому что и заинтересовались, и поняли, и кое-что извлекли полезное, судя по примѣненіямъ, которыя высказывали по отношенію къ своей жизни. Оба рассказа попали въ болѣе мѣсто крестьянскаго быта и увлекали своей простотой, теплотой и правдой.

Изъ Короленко: «Дѣти подземелья» въ сокращенномъ изложеніи «Родника», сдѣланномъ при участіи автора, «Убивецъ» въ изданіи «Посредника», понравились и слушались съ удовольствіемъ.

Рассказы разныхъ другихъ авторовъ:

А. Потѣхина—«Крестьянскія дѣти», Круглова—«Большакъ», Костина—«Человѣкъ за бортомъ», Коваленскій—«Исаевна», Хмѣлевой—«Безвѣстная труженица», свящ. Покровскаго—«Послѣ раздѣла» («Читальня народной школы» за

1888 г.). Последний рассказ задѣлъ за живое мужиковъ; высказывалось одобреніе и желаніе побольше слушать такихъ полезныхъ книжекъ. «Надо-де учить насъ дураковъ».

Коронина—«Счастлирое открытіе» («Сборникъ въ память Гаршина»), рассказъ очень понравился и хорошо понятъ. Женщины были въ восторгѣ.

Квашнина—«Коровья оспа» («Читальня народной школы» за 1888 г.), слушали внимательно и все поняли.

Гололобова—«Воръ», очень понравилось.

Рунова—«Лихіе подарки» (книжки «Недѣли» за 1888 г. № 3) очень смѣлились, все поняли и рассказъ одобряли.

Сочиненія популярно-научныя;

А. Ефименко—«На Югорскомъ шарѣ» («Дѣт. Чт.» 1875 г. № 1).

«По русской землѣ» («Родникъ» 1883 г. № 7 и 8).

«По Волгѣ» («Родникъ» 1883 г. № 3 и 4).

Круглова—«Близъ тундры» («Семья и школа 1875 г. № 10, 11, 12).

Голенковской — «Кое-что о землѣ» («Чит. нар. шк.» за 1888 г.).

Альмедингена—«Огонь» (тамъ же).

Сафонова—«Спички» (тамъ же).

Рассказы изъ Географическаго Сборника Меча: «На льдинѣ» Охочинскаго), «На тундрѣ» (Михайлова), «Въ лѣсахъ Архангельской губерніи» (Воропая), «Поездка въ Малороссію» (Петруши-Коленченко).

«На морѣ и на сушѣ», кругосвѣтное путешествіе корвета «Лебедка» (отдѣльное изданіе Ред. «Чтенія для солдатъ»).

Павловича—«Рассказы изъ Русской исторіи».

Всѣ эти популярно-научныя сочиненія слушались съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Чтеніе дополнялось только самыми необходимыми объясненіями; при чтеніи путешествій и вообще статей географическаго содержанія вывѣшивалась карта для необходимыхъ указаній.

IV.

О письменныхъ работахъ и о правописаніи.

Къ крестьянину Авдѣю Срывкину вернулся изъ службы братъ Егоръ, который на службѣ, между прочимъ, выучился и грамотѣ.

Надобно скавать, что военная служба иногда у насъ является по селамъ и деревнямъ разсадникамъ интеллигенціи. Возвратившіеся домой солдаты, въ большинствѣ случаевъ, ужъ далеко не тотъ мужикъ, какимъ онъ уходилъ изъ деревни: онъ на службѣ приобрѣлъ, во-первыхъ, виѣшнюю полировку, выправку, во-вторыхъ, сравнительную широту умственнаго горизонта, потому что видѣлъ и слышалъ многое недоступное мужику, въ-третьихъ, приобрѣлъ еще и грамотность, а иной и прочиталъ, и понялъ кое-какія книжки. Словомъ, въ деревню приходитъ человѣкъ «умственный», по выраженію крестьянъ, и крестьяне относятся къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, не столько за его службу, сколько за эту «умственность». Бываютъ солдатики, которые не приносятъ и не проявляютъ такой умственности,—къ нимъ иначе и относятся. Одно только слово, говорить, что онъ на службѣ былъ, а чему выучился на службѣ? Какъ былъ мужикъ безтолковый, такимъ и назадъ воротился, отъ мужицкаго дѣла отсталъ, а ничему путному не выучился. «Умственность» и «умственныхъ людей» крестьяне цѣнятъ и уважаютъ. Но обратимся къ Авдѣю Срывкину. Около того самаго времени, какъ воротился со службы Егоръ, племянникъ Авдѣя, сынъ третьяго брата, Иванъ, послѣ трехлѣтняго ученія, окончили курсъ въ училищѣ и получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса.

Иванъ Срывкинъ, малый лѣтъ пятнадцать, смысленный и способный къ ученю, но не особенно исправный и прилежный, былъ изъ среднихъ учениковъ по успѣхамъ, но всегда отличался смѣлостью, доходящею до наглости: разобралъ—не разобралъ, а читаетъ безъ запинки, знаетъ не знаетъ, а ия передъ какимъ вѣпросомъ въ тупикъ не встаетъ. Онъ очень дивилъ неграмотныхъ мужиковъ, какъ бойко и громко, не переводя духа, читалъ псалтырь надъ покойникомъ. Прежде этимъ дѣломъ въ селѣ занималась одна «черничка», дѣвушка-незамужница, выучившаяся грамотѣ у псаломщика. Иванъ сталъ ей поперекъ дороги. Повятно, что онъ, читая псалтырь бойко, безъ запинки, вралъ немилосердно, но вралъ съ такимъ апломбомъ, что никто, ниже сама «черничка», не подозревалъ этого вранья.

Встрѣтившись съ Авдѣемъ, я спросилъ его: «ну вотъ дядя Авдѣй, теперь у васъ въ семьѣ два грамотѣя, который же, по вашему, будетъ посильнѣе?—А что вы думаете, вѣдь Иванъ-то чуть ли не похлеще будетъ. Забилъ онъ дядю, оскрамилъ. Еще по печатному такъ и сякъ. А вотъ письмо разобрать или самъ написать—солдаты-то и не могутъ, значить—недошель.

Встрѣчаю Ивана и подпучиваю:

«Что, братъ, дядя-то тебя пробираетъ? плохо, слышишь, ты выучился, отсталъ отъ него»...

— Гдѣ ему! Онъ только по печатному и читать-то умѣетъ. По церковно-славянски—и то я его выучилъ. А писанное читать, или писать или задачи читать совсѣмъ не умѣетъ.

«Ну, и ты по церковно-славянски тоже здорово врешь...

— Нѣтъ, я могу хорошо.

А псалтырь-то надъ покойникомъ какъ читалъ? Что слово то и совралъ. Помнишь?

— Такъ вѣдь то я читалъ для неграмотныхъ. Развѣ они смыслятъ? Имъ бы только пошибче да позвончѣе. А то я могу хорошо. Давайте книжку, сами послушайте.

«Ну, ну, я такъ повѣрю. А письма читаешь? пишешь?»

— А то развѣ нѣтъ? Вы спросите хоть у дяди, онъ вамъ скажетъ. Ужъ сколько я писемъ-то написалъ.

«Какъ-же, что тебѣ говорить-то и пишешь?»

— Всяко бываетъ: то говорятъ, а то я имъ говорю, да спрашиваю: ладно-ли моль, будетъ? А то и прямо пишу изъ своей головы.

«Это изъ своей-то головы? ты, пожалуй, то понапишешь, чего и не надо»,

— Нѣтъ, я ужъ къ дѣлу. Мы на селѣ другъ друга хорошо знаемъ, кто какъ живетъ, чѣмъ занимается,—ну, я и прикидываю, что къ кому идетъ, такъ и пишу. Напишу, потомъ вслухъ прочитаю: ладно-ли, моль?

— «И ладно выходить?»

— Ладно. Много довольны, не нахвалятся. Бываетъ, промахнешься,—ну, ничего, и поправить можно.

«И платять тебѣ за это?»

— Гдѣ заплатить, а гдѣ и такъ, за спасибо напишешь.

И часто приходится слышать отъ крестьянъ такіе отзывы, что читать и сочинять письма въ крестьянскомъ быту считается вѣнцомъ грамотности и ученія. Кто не можетъ сочинить и написать письма, а если и можетъ написать, да все спрашиваетъ, что писать, а самъ не сочиняетъ, тотъ еще не дошелъ «до дѣла до настоящей, «заправской» грамотности. Оно и попятно. Потребность письменныхъ сношеній въ крестьянскомъ быту растетъ и растетъ съ каждымъ годомъ. Во-первыхъ, воинская повинность, при сокращенныхъ срокахъ, то и дѣло уводитъ изъ села молодыхъ людей. Во-вторыхъ

малоземелье заставляет многих крестьян оставлять родное село на болѣе или менѣе продолжительное время для заработка въ городѣ или въ южныхъ краяхъ (на такъ называемой «ляни»), а то и вовсе переселяться на новыя мѣста, по большей части очень далеко отъ родины. Мало по малу сельское населеніе становится подвижнѣе даже тамъ, гдѣ лѣтъ 30 тому назадъ не было и рѣчи объ отхожихъ промыслахъ и переселеніяхъ. Ни уходящимъ не хочется порвать связи съ родиной, гдѣ остались родныя поля и родные люди; ни остающимся не хочется, чтобы уходящіе пропали безъ вѣсти. Вотъ и возбуждается, и растетъ потребность переписки. Назадъ тому немного лѣтъ, единственнымъ лицомъ для веденія такой переписки, т. е. чтецомъ и сочинителемъ писемъ («черничка» писать не умѣть) былъ мѣстный псаломщикъ; для него эта переписка была доходной статьей, а для крестьянъ обременительнымъ расходомъ. Понятно, что школа, имѣющая въ виду потребности жизни, уважающая разумныя требованія родителей и мѣстнаго населенія, обязана обратить вниманіе, чтобы ученики ся научились, между прочимъ, и читать, и писать письма. Но письмо только форма, а суть дѣла въ умѣнн толково, разборчиво и вразумительно, понятно для всякаго грамотнаго русскаго человѣка, письменю излагать факты и мысли, т. е. въ умѣнн сочинять. Не бѣда, если такое сочиненіе не будетъ блистать литературными достоинствами, даже грамматической правильностью изложенія и правописаніемъ, лишь бы всякій не глупый чтецъ и слушатель понялъ, именно хотѣлъ сказать сочинитель, и понялъ именно такъ, какъ хотѣлось сочинителю.

Къ сожалѣнію, многія изъ нашихъ народныхъ школъ, вопреки жизненной потребности, не приводятъ своихъ учениковъ къ этому нужному умѣнью, даже не стремятся къ тому.

Причина этого заключается въ томъ, что школы наши часто готовятъ своихъ учениковъ не для жизни, а для экзамена, а требованія экзамена могутъ находиться въ разладѣ съ требованіями жизни. Отъ этого разлада происходитъ много злѣ, подрывающихъ и благосостояніе, и образовательное значеніе народной школы для жизни.

Мѣриломъ грамотности учениковъ экзаменъ считаетъ болѣе или менѣе удовлетворительное писаніе подъ диктовку. Общія officialныя требованія, при этомъ, благоразумно ограничиваются отсутствіемъ въ диктовкѣ учениковъ искаженія словъ и пропусковъ, да отдѣленіемъ предложеній знаками препинанія. Но частныя тре-

быванія ретивыхъ исполнителей все возрастали съ году на годъ и, наконецъ, въ жару личнаго соперничества, досрочно до правописанія по Гроту.

Мѣриломъ грамотности учениковъ жизнь считаетъ болѣе или менѣе удовлетворительное, т. е. складное, толковое и понятное, письменное изложеніе фактовъ.

Въ результатѣ получается такое явленіе, что ученики, удовлетворительно-грамотные съ точки зрѣнія экзамена, нигде не годятся съ точки зрѣнія жизни, а бываетъ и на оборотъ, что жизнь признаетъ удовлетворительно-грамотными учениковъ, которыхъ экзаменъ призналъ неудовлетворительными: на экзаменѣ они не справились съ буквой *ъ* въ диктовкѣ, а крестьянамъ сочиняютъ толковыя и удобопонятныя письма. Кто тутъ правъ и какъ быть учителю?

Конечно, жизнь всегда права, но учителю отъ этого не легче. Онъ, прежде всего, лицо официальное и подначальное: и радъ бы повиноваться голосу жизни, да такое повиновеніе не ладитъ съ приказаніями и требованіями тѣхъ лицъ и учреждений, которыя не очень церемонятся съ сельскимъ учителемъ и отъ которыхъ зависитъ не то, что его благосостояніе, а прямо кусокъ его насущнаго хлѣба.

Вотъ почему въ большинствѣ нашихъ народныхъ школъ всякія пыны письменныя упражненія, кромѣ списыванія и диктовки, или вовсе отсутствуютъ, или доводятся до безрезультатнаго *minimum'a*, особенно въ старшемъ отдѣленіи, которое учится третій годъ и готовится къ сдачѣ экзамена. Учитель, по необходимости, ежедневно, съ утра до вечера, душатъ этихъ третьегодниковъ диктовкой, которая, въ концѣ концовъ, надѣдаетъ способнымъ и живымъ крестьянскимъ ребятамъ хуже горькой рѣдьки. Вѣдь добиться ко дню экзамена удовлетворительнаго условнаго правописанія по Гроту—дѣло не легкое. Это настоящая каторга и для учителя. Сколько тратится свѣжыхъ силъ и дорогого времени ради этой погони за буквой *ъ*, за окончаніями *ме, ie, ыя, ія* и т. п.! Сколько полезнаго можно бы сдѣлать для жизни съ этими свѣжими, молодыми силами въ это дорогое время! И что же выходитъ? Правда, что нѣкоторые изъ учениковъ, по большей части не изъ самыхъ даровитыхъ и живыхъ, дѣйствительно на экзаменѣ напишутъ диктовку почти безъ ошибокъ, такъ что лицо, завѣдующее школами, съ гордостью говорить при удобномъ случаѣ: «у меня въ школахъ пишутъ по Гроту»; но тѣ же ученики черезъ недѣлю послѣ экзамена пишутъ *ъ* въ словѣ это тѣ и совершенно отрицаютъ на практикѣ академика

Грота, написать же толковую записку о томъ, что въ селѣ появилась на рогатомъ скотѣ болѣзнь, и требуется помощь земскаго ветеринара, совершенно не въ состояніи, а если напишутъ, то не только съ ужасающей безграмотностью, искаженіемъ словъ и безъ знаковъ препинанія, но и безъ всякаго смысла.

Намъ приходилось настаивать на экзаменахъ, чтобы испытательная диктовка была замѣнена сочиненіемъ, напр., письма съ даннымъ содержаніемъ (о пожарѣ въ селѣ, о своей семьѣ, о сельскихъ работахъ, о церковномъ праздникѣ и о времяпрепровожденіи праздника и т. п.), но противъ этого возставали, во первыхъ, экзаменаторы, ссылаясь на официальную программу, во вторыхъ, учителя, ссылаясь на совершенную неподготовленность учениковъ за «недосугомъ» упражнять ихъ въ сочиненіи.

Но какая же польза для жизни отъ такого ученія и отъ такой грамотности, и не правы ли тѣ крестьяне, которые находятъ, что въ школѣ «наученіе небольшое», ребята не получаютъ «письменности» и «умственности» и что грамотность (разумѣй: такая, такъ сказать, диктовочная грамотность) совсѣмъ не нужна.

Одинъ разъ намъ удалось добиться, что на экзаменѣ было допущено, рядомъ съ диктовкой, сочиненіе письма, но при оцѣнкѣ грамотности учениковъ все таки письмо не принималось во вниманіе, и ученики, которые написали вполнѣ хорошія письма, получили низшую оцѣнку, нежели другіе съ лучшей диктовкой, но которые не могли бы написать толково и грамотно двухъ трехъ строчекъ своего сочиненія. Это очень вредный прецедентъ для будущаго школъ нашей мѣстности. Но для насъ, въ данномъ случаѣ, важнѣе всего открыть тѣ средства, которыми пользовался учитель, чтобы привести учениковъ къ толковому письменному изложенію своихъ мыслей, т. е. къ тому результату, котораго требуетъ жизнь и котораго нельзя не пожелать для всякой народной школы.

Понятно, что для этого приходилось постоянно практиковать учениковъ въ сочиненіи. Эту практику, по нашему мнѣнію и непосредственному опыту, должно и можно начинать съ перваго учебнаго года.

Какъ только ученики приобрѣли умѣніе читать и писать, чего возможно достигать къ половинѣ января, если учебный годъ начинается въ половинѣ сентября, а то и раньше,—ужь является возможность, рядомъ съ диктовкой и списываніемъ (такъ какъ эти письменныя работы должно вести постоянно во время прохожденія азбуки), приучать дѣтей къ сочиненію—сперва въ формѣ отдѣльныхъ

предложеній, а потомъ и цѣлой группы предложеній, связанныхъ общей мыслью.

Содержаніе для такихъ сочиненій можно извлекать изъ прочитаннаго, или изъ картинокъ, или просто изъ жизни.

Въ помощь начинающимъ сочинителямъ можно давать вопросы написанные на классной доскѣ.

Приведемъ примѣръ вопросовъ для сочиненія о зимѣ. Прежде всего пишется общій вопросъ, обозначающій тему сочиненія, на который не требуется особаго отвѣта: «Чѣмъ зима отличается отъ другихъ временъ года?»

Потомъ идутъ частные вопросы; отвѣты на эти послѣдніе въ совокупности, и должны быть отвѣтомъ на общій вопросъ: «Зимой какъ солнце восходитъ? Долго ли оно остается на небѣ? Какой бываетъ день и какая ночь? Какая стоитъ погода? Земля чѣмъ покрыта? Что бываетъ на рѣкахъ? Гдѣ дикіе звѣри? Гдѣ перелетныя птицы? Люди ѣздятъ на чѣмъ? Одѣваются какъ? Что дѣлаютъ для тепла въ хатахъ? Что дѣлаютъ зимой крестьяне? Чѣмъ занимаются крестьянки? и т. п.

По возможности, вопросы пишутся такъ, чтобы изъ вопроса не трудно было сдѣлать отвѣтъ и въ отвѣтѣ воспользоваться правописаніемъ вопроса. Еще легче составлять такіе вопросы къ небольшимъ прочитаннымъ рассказамъ, какихъ много въ книжкахъ для чтенія гр. Л. Н. Толстого, да и во всякой порядочной книжкѣ для первоначальнаго чтенія, и къ картинкамъ. Только откуда же взять картинокъ нашей бѣдной школѣ? Мы видѣли очень практичный способъ добыванія подходящихъ картинокъ: онѣ оказались вырѣзанными изъ объявленій объ иллюстрированныхъ журналахъ («Нива», «Сѣверъ» и т. п.), наклеенными на большой картонъ и слегка иллюминированными (акварельными красками). Получилась цѣлая коллекція недурныхъ и очень содержательныхъ картинокъ, описаніемъ которыхъ ученики усердно занимаются, предпочитая эту работу и диктовкѣ, и списыванію, такъ что къ послѣднимъ работамъ можно обращаться въ видѣ лишенія за невнимательное или небрежное отношеніе къ первой работѣ и для побужденія самостоятельно стремиться къ возможно лучшему исполненію ея.

Отъ подобныхъ письменныхъ работъ можно, въ концѣ 1-го года, переходить къ самостоятельному изложенію своими словами небольшихъ рассказовъ. Изложеніе прочитаннаго должно быть главной письменной работой 2-го учебнаго года, но къ нему слѣдуетъ присоединить и краткія описанія знакомыхъ предметовъ, и рассказы о

повседневныхъ или исключительныхъ (если таковыя были, въ родѣ пожара, разлива рѣки и т. п.) событій жизни, а также письма съ даннымъ содержаніемъ. Третій годъ обученія можно, кромѣ писемъ, отдавать сочиненіямъ на темы, но необходимо озаботиться, чтобы у юныхъ сочинителей имѣлось въ головѣ удовлетворительное содержаніе. Намъ удавались такія темы: «Нашъ праздникъ», Заботы, печали и радости землевладѣльца», «Чему я выучился въ училищѣ», «Пожаръ въ нашемъ селѣ» и т. п.

Само собой разумѣется, что всѣ ученическія сочиненія должны быть неотложно и тщательно просмотрѣны учителемъ. Мы убѣдились на практикѣ, что приносить пользу даже многими осуждаемое исправленіе ученическихъ сочиненій, не въ смыслъ одного правописанія, но именно въ смыслъ усовершенствованія самого сочиненія, со стороны содержанія, плана, изложенія, если только оно сопровождается надлежащими объясненіями, такъ что ученикъ ясно видитъ, что его сочиненіе улучшилось, и понимаетъ, почему оно стало лучше. Отъ такого исправленія, тщательно исполненнаго, удовлетворительно мотивированнаго и объясненнаго, дальнѣйшія сочиненія учениковъ быстро совершенствуются.

Очень понравился намъ и далъ хорошіе результаты вотъ какой приемъ для упражненія учениковъ въ сочиненія писемъ: учитель завелъ дѣйствительную переписку съ ними. Ученики писали ему письма въ особыхъ тетрадкахъ; онъ исправлялъ эти письма и тутъ же писалъ отвѣтъ на каждое письмо, соблюдая вполнѣ обычную форму переписки, объясняя ошибки, иногда предлагая ученикамъ разные вопросы изъ школьной и домашней жизни. Прочитавъ письмо учителя, ученики опять писали ему, и т. д.,— словомъ, завязалась живая, интересная и полезная настоящая переписка, которая увлекала и учителя, и учениковъ, принося послѣднимъ большую пользу. У насъ сохранились цѣлыя тетради этой интересной переписки.

Полезно прочитываніе вслухъ ученическихъ сочиненій самими авторами или въ классѣ, съ цѣлью исправленія всѣмъ классомъ, или на актѣ, на экзаменѣ и тому подобномъ иномъ торжественномъ собраніи. Въ нашемъ училищѣ были читаны на актахъ осенью, при раздачѣ свидѣтельствъ и чтенія отчета, слѣдующія ученическія сочиненія: «Наше село и наша волость», «Нашъ городъ и нашъ уѣздъ», «Кольцо», «Нашъ сельскій праздникъ», стихотвореніе «Мужъ и жена». Взрослые крестьяне съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ сочиненія юныхъ авторовъ; особенное одобреніе вызвало названное выше стихотвореніе, которое мы и приводимъ цѣликомъ:

Мужъ и жена.

Стихотвореніе.

Крестьянскаго мальчика 12 л. Сергія Аникина.

Какъ жена мужа бранить:

„Лежебокъ ты, говоритъ,—

„Что ты цѣлый день лежишь,

„Что за дѣломъ не слѣдишь,

„На поденщицу нейдешь,

„Да и лапти не плетешь?

„Постыдись глядѣть на свѣтъ,

„Безтолковный дармоѣдъ!

Какъ жена мужа бранить:

„Свѣтъ-то попусту горитъ:

„Ты не слушаешь, лежишь,

„Словно маленькій глухонѣтъ,

„На непостлаанныхъ доскахъ,

„Кулакъ сжатый въ головахъ.

„Мени матушка коритъ:

„Что твой мужъ, баглай, лежитъ?

„Что онъ лапти не плететъ

„И оборокъ не советъ?

„Ай у дочки мужа нѣтъ,

„Воскомъ лежитъ твой слѣдъ?...

Какъ жена мужа бранить:

„Слышь, какой морозъ трещитъ,—

„Какъ мыѣ по воду ходить?

„Можно ноги простудить.

„Я какъ давеча пошла,

„Ноги зацщипало,

„Я до хаты не дошла,

„Чуть чуть не упала.

„Ну, ужъ завтра, какъ ты хошь,

„Коли лапти не сплетешь,

„Весь день дома просижу;

„Крючкомъ ноги подожду“.

Тутъ мужикъ съ лавки поднялся

И за лыки скоро взялся.

Мы привели это стихотвореніе, конечно, вовсе не имѣя намѣренія давать образецъ сочиненій, какихъ надо желать отъ учениковъ народной школы.

Мы цѣнимъ въ немъ не стихотворную форму, произвольно избранную юнымъ сочинителемъ, не поэтическое достоинство, учить

которому нельзя и вѣтъ надобности, даже не поучительную мысль, впрочемъ ни кѣмъ автору не навязанную, а свѣжесть, искренность и простоту чувства и живой народной рѣчи. Чувствуется, что это сочиненіе не дѣланное, не фальшивое, не книжное. Тутъ не видно подражанія даже Кольцову, котораго такъ хорошо понимаютъ и любятъ крестьянскія дѣти, обучаясь въ школѣ.

Приведенное нами стихотвореніе напомнило намъ о необходимости сдѣлать одну очень важную оговорку относительно исправленія ученическихъ сочиненій и той мѣрки, какую слѣдуетъ прилагать для оцѣнки ихъ достоинства. По нашему крайнему убѣжденію, вовсе не слѣдуетъ стремиться, чтобы ученики народной школы сочиняли по книжному, сглаживать и обезцвѣчивать ихъ живую народную рѣчь, лишая ее естественныхъ красокъ и жизненной простоты, ради условной грамматической правильности.

Толки о «прелести живой народной русской рѣчи» у насъ стали давно общимъ мѣстомъ, но рядомъ съ ними уживается самое варварское отношеніе къ этой рѣчи и грубое насилие надъ ней въ школѣ. Замашка нѣкихъ педантовъ «очищать» эту живую рѣчь напоминаетъ исторію Крыловскаго червонца, который, благодаря подобной чисткѣ, потерялъ чуть не половину своей цѣны.

Исправлять въ ученическихъ сочиненіяхъ надо ошибки содержанія, безсвязность и беспорядочность изложенія, бессмысленность или туманность выраженій,—ну, конечно, орфографическія ошибки, а не своеобразность и простоту живого народного языка.

И такъ, упражненія въ сочиненіи, въ изложеніи прочитаннаго, въ описаніи знакомыхъ предметовъ, въ разсказѣ объ извѣстныхъ событіяхъ, въ изложеніи фактовъ и собственныхъ мыслей, въ формѣ, такъ-называемыхъ, сочиненій и писемъ, мы считаемъ самыми главными, необходимѣйшими письменными работами въ начальной народной школѣ.

А что-же, спросятъ насъ, диктовка? Неужели она совсѣмъ не нужна?

Нѣтъ, она нужна и полезна, какъ нужно и полезно списываніе, но рядомъ съ сочиненіемъ и не только безъ преобладанія надъ нимъ, но съ значительнымъ преобладаніемъ именно этого главнаго письменнаго упражненія.

Кромѣ того, мы отрицаемъ надобность въ нарочито подобранномъ матеріалѣ для диктовокъ, пригнанномъ къ правиламъ правописанія. Такой матеріалъ обыкновенно состоитъ изъ отрывочныхъ безсвязныхъ фразъ и почти всегда отличается внутренней пустотой, без-

содержательностью. Такая диктовка не приводит ни къ какой цѣли. Даже то правило правописанія, ради котораго сдѣланъ подборъ безсвязныхъ и пустыхъ фразъ, при такой диктовкѣ, соблюдается учениками механически, и сплошь да рядомъ бываетъ, что ученики, повидимому, усвоившіе правило, закрѣпленное за ними нарочито подобранной диктовкой, на другой же день вовсе забываютъ его и при всякомъ представившемся случаѣ нарушаютъ это правило, какъ только имъ приходится писать другой, связный, складный, такъ сказать—естественный матеріалъ. По нашему мнѣнію, диктовать ученикамъ можно и должно все, что доступно ихъ пониманію, и особенно то, что было прочитано ими въ классѣ съ учителемъ. Лучше всего для этого выбирать небольшія статейки или отрывки образцовыхъ авторовъ, законченные и обладающіе литературными достоинствами. При этомъ конечно, учитель долженъ прибѣгать къ извѣстному способу предупрежденія ошибокъ; учительскій тактъ и знаніе своихъ учениковъ должны указывать ему, въ какихъ именно случаяхъ нужно это предупрежденіе.

Все-таки, въ заключеніе этого очерка, надо договориться до чего-нибудь опредѣленнаго относительно правописанія въ народной школѣ.

Прежде всего, по нашему убѣжденію, разъ навсегда, надо отказаться—отъ неумѣстной орфографической щепетильности, чтобы избѣгнуть непроизводительной затраты времени, нужнаго для другихъ, болѣе важныхъ занятій, и не поговю за результатами недостижимыми. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что можно или должно пренебрегать правописаніемъ и не стремиться къ его возможному совершенству. Совсѣмъ напротивъ: учитель долженъ обращать вниманіе на орфографическую правильность письма учениковъ, начиная съ самыхъ первыхъ письменныхъ работъ, при обученіи грамотѣ, и до конца курса, постепенно и постоянно прививая къ нимъ хорошіе орфографическіе навыки.

Продолжительный опытъ и близкое знакомство съ начальной школой убѣдили насъ, что хорошіе и прочные орфографическіе навыки составляютъ фундаментъ удовлетворительнаго правописанія; грамматика же, особенно элементарная, лишняя паучаго характера сведенная на безсвязный наборъ произвольныхъ и весьма неточныхъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, съ ея мудреными терминами имѣетъ въ этомъ дѣлѣ далеко не первостепенное значеніе, кромѣ немногихъ случаевъ, о коихъ скажемъ въ свое время.

Въ нашей народной школѣ не малую помощь русскому правописанію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже, можетъ оказывать церковно-славянскій языкъ; на это обстоятельство, къ сожалѣнію, никто не думалъ обратить вниманіе, ни сторонники часослова и старой школы, ни даже составители программъ для церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ дано такъ много простора занятіямъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что можно стремиться къ возможному (у насъ многіе стремятся къ невозможному, обманывая себя и другихъ мнимымъ достиженіемъ этой невозможной цѣли) совершенству правописанія, но для этого не пренебрегать ничѣмъ другимъ, особенно болѣе важнымъ и полезнымъ для жизни, а въ то же время быть разумно умѣреннымъ въ оцѣнкѣ правописанія учениковъ народной школы и въ требованіяхъ отъ учителя по отношенію къ успѣхамъ его учениковъ въ правописаніи. Одно другому нисколько не мѣшаетъ.

Намѣтимъ то возможное, что въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, основанному на опытѣ, должно быть достигнуто въ три зины, безъ ущерба другимъ занятіямъ, и укажемъ испытанныя нами средства для достиженія желательныхъ результатовъ. Безусловно можно и должно достигнуть, чтобы ученики къ концу курса удовлетворительно примѣняли слѣдующія орфографическія правила:

1) Объ употребленіи прописной буквы.

Начало примѣненію этихъ правилъ полагается въ первомъ году обученія, на урокахъ чтенія и письма: сперва пишутъ прописную букву въ началѣ, послѣ точки, въ именахъ людей, потомъ въ названіяхъ городовъ, рѣкъ и т. д. Во второмъ году дается понятіе объ имени собственномъ, пишутъ письма, и всѣ случаи употребленія прописной буквы исчерпываются. Никакой особой диктовки, намѣренно испещренной прописными буквами, не нужно, потому что случаевъ примѣненія этихъ правилъ встрѣтится довольно во всякой письменной работѣ.

2) Объ употребленіи буквы з.

Примѣненіе этихъ правилъ начинается тоже при обученіи грамотѣ, такъ какъ употребленіе буквы з основывается на произношеніи и усваивается легко. Здѣсь пожалуй не бесполезна намѣренно подготовленная диктовка, потому что словъ съ буквой з не много, и случаевъ ея употребленія довольно рѣдки.

3) О переносѣ словъ изъ одной строки въ другую.

И эти правила начинаютъ примѣнять при обученіи грамотѣ,

при чемъ въ основу правильнаго переноса полагается дѣленіе слова на слоги. Съ этой основой ученики могутъ оставаться и до конца курса, потому что этимологическая основа не можетъ имѣть примѣненія въ начальной школѣ, да и на практикѣ важнаго значенія не имѣетъ.

4) О постановкѣ знаковъ препинанія.

Основой для этой постановки должно служить пониманіе смысла и состава рѣчи, связи и взаимнаго отношенія между предложеніями. Разныя вышнія примѣты, въ родѣ того, чтобы ставить запятую передъ словами *который*, что и т. под., только путаютъ и сбиваютъ съ толку (я встрѣтилъ крестьянина, домъ котораго ты купилъ какъ же тутъ можетъ быть запятая передъ словомъ *который*?)

Знакомить учениковъ съ употребленіемъ знаковъ препинанія слѣдуетъ постепенно съ перваго года обученія: пишутъ короткія отдѣльныя предложенія—и отдѣляютъ ихъ одно отъ другого точкой; пишутъ короткія парныя предложенія—и раздѣляютъ ихъ запятой; пишутъ группы предложеній, состоящихъ въ связи между собою, болѣе или менѣе тѣсной, получаютъ понятіе о точкѣ съ запятой. Надо во все продолженіе курса, время отъ времени, прибѣгать къ анализу рѣчи и выясненію связи между предложеніями, чтобы ученики постепенно пріучались быстро схватывать эту связь и выражать ее знаками препинанія, которые они должны ставить не по окончаніи работы, а одновременно съ ней; прочтеніе написаннаго когда работа окончена, нужно и желательно только для окончательной отдѣлки, для исправленія невольныхъ промаховъ и ошибокъ, которые всегда возможны даже у человѣка съ хорошими грамматическими знаніями и прочными навыками.

5) О правильномъ употребленіи падежныхъ окончаній, легко смѣшиваемыхъ въ говорѣ, отчего нередко получается и неправильное написаніе: у сестръ вмѣсто у сестры, добрымъ вм. добромъ и наоборотъ, доброю вм. добрую, доброва вм. добраго, и т. под. Но мы не включаемъ сюда окончанія именъ прилагательныхъ въ имен. пад. множ. числа *ые* и *ыя*, *іе* и *ія*, грамматически-правильное употребленіе которыхъ не существенно важно и смѣшеніе которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на вразумительность написаннаго: для пониманія письма рѣшительно безразлично, написано ли *деревянные* или *деревянныя* двери, и нетерпимое отношеніе къ подобной ошибкѣ было бы смѣшной щепетильностью. Для установленія правильнаго употребленія падежныхъ окончаній необходимы грамматическія свѣдѣнія, а именно: знакомство съ склоненіями и упра-

женія въ склоненіи. Съ однимъ практическимъ навыкомъ можно обойтись только для окончанія *аго*, произносимаго *ога*, и на эту разницу между произношеніемъ и написаніемъ, конечно слѣдуетъ обратить вниманіе учениковъ еще при обученіи грамотѣ, чтобы они съ перваго раза приобрѣтали навыкъ читать *добраго*, хотя написано *добраго*, и писать *добраго*, хотя читаютъ *добраго*. Вообще склоненія мы признаемъ за одно изъ полезнѣйшихъ грамматическихъ знаній для народной школы въ интересахъ не только правописанія, но и сознательнаго отношенія къ языку.

6) Объ употребленіи буквы *ь* въ глаголахъ.

Эти правила и безошибочное примѣненіе ихъ могутъ быть превосходно обоснованы на сравненіи русскихъ формъ съ церковно-славянскими: церковно-славянскому и соответствуетъ въ русскихъ формахъ *ь*. Благодаря этому сравненію, у насъ ученики 3-го отдѣленія никогда не дѣлали обычной ошибки въ словахъ: молятся будешь, молятся, будь и т. под.

7) Объ отдѣльномъ и слитномъ написаніи предлоговъ.

Здѣсь основою для правильнаго написанія всего лучше брать начальную форму слова и измѣненія его (склоненіе и спряженіе). Понятно, что для этого необходимо различеніе частей рѣчи, знакомство съ ихъ измѣненіями и начальной формой. Вскорѣ для учениковъ само собой выяснится, что при глаголахъ предлогъ всегда бываетъ приставкой и отдѣльно передъ глаголами никогда не пишется.

Далѣе слѣдуютъ правила правописанія, къ примѣненію которыхъ надо стремиться (преимущественно путемъ практическимъ навыкомъ), но несоблюденіе которыхъ нельзя вѣнчать въ вину не ученикамъ, начальной школы, ни ихъ учителю. Сюда относятся правила:

- 1) Объ употребленіи буквъ *і*, *и*.
- 2) О сомнительныхъ гласныхъ, какъ *о* и *а* и т. п.
- 3) О сомнительныхъ гласныхъ, какъ *б* и *п*, *в* и *ф*, и т. под.
- 4) О буквахъ *ѣ* въ корняхъ и въ глагольной примѣтѣ.
- 5) О буквахъ *ѣ* на концѣ именъ существительныхъ, мѣстоименій, именъ числительныхъ и нарѣчій.
- 6) О буквахъ *ѣ* въ сравнительной степени.
- 7) Объ употребленіи нарѣчія *не*.

Безукоризненное соблюденіе всѣхъ этихъ правилъ не обуславливаетъ вразумительности и смысла написаннаго, а достигается трудно и требуетъ на трехгодичнаго, курса по 24 недѣли въ году, а гораздо болѣе продолжительнаго, да и то не достигается.

Наконецъ, остаются правила, которыя начальная народная школа могла бы совершенно обходить:

1) Объ окончаніяхъ *ме, мя, іе, ія* въ именахъ прилагательныхъ, числит. и мѣстоименіяхъ.

2) Объ этимологическомъ раздѣленіи словъ при переносѣ изъ одной строки въ другую.

3) О написаніи новообразуемыхъ нарѣчій, какъ *слѣва, справа, сбоку, сверху, вправду, вначалѣ* и т. под.

4) О разныхъ этимологическихъ тонкостяхъ и спорныхъ вопросахъ въ правописаніи въ родѣ того: *мачеха* или *мачиха*, *навзустъ* или *наизустъ*, *искусство* или *искуство*, *лѣчебница* или *лечебница*, *масленица* или *масляница*, *свадьба* или *сватѣба* и проч.

Побольше разумной требовательности въ существенномъ, въ умѣнны учениковъ толково излагать на письмѣ факты и свои мысли и побольше умѣренности и терпимости въ менѣе важномъ для жизни, въ правописаніи: вотъ руководящее правило, которое слѣдовало бы внушить блюстителямъ и учителямъ начальной народной школы по отношенію къ письменнымъ работамъ учениковъ.

VI.

Нѣкоторыя черты крестьянскаго быта и нравственно-религіозныхъ понятій. Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе и пѣніе.

Вскорѣ послѣ Ильина дня нѣсколько мѣстныхъ мужиковъ молотили рожь у своего священника.

Въ томъ году весна была ранняя, теплая и съ теплыми дождями, а лѣто жаркое; рожь налилась и поспѣла очень рано и родилась хорошо. Не успѣли мужики управиться съ покосомъ на лугу, какъ пришлось перебираться на озимое поле. Уже въ десятыхъ числахъ іюля сельская улица по цѣлымъ днямъ, даже и ночью, оглашалась скрипомъ телегъ, тяжело нагруженныхъ золотистыми снопами. Ставили по 20, по 25 колесъ на десятины и торопились свезти рожь съ поля, потому что и овесъ сталъ поспѣвать. На гумнахъ, какъ грибы, вырастали высокія «кдадушки» ржи. Уже передъ Ильинимъ днемъ сталъ кое-гдѣ раздаваться мѣрный стукъ молотильныхъ цѣповъ. Надо сказать, что у большинства нашихъ мало-земельныхъ мужиковъ, благодаря плохому урожаю въ прошедшемъ

году, давно уже не было прошлогодняго хлѣба; многіе еще съ новаго года или съ ранней весны покупали для семьи рожь или муку, которою питались скупю, осторожно, впроголодь,—и вотъ теперь они спѣшили отвести душу «своимъ» хлѣбомъ новаго урожая.

Священникъ, какъ предусмотрительный хозяинъ, желая обмолотиться пораньше, за сухую погоду, да и подешевле, заблаговременно поставилъ «ведро» тѣмъ мужикамъ, которыхъ хотѣлъ залучить на свое гумно, и обѣщалъ имъ другое «ведро», если они будутъ молотить безъ перерывовъ и обмолотятъ весь его хлѣбъ ко второму Спасу (6-е августа).

Лучшій способъ отдѣлать какую нибудь работу подешевле и поскорѣе у насъ состоитъ въ томъ, чтобы подрядить работниковъ не за деньги, а за вино.

Не смотря на общія жалобы, будто русскій мужикъ пристрастенъ къ вину и «пропивается», безпристрастныя и непредубѣжденныя наблюденія показываютъ нѣчто иное.

Мужикъ любить выпить, и выпить не рюмку или стаканчикъ, а выпить «здорово», до нѣкотораго самозабвенія или, по крайней мѣрѣ, до того блаженнаго состоянія, когда человѣкъ дѣлается «весель безконечно». Но все таки это не пристрастіе къ вину, а просто единственный исходъ для естественной потребности того захватывающаго наслажденія, которое отрываетъ человѣка хоть не надолго отъ утомившей его непріятной обыденности, съ ея безконечной воловьей работой, съ ея всегдашними лишеніями, ея однообразными интересами и впечатлѣніями. Полное отсутствіе въ нашей деревнѣ всякихъ наслажденій «высшаго порядка», болѣе доброкачественныхъ, нежели эта выпивка до самозабвенія, при избыткѣ работы и всяческой тяготы, объясняетъ ту притягательную силу, ту власть, какую получаетъ здѣсь вино.

Все таки, вообще говоря; мужикъ рѣдко «пропивается» и не любитъ пропивать свои трудовыя деньги. Онъ любитъ выпить больше на «даровщину», хотя «даровщина» понимается имъ очень своеобразно и широко. Онъ охотно напивается на свадьбѣ у сосѣда или родственника, на праздникъ въ сосѣднемъ селѣ; охотно напивается при сдачѣ общественной рыбной ловли—на счетъ съемщика; при заключеніи условія на какую нибудь большую работу цѣлымъ обществомъ—на счетъ нанимателя; при наемкѣ общественнаго пастуха—на счетъ общества.

Затѣмъ онъ любитъ пропивать всякія «шалыныя» деньги, то есть не входившія въ его хозяйственные расчеты, неожиданныя:

патерикъ, полученный отъ мѣстнаго землевладѣльца по окончаніи уборки сѣна или молотбы хлѣба; красненькую, вырученную за нѣсколько копеекъ сѣна, оставшагося при дѣлѣжкѣ укоса на общественномъ лугу; трехрублевку, данную священникомъ по случаю починки соломенной крыши на подцерковномъ домѣ, въ которомъ живетъ священникъ. Еще лучше, если землевладѣлецъ или священникъ прямо поставилъ ведро или хотъ поль-ведра: это и для него выгода, и мужику любѣе.

Наконецъ, мужикъ не прочь въ досужное время, даже въ праздникъ, хотя вообще работать по праздникамъ онъ считаетъ большимъ грѣхомъ, заработать выпивку. За вино онъ берется, очень сходно для хозяина, вывезти дрова изъ лѣсу, перетащить плетень съ одного мѣста на другое, помолотить хлѣбъ, и т. под. Такія условія работы (за вино) выгодны для нанимателя, который обыкновенно вовсе не думаетъ о томъ, что этимъ выгоднымъ для себя наймомъ не только обесчечиваетъ, но и втягиваетъ мужика въ пьянство. За обмолотъ 100 копеекъ наниматель ставитъ вина рублей на 9, на 10, а за деньги тѣ же работники не возмущаются молотить дешевле 25—30 коп. съ копы, — слѣдовательно, тѣ же 100 копеекъ обойдутся хозяину не меньше 25 руб. Потребность доставить себѣ наслажденіе до того отуманиваетъ сообразительность мужика, что онъ охотно идетъ на невыгодную работу, лишь бы не лишиться себя этого наслажденія. Казалось-бы, лучше взять деньги и самому купить на нихъ вина, нежели прямо получить готовое вино въ меньшемъ количествѣ за ту же работу; но мужикъ чувствуетъ, что заработанныхъ денегъ онъ пропивать, пожалуй, не рѣшится, пожалуйтъ, а то семейники, отъ которыхъ получка денегъ не скроется, не допустятъ, да и срамъ въ люди сказать—пропить такую прорву денегъ!

Вотъ онъ и берется работать очень выгодно для нанимателя, но только не за деньги, а за готовое вино. Но понятно, что выпивка «на даровщину», такъ своеобразно понимаемую, при частомъ повтореніи, отуманивая голову мужика, не рѣдко тянетъ его прибавить къ «шальному» рублю два рубля настоящихъ трудовыхъ, при чемъ хозяйственное благоразуміе забывается, — и бывають примѣры, что частое повтореніе такихъ выпивокъ, мало-по-малу, втягиваетъ человѣка въ дѣйствительное «пьянство», которое вноситъ разстройство и много всякаго зла въ семью и хозяйство крестьянина.

Въ данномъ случаѣ, которымъ начинается нашъ очеркъ, мысль

о невыгодности работы еще затемнялась и желаніемъ оказать уваженіе «батьшкѣ», который сказалъ:

«Вы меня, братцы, уважите,—и я васъ, при случаѣ, уважу, когда надо будетъ кого нибудь повѣнчать или похоронить. За трешняцу окручу, за рублевку отпою»...

Мужики выпили ведро въ ночь между двумя рабочими днями, подъ окнами винной лавки, такъ какъ въ лавкѣ вино продается только «на выносъ»; а черезъ нѣсколько дней у священника началась молотба, за которую они принялись очень усердно въ виду повторенія выпивки, предстоящаго по окончаніи работы. Работали безъ перерыва, съ утра ранняго до поздняго вечера; пришлось воскресенье,—и то, съ благословенія батюшка, «погрѣшили» съ обѣда. Но наканунѣ 24-го іюля неожиданно представилась остановка и въ нѣкоторомъ родѣ распри.

Завтра-то, батюшка, вы насъ ужъ увольте!—говорить одинъ изъ молотильщиковъ.

Батюшка знаетъ причину этого «увольте» (слава Богу, побольше десяти лѣтъ живетъ въ селѣ, приглядѣлся), но дѣлаетъ удивленный видъ.

«Это почему? Водку-то вылокали, а тутъ ни съ того, ни съ сего увольте»!...

— Да какъ-же: вѣдь праздникъ, батюшка, строгій праздникъ, никакъ не возможно!

«Какой такой еще праздникъ выдумали? Я никакого праздника не знаю».

— Точно, батюшка,—говорить другой молотильщикъ: строгій праздникъ, всѣ знаютъ.

— Еще-бы не праздникъ, поддерживааетъ третій: и въ святцахъ, слышь, сказано: «берегись хлѣбъ»!

— Чтобы въ такой день да работать, слыханое ли дѣло,—да это мы потомъ безъ хлѣба насидимся.

— Мы и рады бы на васъ поработать, батюшка, да нельзя, старики не велятъ: ты, говорить, прогнѣвишь, а онъ самого безъ хлѣба оставить:

— Такъ-то было: вонъ безпутный Свирка не уважилъ его, молотить затѣялъ, такъ черезъ два дня онъ что надѣлалъ ему, безпутному: и амбарушку, и всѣ одонья-то молянвѣй спалилъ—то есть вотъ какъ, все до чиста...

«Ахъ вы, язычники окаянныя! Что выдумали: онъ да онъ! вотъ бѣса-то гѣшите! Въ святцахъ-то написано: Борись и Глѣбъ

угодники святые, а вы какой-то «берегись хлѣбъ» придумали! Никакого тамъ хлѣба нѣтъ. Не хлѣбъ, дурачье, а Глѣбъ сказано. Это праздникъ тамъ, гдѣ церковь или хоть-бы престолъ во имя святыхъ угодниковъ Бориса и Глѣба, а у насъ никакого праздника въ этотъ день нѣтъ, и службы церковной не будетъ... Язычники вы,—сами, невѣжа, не понимаете, такъ хоть-бы спросили»...

— Чего спрашивать-то,—начинаютъ раздражаться и мужики: наши старики и такъ знаютъ. Не первый разъ, каждый годъ празднуемъ!

Видишь, какіе праздники выдумали! то у васъ «лошадій» праздникъ, то «коровій», то «царю-граду» молебны заказываете, то какой-то «берегись хлѣбъ» придумали...

Долго еще спорили, но все было напрасно: 24 іюля мужики все-таки не пришли молотить. Хотя службы церковной не было, все-таки они этотъ день праздновали по-своему: не работали, сдали какому-то кулаку на десять лѣтъ кусочекъ общественнаго луга и сорвали съ него «магарычъ» въ видѣ ведра водки, которое міромъ роспили; а потомъ бродили по улицѣ, гадя и шатаясь, не столько потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были всѣ очень пьяны, сколько желая казаться пьяными, какъ слѣдуетъ въ праздникъ. Они были искренно увѣрены, что такимъ празднованіемъ кому-то угодили, кого-то умилостивили и оградилъ себя отъ безхлѣбцы. Батюшка недаромъ обозвалъ мужиковъ язычниками. Дѣйствительно, въ нашемъ крестьянствѣ до сихъ поръ сохранились черты того «двоевѣрія», противъ котораго ратовало наше духовенство еще въ XIII вѣкѣ, въ лицѣ Серапіона и другихъ энергическихъ пастырей. Христіанскія понятія въ крестьянствѣ и понынѣ всѣ значительно перемѣшиваются съ суевѣріями, которыя или представляются обломками отдаленнаго, древняго, язычества, или возникли, помимо этого послѣдняго, подъ давленіемъ суровыхъ впечатлѣній жизни на темныхъ людей, какъ язычество новое. Не будемъ говорить о всѣхъ извѣстныхъ вѣрованіяхъ въ домовыхъ, лѣпныхъ и т. подобныхъ обломковъ древняго язычества. Празднованіе обновленія Царяграда (11 мая) обратилось въ поклоненіе «царю-граду», въ смыслѣ не города, а града—явленія природы, угрожающаго побѣненіемъ мужицкаго хлѣба на поляхъ. Память св. Бориса и Глѣба (24 іюля)—въ праздникъ «берегись хлѣбъ», пренебреженіе которымъ приводитъ къ безхлѣбцѣ. Февраля 11 (Власій) бываетъ скотій праздникъ, когда обязательно варить и ѣсть молочную кашу (жертво-

приношеніе), чтобы коровы давали больше молока. Іюля 1 (Космы и Даміана) куриный праздник: въ этотъ день обязательно рѣзать куръ и варить яичницу, чтобы куры были «носки». Августа 18 (Флора и Лавра) лошадей праздникъ... Всѣ эти праздники, сопровождаемые особыми жертвоприношеніями и обрядами, какъ очевидно, созданы заботой крестьянина-земледѣльца о своемъ благосостояніи, которое зависитъ больше отъ явленій природы, нежели отъ воли, знаній и труда человѣка.

Въ нравахъ, въ семейномъ, хозяйственномъ и общественномъ быту нашего крестьянства, тоже нельзя не замѣтить странной смѣси—христіанской любви, христіанскаго смиренія и милосердія съ языческимъ варварствомъ, грубостью и жестокостью. Вы встрѣчаете трогательные примѣры любовной заботы о сиротахъ, калѣкахъ, погорѣльцахъ. «Мірское дите» не исключительное явленіе въ нашемъ крестьянствѣ. Безкорыстная помощь нищимъ бездомникамъ и обездоленнымъ погорѣльцамъ не считается подвигомъ жертвой. Терпѣніе, выносливость, безропотное отношеніе къ чрезмѣрной воловьей работѣ, къ болѣзнямъ и лишеніямъ, наконецъ къ самой смерти—дѣйствительная, а не выдуманная черта нашего крестьянства, и не звучитъ пустой фразой въ его устахъ вѣковая пословица: «Христовъ терпѣлъ, да и намъ велѣлъ». Кажется, какую воспріимчивую почву должна бы представлять собой такая среда для ученія о сѣятельной любви къ ближнему, о прощеніи и милосердіи, о смиреніи и самопожертвованіи!

Однако же, къ удивленію, въ томъ же самомъ крестьянскомъ быту, рядомъ съ трогательными проявленіями милосердія, кротости и любви, бросаются въ глаза совершенно противоположныя явленія, въ которыхъ сказывается варварская грубость, жестокость, злоба, звѣрство. Страшная расправа съ конокрадами, ворами, поджигателями, несмотря на обстоятельства, какъ будто бы оправдывающія,—все-таки варварство. А установившійся обычай бить жену за дѣло и безъ дѣла ужъ не оправдывается никакими обстоятельствами. Напротивъ, его звѣрство и бессмысленность усугубляется, если припомнимъ роль женщины въ крестьянской семьѣ и крестьянскомъ хозяйствѣ женщиной, ея трудами и заботами, столько-же держится благообстояніе крестьянской семьи и создается будущность дѣтей, сколько и мужчиной, если не больше, п. ч. мужикъ нерѣдко удаляется отъ семьи на заработки, на промыслы, а женщина всегда въ семьѣ, и весьма часто на ней одной лежитъ вся отвѣтственность за домъ, за хозяйство, за дѣтей. Нигдѣ не представляется столь

естественной разумной равноправности женщины съ мужчиной, какъ въ крестьянствѣ. И что же оказывается? «Бить ихъ надо,—бабу, да не бить, да это и жить будетъ нельзя», говоритъ мужикъ, и онъ безпошадно бьетъ свою жену, съ большею жестокостью, чѣмъ собаку, а корову или лошадь бережетъ и жалѣетъ куда больше, нежели свою Матрену или Оеклу. Въ это самое время, какъ писались предыдущія строки, пишущій ихъ получилъ извѣстіе, соединенное съ просьбой дать лѣкарство, о томъ, что одинъ мужикъ такъ избилъ ремнемъ свою бабу, что мясо виситъ клочьями, и бѣдная женщина лежитъ при смерти. Какая вина? за что?—Согрѣбила мужу, попрекнула, что отъ дому отбивается... Бываетъ и совсѣмъ безъ вины, просто такой стихъ найдетъ на мужа, что вздумается «пучать» жену. «Бить ихъ надо непременно, безъ этого никакъ нельзя».

Заболѣла у мужика лошадь, онъ зоветъ коновала, не скупится полѣчить и большую корову; но болѣзнь жены онъ просто отрицаетъ: «притворяется, работать лѣнь, поваляться на печи захотѣла,—я ее поваляю». Крѣпко убивается мужикъ надъ павшей лошадью или коровой; но смерть жены переноситъ очень легко, а нерѣдко на другой же день послѣ похоронъ толкуетъ о новой бабѣ: «безъ бабы, говорить, въ домѣ никакъ невозможно,—надо невѣсту искать».

Положеніе хворой бабы въ крестьянской семьѣ поистинѣ ужасно: ее всякій обижаетъ, ругаетъ, попрекаетъ кускомъ хлѣба, ей прямо говорятъ: «окопывала бы, что ли, скорѣе», и сама она ждетъ—не дождется смерти.

Таково же положеніе старика, потерявшаго силы и уже неспособнаго работать. Сплошъ и рядомъ вы наталкиваетесь на рѣзкіе примѣры почтенія и повиновенія сыновей къ отцамъ. Отецъ посылаетъ сына на заработки, но все, что малый заработаетъ, онъ обязанъ принести отцу, а при первомъ приказаніи отца—долженъ и самъ явиться домой. Задумавъ отецъ женить сына, проживающаго на мѣстѣ въ городѣ, выбралъ ему невѣсту, сосваталъ,—парень является, по первому требованію идетъ подъ вѣнецъ, а потомъ или остается дома, или на другой же день отправляется на свое мѣсто въ городъ, смотря по распоряженію отца... Долгъ повиновенія родителю отнюдь не нарушается. Такое безпрекословное повиновеніе родителямъ вы видите не только со стороны молодыхъ парней, но и со стороны бородаатаго сына, который самъ живетъ на свѣтѣ чуть не полъ-столятія, давно женатъ и обзавелся десяткомъ своихъ

дѣтей. Зато, когда тотъ же самый отецъ-домовладыка сталъ дряхлымъ старикомъ, неспособнымъ работать,—какъ помыкають имъ и сыновья, и внуки! Попреки, что онъ даромъ хлѣбъ ѣсть, что онъ онъ чужой вѣкъ заживаетъ, что онъ всѣмъ руки—ноги связываетъ, повторяются безпрестанно; его плохо кормятъ; его гонять вонъ изъ хаты; ему ни одного путнаго слова не скажутъ, и все совершенно откровенно выражаютъ желаніе, чтобы старикъ поскорѣе убирался на тотъ свѣтъ. Боже сохрани, если у старика подозрѣваются запасныя деньжонки,—тогда недолго и до преступленія, много-ли нужно старику,—одинъ хорошій толчекъ—онъ и готовъ..: Случай такихъ толчковъ, кончавшихся смертью, проходить благополучно: хотя все село знаетъ, какъ дѣло происходило, но «общественное мнѣніе» села отнесется къ такимъ случаямъ снисходительно, и доказчиковъ не оказывается.

И на каждомъ шагѣ вы наталкиваетесь въ крестьянскомъ быту на странныя противорѣчія. Великимъ грѣхомъ считается работать въ праздникъ: ради праздника пропускается самая лучшая пора посѣва, уборки сѣна и т. п.; но работать не на себя и не за деньги, а за угощеніе, особенно за вино, это можно; но пьянствовать, безобразничать, ругаться и драться въ праздникъ—это не грѣхъ. Украсть съ поля у сосѣда, у помѣщика, у священника, копену—другую ржи или овса, вырубить десятокъ дубковъ въ чужомъ лѣсу, залѣзть въ чужой садъ за яблоками, на чужую бахчу за арбузами, все это не считается грѣхомъ; но тотъ же самый воръ ни за что не станетъ ѣсть ни мяса, ну молока въ постный день, не позволить даже и малому ребенку, хотя бы это было приказано врачемъ, какъ необходимое условіе выздоровленія. На вопросъ: что грѣшнѣе, украсть или выпить молока въ постный день? крестьянскій мальчикъ, иногда не задумываясь, отвѣчаетъ: «выпить молока въ постный день грѣшнѣе».

Да, полна поразительныхъ противорѣчій жизнь нашего крестьянства, вызывающая своими явленіями въ постороннемъ наблюдателѣ то умиленіе, то ужасъ, то сочувствіе, то негодованіе.

Очевидно, что многія прекрасныя врожденныя черты народнаго характера въ немъ искажены невѣжествомъ и неблагоприятными внѣшними вліяніями, и результатами этого искаженія являются: двоевѣріе, грубость, жестокость и проч.

Мало сдѣлало не только для просвѣщенія крестьянства вообще, но и специально для насажденія въ немъ истинно-христіанскихъ понятій, затемненныхъ «двоевѣріемъ», русское духовенство. Но трудно

винить его за это: оно и не могло сдѣлать больше. Ни его матеріальное положеніе, поставленное въ полную зависимость отъ прихода, основанное на поборахъ съ домохозяевъ и на добровольныхъ подаваніяхъ прихожанъ, на угожденіи имъ, ни его нравственное достоинство, склоняющееся подъ гнетомъ житейскихъ тягостей, не поддерживаемое никакими благотворными вліяніями въ деревенской глуши, не давало и не даетъ ему возможности дѣйствовать безъ уступокъ понятіямъ и требованіямъ грубой и темной среды.

Ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать, въ этомъ смыслѣ, и старая до-реформенная школа, гдѣ она существовала (а она существовала въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ пунктахъ на цѣлый уѣздъ). Возможно ли хоть въ будущемъ и, если возможно, то откуда—благотворное воздѣйствіе на крестьянство въ этомъ направленіи? Такое воздѣйствіе, свободное отъ всякихъ житейскихъ вліяній, въ родѣ матеріальной зависимости, возможно—преимущественно черезъ подрастающее поколѣніе и именно со стороны школы, поставленной независимо отъ среды, и правильная постановка въ этой послѣдней религіознаго обученія, Закона Божія, дѣло первостепенной важности.

Начало для такой постановки сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ еще въ 1880-мъ году утвержденіемъ «Программы Закона Божія для начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ». Эта программа вполне соответствуетъ потребностямъ начальной народной школы и условіямъ преподаванія въ ней и на практикѣ, повидимому, выполняется вездѣ болѣе или менѣе удовлетворительно. Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, оставляется безъ должнаго вниманія превосходная «объяснительная записка» къ ней, содержащая въ себѣ рядъ цѣнныхъ указаній, одинаково важныхъ какъ для школы, такъ и для жизни, помимо которыхъ выполненіе программы легко получаетъ чисто формальный, малоплодотворный характеръ. Эта объяснительная записка болѣе всего настаиваетъ на воспитательной сторонѣ Закона Божія, какъ главнаго предмета обученія въ начальной школѣ.

«При преподаваніи всякаго предмета (говорится въ запискѣ) учитель сообщаетъ ученику нѣчто новое, ему невѣдомое, чуждое; тамъ на первомъ планѣ стоятъ обученіе, т. е. сообщеніе тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ знаній, понятій, правилъ, и потому первая забота учителя приблизить преподаваемый предметъ къ пониманію учениковъ, ввести новыя знанія въ рядъ другихъ его понятій и знаній. Законъ же Божій не есть предметъ совершенно новый для

ребенка, чуждый ему: основы вѣры и нравственности лежатъ въ душѣ каждаго дитяти; онѣ заключаются въ образѣ Божіемъ, ему присущемъ, слышатся во внушеніяхъ его совѣсти». «Дѣло преподавателя — раскрывать это вложенное въ душу ребенка содержаніе его вѣры, развивать и питать нравственно-религіозное его чувство, уяснять ему то, что онъ перенимаетъ отъ другихъ путемъ бессознательнаго подражанія. Посему преподаватель долженъ заботиться главнымъ образомъ не о суммѣ знаній, а о томъ, чтобы учащійся изъ каждаго его урока вынесъ мысль, чувство, стремленіе, способныя служить сѣменемъ жизни нравственно-религіозной».

«При изученіи молитвъ преподаватель долженъ стараться не о томъ только, чтобы дѣти затвердили слова молитвы и поняли виѣшній, такъ сказать, смыслъ ихъ, а о томъ, чтобы вызвать изъ сердца дѣтей тѣ молитвенныя расположенія, для которыхъ слова молитвы служатъ выраженіемъ. Желательно, чтобы объясненіе молитвъ не имѣло даже вида урока, а было настырской бесѣдой съ дѣтьми о душевныхъ ихъ нуждахъ, стремленіямъ, вѣрованіяхъ, которыя находятъ въ молитвѣ самое естественное для себя выраженіе». «При изученіи Священной Исторіи преподаватель долженъ обращать главное вниманіе на событія и ученія Новаго Завѣта касаясь событій ветхозавѣтныхъ только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для пониманія Новаго Завѣта». «При объясненіи, краткаго катихизиса, т. е. Символа вѣры и заповѣдей, избѣгать сухости катихизическихъ положеній и богословскихъ тонкостей, а излагать догматы вѣры и правила нравственности въ живой объяснительной рѣчи, показывая органическую связь ихъ съ религіозною жизнію рода человѣческаго, насколько она знакома дѣтямъ изъ священно-историческихъ рассказовъ, и съ жизнію самихъ дѣтей, насколько она проявляется въ ихъ молитвахъ, въ ихъ поступкахъ, въ движеніяхъ ихъ совѣсти и религіознаго чувства».

Понятно, что такой характеръ преподаванія долженъ придать предмету глубокое воспитательное значеніе. Но какъ далека отъ этого идеала и минувшая, и современная дѣйствительность!

Въ дѣйствительности идетъ только задаванье и спрашиванье уроковъ по книжкѣ, которую преподаватель не выпускаетъ изъ своихъ рукъ. Въ дѣйствительности ничего нѣтъ, кромѣ заучиванія на память учебнаго матеріала, опредѣленнаго программой. Заучиваются молитвы, — въ лучшемъ случаѣ — безъ искаженія и съ объясненіемъ

того, что объяснительная записка называетъ «внѣшнимъ смысломъ» молитвы, въ большинствѣ случаевъ — просто заучиваются непонятныя слова, а иногда и съ значительными искаженіями, которые происходятъ невольно отъ бессознательнаго повторенія одного и того же, и проходятъ незамѣченными, непоправленными, да такъ и закрѣпляются въ памяти. Заучивается по учебнику Священная Исторія ветхаго и новаго завета, при чемъ «главное вниманіе» вовсе не сосредоточивается на послѣднемъ, ученіе новаго завета остается вовсе не разъясненнымъ. Заучиваются Символъ вѣры и заповѣди по порядку и «враздробь», съ довольно сухими и бѣглыми объясненіями, не похожими на ту «живую объяснительную рѣчь», какой жаждаетъ объяснительная записка къ программѣ.

Въ дѣйствительности вся суть дѣла сводится именно къ тому, чтобы къ экзамену у дѣтей была на лицо вся «сумма знаній», какая обозначена въ программѣ. Въ лучшихъ случаяхъ эти знанія влагаются въ память учащихся постепенно, но не рѣдко почти все исполненіе программы производится въ два-три мѣсяца передъ экзаменомъ, то есть младшее и среднее отдѣленія почти ничего не проходятъ по Закону Божію, а старшее занимается усиленнымъ зубреніемъ въ послѣдніе мѣсяцы учебнаго года и является на экзаменъ съ подлежащею «суммою знаній», но плохо понятыхъ, не прочувствованныхъ, непрочныхъ.

Почему-же дѣло ведется такъ, а не иначе? Причины такой постановки дѣла преподающими обыкновенно указываются слѣдующія.

Во-первыхъ, у священника слишкомъ много своихъ прямыхъ обязанностей и дѣлъ, помимо училища, и онъ не имѣетъ возможности аккуратно давать уроки въ продолженіе всего учебнаго года и заниматься со всеми тремя отдѣленіями. Онъ поневолѣ занимается урывками и сосредоточиваетъ все вниманіе на старшемъ отдѣленіи, которое готовится къ экзамену, да и то главную часть работы долженъ откладывать къ концу курса, усиленно работая послѣдніе мѣсяцы.

Во-вторыхъ, вознагражденіе, получаемое преподавателемъ (въ нашемъ уѣздѣ 50 р. въ годъ), настолько, говорятъ, незначительно, что настоящимъ образомъ заниматься не стоитъ. Многихъ священниковъ только внѣшнее давленіе, особенно чувствительное въ послѣднее время, и заставляетъ не уклоняться отъ законоучительства. Тамъ-же, гдѣ это представляется возможнымъ (приходъ слишкомъ великъ, по числу душъ, или есть на кого возложить это дѣло), и теперь встрѣчаются примѣры такого уклоненія. Такъ у насъ въ

многолюдномъ сосѣдствѣ селѣ изъ двухъ приходскихъ священниковъ оба уклонились отъ законоучительства въ земской школѣ.

Въ третьихъ, на экзаменѣ требуется именно опредѣленная «сумма знаній», не «сѣмена жизни нравственно-религіозной», не «молитвенныя расположенія» и т. под., вообще не плоды воспитательнаго воздѣйствія преподавателя и преподаванія. Да провѣрка такого воздѣйствія и не возможна на экзаменѣ, который у насъ служить единственнымъ матеріаломъ для оцѣнки преподавательской дѣятельности.

Какъ видите, вся бѣда въ томъ, что наше ученіе имѣетъ въ виду только экзаменъ и вовсе не имѣетъ въ виду жизни: надо приготовить учащихся къ экзамену на свидѣтельство по программѣ, а вовсе не къ жизни нравственно-религіозной. Понятно, поэтому, что преподаваніе и гонится только за «суммою знаній», оставляя въ сторонѣ воспитывающее вліяніе ученія, да и о прочности знаній не заботится: лаять бы къ экзамену они уцѣлѣли въ памяти учащихся, а тамъ «будь что будетъ». Мы глубоко убѣждены, что дѣло могло бы идти иначе.

Обученіе дѣтей Закону Божію, не только въ смыслѣ сообщенія суммы необходимыхъ знаній, безъ конхъ все таки обойтись нельзя, но особенно въ смыслѣ насажденія «сѣмянъ жизни нравственно-религіозной»,—собственно говоря, есть нравственный долгъ священника, его прямая и непремѣнная обязанность, неразрывно связанная съ его званіемъ «пастыря», которую онъ долженъ выполнять безъ всякаго внѣшняго давленія, въ силу внутренней потребности, какъ одно изъ важѣйшихъ отправленій принятаго имъ на себя высокаго служенія. Установленіе особаго вознагражденія за законоучительство является опаснымъ прецедентомъ, какъ бы узаконивающимъ несобязательность для священника одной изъ главѣйшихъ его пастырскихъ обязанностей—религіозно нравственнаго воспитанія его паствы. И этотъ прецедентъ уже принесъ не мало печальныхъ послѣдствій. Конечно, при этомъ предполагается что священникъ обладаетъ необходимыми для своего служенія нравственными качествами и удовлетворительно обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи; безъ этихъ условій отъ него невозможно требовать хорошаго исполненія не только этой, но и другихъ его пастырскихъ обязанностей. При наличности же сказанныхъ условій онъ можетъ и долженъ, безъ всякаго особаго вознагражденія, исполнять дѣло законоучительства вполнѣ, соединяя выполненіе программы, въ смыслѣ сообщенія дѣтямъ всей опредѣленной «суммы знаній», съ

выполненіемъ указаній объяснительной записки къ программѣ, въ смыслѣ воспитательнаго воздѣйствія и насажденія «сѣмянъ нравственно-религіозной жизни», то есть удовлетворяя и требованіямъ экзамена, и потребностямъ жизни.

Исполнимость такого соединенія подтверждается уже тѣмъ фактомъ, что для приготовленія къ экзамену оказывается достаточнымъ усердно поработать съ учениками нѣсколько времени передъ экзаменомъ,—следовательно, остается еще довольно времени для пастырскихъ бесѣдъ, о которыхъ говорится въ объяснительной запискѣ, и вообще для преслѣдованія воспитательно-нравственно-религіозной задачи. Можно пожелать, чтобы мѣстомъ для назидательныхъ бесѣдъ съ этою цѣлю была не исключительно классная комната, но и церковь, гдѣ могутъ присутствовать и принимать участіе въ этихъ бесѣдахъ, напримѣръ—послѣ богослуженія, не только ученики школы, но и взрослые крестьяне съ большою пользою для себя, и гдѣ самая обстановка способствуетъ религіозному настроенію бесѣдующихъ.

Большую помощь дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся можетъ оказывать церковно-славянское чтеніе и пѣніе, соединенное съ участіемъ дѣтей въ церковномъ богослуженіи.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время законоучителя по условіямъ жизни часто оставляютъ безъ исполненія еще два весьма важныхъ внушенія той же «объяснительной записки» къ программѣ Закона Божія, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ въ 1880 году.

«Желательно (говоритъ объяснительная записка), чтобы преподаватели (Закона Божія) по возможности пріучали дѣтей къ церковному пѣнію.»

Большинство нашихъ законоучителей, по своей подготовкѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, конечно, могли бы исполнять это требованіе, но обыкновенно ученики сельскихъ училищъ поютъ только тамъ, гдѣ занимается съ ними пѣніемъ или учитель, или особо приглашенное лицо. Намъ пришлось видѣть и такой случай, что законоучитель, священникъ мѣстной церкви, препятствовалъ дѣтямъ участвовать въ богослуженіи, дабы не замедлять его.

Церковное пѣніе оказываетъ огромное религіозно-нравственное и вообще благотворно-воспитывающее значеніе. Оно способствуетъ благолѣпію церковнаго богослуженія, усиливаетъ молитвенное настроеніе и возвышаетъ духъ предстоящихъ. Нашъ народъ чувствуетъ и сознаетъ это, и нерѣдко приходится слышать трогатель-

тельные отзывы крестьянъ о томъ, какъ хорошо стоять и молиться въ церкви, когда слышишь стройное пѣніе дѣтскихъ голосовъ: «проплакать хочется», «стоишь, какъ въ раю», «кажется и не ушелъ бы все бы слушалъ». И между взрослыми крестьянами есть всегда охотники участвовать въ церковномъ хорѣ, которые прилежно ходятъ на спѣвки въ училище, не стѣсняются и не стыдятся учиться пѣнію вмѣстѣ съ малыми ребятами. Намъ пришлось близко видѣть огорченіе, которое испытывалъ такой любитель пѣнія, мужикъ лѣтъ тридцати пяти, можетъ быть и старше, когда священникъ запретилъ ему ходить на клиросъ и пѣть въ церкви: онъ готовъ былъ валиться въ ногахъ у «батюшки, чтобы выпросить прощеніе, лишь бы снова попасть на клиросъ».

Уроки пѣнія способствуютъ тому, чтобы ученики не только понимали «внѣшній смыслъ» молитвъ и пѣснопѣній, но предчувствовали бы и внутренній смыслъ ихъ. Кромѣ того, уроки пѣнія обладаютъ вліяніемъ, способнымъ облагородить и упорядочить крестьянскихъ дѣтей, чему еще болѣе помогаетъ участіе въ церковномъ богослуженіи. Посмотришь на мальчика послѣ того, какъ онъ выучился немного пѣть и сталъ ходить на клиросъ: и тотъ же малый, да не тотъ,—и въ лицѣ больше ясности и смысла, и рѣчь сдержаннѣе и толковнѣе, и всѣ ухватки, движенія мягче,—и вѣжливѣе онъ сталъ, и солиднѣе, и благообразнѣе. Эта печать большой мягкости, солидности, вѣжества лежитъ и на взрослыхъ мужчинахъ, участвующихъ въ церковномъ хорѣ.

«Преподаватели (Закона Божія), говоритъ та же объяснительная записка, не преминутъ знакомить своихъ учениковъ съ текстомъ Св. Писанія, прочитывая съ ними воскресныя и праздничныя Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ».

Сколько намъ извѣстно, преподаватели не дѣлаютъ этого, и церковно-славянское чтеніе вовсе не входитъ въ уроки Закона Божія, законоучители не обращаются къ тексту священнаго писанія, довольствуясь учебникомъ, заставляя заучивать его «отъ сихъ до сихъ», хотя бесѣды о жизни Христа Спасителя и выясненіе Его ученія, казалось бы, необходимо требуютъ прочтенія соответствующихъ мѣстъ изъ Святого Евангелія. Этотъ пробѣлъ уроковъ Закона Божія обыкновенно выполняется учителемъ на урокахъ церковно-славянскаго языка. По смыслу общихъ требованій, выразившихся въ общей экзаменной программѣ, Евангеліе должно служить главнымъ матеріаломъ для упражненія учениковъ начальныхъ училищъ

въ церковно-славянскомъ чтеніи. Поэтому Евангеліе почти цѣликомъ прочитывается на урокахъ церковно-славянскаго языка въ продолженіе всего учебнаго курса. Понятно, какой огромной подмогой для Закона Божія служитъ это чтеніе, сопровождаемое под-срочнымъ переводомъ: тутъ учащіеся непосредственно изъ самаго живого источника знакомятся съ земной жизнью Христа Спасителя Его чудесами, Его ученіемъ, Его страданіями и воскресеніемъ.

Но вотъ съ нѣкотораго времени стали появляться попытки устранить чтеніе Евангелія въ начальныхъ училищахъ; настаиваютъ на исключительномъ чтеніи въ нихъ Часослова и Псалтири. Но, во-первыхъ, Часословъ и Псалтирь гораздо труднѣе для чтенія и перевода, нежели Евангеліе, а потому лучше церковно-славянское чтеніе начинать именно Евангеліемъ и потомъ уже переходить къ Часослову и Псалтири. Во-вторыхъ на экзаменѣ, по общимъ постановленіямъ, отъ экзаменуемыхъ требуется именно чтеніе Евангелія съ подстрочнымъ переводомъ на рускій языкъ. Въ третьихъ, программа Закона Божія, утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ, прямо говоритъ, чтобы «при изученіи Священной Исторіи преподаватель обращалъ главное вниманіе на событія и ученія Новаго Завѣта» и прочитывалъ съ ними воскресныя и праздничныя Евангелія.

Съ какой стороны ни взглянешь, устраненіе чтенія Евангелія изъ начальной школы представляется, по малой мѣрѣ, страннымъ, а главное это сильный подрывъ для религіозно-нравственнаго наущенія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей.

Нельзя не пожелать, чтобы подобныя частныя распоряженія не колебали благотѣльной силы общихъ постановленій.

VIII.

Учебный годъ въ сельской школѣ.

Наше село, какъ и вся окрестная мѣстность, по преимуществу—земледѣльческое. Здѣсь крестьяне изъ поколѣній вѣку занимаются землей, любятъ землю и живутъ вполне подъ властью земли.

Правда, большая рѣка, на высокомъ берегу которой село расположено, въ старые годы отвлекала мужиковъ отъ земли. Они, бывало, уходили «бурлачить», когда на руси, до построенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и появленія пароходовъ, процвѣтала «ляпка»; но

власть земли и тогда не прекращалась: изъ многолюдной семьи уходилъ малый, лишній работникъ и лишній ротъ, а семья оставалась дома и управлялась съ землею. Въ концѣ концовъ, и бурлакъ возвращался къ землѣ, обзаводился своей семьей и прекращалъ свое хожденіе въ бурлаки, какъ дѣло временное и случайное, а крѣпко приставалъ къ земледѣлю, какъ исконному дѣлу своихъ предковъ, высылая на свое бурлацкое мѣсто младшаго брата, племяша и т. под.

Едва ли были случаи, чтобы бурлачество кого-нибудь окончательно отбило отъ родного села и отъ кормилицы—земли. И теперь отъ иного старика, пстаго пахаря, душой и тѣломъ преданнаго землѣ, случается слышать рассказы о томъ, какъ онъ въ молодости «бурлачилъ» и даже былъ лопманомъ на баркахъ у «Ключа», богатаго хлѣбнаго торговца старыхъ временъ, а потомъ бросилъ это дѣло и на-вѣкъ возвратился къ матушкѣ-землѣ: «она, говорить, исконная кормилица наша,—отъ земли мужику отходить завсе не гѣже,—походишь, походишь туда-сюда, да все-таки опять къ ней-же, матушкѣ, придешь. Земля—наша мать и держава отъ начала вѣку».

Въ 60-хъ годахъ пришелъ конецъ «лямкѣ». Открылась желѣзная дорога, по которой и покатались тѣ грузы, которые въ прежнее время таскала лямка и мужицкая сила. Даже и рѣку-то нашу, нѣкогда славную «тихую» рѣку, такъ сказать, упразднили, т.-е. какъ путь движенія грузовъ: барки ходить перестали, а пароходство почему-то не пришло имъ на смѣну. Заброшенная «тихая» рѣка окончательно затихла, русло засорилось, образовались мели, но на это ужъ никто не обращалъ вниманія. Когда недавно у кого-то вдругъ возникла мысль, что этою забытою рѣкою можно бы воспользоваться, какъ удобнымъ путемъ для пароходнаго сообщенія между крупными торговыми центрами и для дешеваго, сравнительно въ желѣзной дорогѣ, передвиженія грузовъ,—осуществленіе этой мысли натолкнулось на необходимость расчистки русла рѣки, которая требуетъ милліоновъ, а таковая затрата, при нашемъ безденежьи и нашей малопредпріимчивости, весьма затруднительна.

Какъ-бы то ни было, а хожденіе нашихъ крестьянъ въ бурлаки прекратилось навсегда. Появилось хожденіе «на линію», т. е. въ южныя губерніи, на лѣтніе заработки, но оно еще менѣе бурлачества способно отрывать мужика отъ земли. Уходить опять таки лишніе дома работники и лишніе рты изъ многолюдныхъ семей, да и уходить на трудъ все-таки земледѣльческій, и все-таки черезъ

нѣсколько лѣтъ они прекращаютъ это хожденіе, а вмѣсто себя посылаютъ младшихъ братьевъ. Никакихъ фабрикъ и заводовъ, которые могли-бы отвлекать крестьянъ отъ земледѣльческаго труда, въ окрестностяхъ нѣтъ. Рыболовство служить только подспорьемъ, тоже самое и извозъ,—и нашъ крестьянинъ остается земледѣльцемъ по преимуществу. И слава Богу! Одна бѣда: земли у нашихъ крестьянъ мало (не болѣе 2 десятинъ на душу, а у бывшихъ крѣпостныхъ и того меньше), и это малоземелье опасно для земледѣлія, нежели бурлачество и хожденіе «на линію», да этимъ малоземельемъ объясняется и существованіе тѣхъ лишнихъ работниковъ и лишнихъ ртовъ, которые уходятъ изъ села на заработки. Приходится нашимъ крестьянамъ по неволѣ снимать землю у мѣстныхъ землевладѣльцевъ—то «изъ-полу», то «по-третьимъ», то за отработку, то на деньги, рублей по 15—16 за десятину, а это дѣло не всегда бываетъ выгодно. Случается, что снятая за деньги десятина даетъ 5 четвертей ржи, т. е. въ переводѣ на деньги, по цѣнамъ послѣднихъ годовъ, за вычетомъ сѣмянъ, не болѣе тѣхъ 15—16 рублей, которые отданы собственнику земли,—а трудъ? а заботы? И все-таки наши крестьяне снимаютъ ежегодно чужой земли на сумму болѣе шести тысячъ рублей, и все-таки съ головой ушли въ земледѣліе. Въ зависимости отъ земледѣлія сложился и бытъ крестьянъ. Въ зависимости отъ него находится и школа въ распредѣленіи ея учебныхъ занятій.

Весной и лѣтомъ всѣ крестьянскіе ребята заняты, нужны дома: тѣ съ лошадьми, тѣ съ овцами или свиньями, тѣ борону волочатъ, а который покрупнѣе да посильнѣе, тотъ и пашетъ, тѣ «по домашности» замѣняютъ взрослыхъ, пребывающихъ въ полѣ или на лугу.

Но вотъ проходитъ лѣто. Хлѣбъ убранъ. На гумнахъ гулко стучатъ цѣпы. Изъ-за плетней возвышаются золотистые «ометы» соломъ и тщательно прикрытыя запасныя «кладушки» хлѣба, которые останутся безъ молотбы до глубокой зимы, а то и до будущаго года. Наступило время для посѣва озимого хлѣба, а тамъ и для копання картофеля. Приходитъ сентябрь. Дровяной лѣсъ подъ селомъ золотится и краснѣетъ. Вопреки установившемуся предвѣщенію о сентябрѣ, у насъ этотъ мѣсяцъ, по большей части, бываетъ ясный и сухой. Около 10-го сентября, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, крестьяне получаютъ приглашеніе въ училище къ молебну передъ ученіемъ, которое должно начаться съ слѣдующаго дня.

Училище отперто, приведено въ порядокъ. Книги, бумага и всѣ учебныя пособія готовы и ждутъ учениковъ. Въ классной комнатѣ все приготовлено для совершенія молебна. Крестьяне идутъ въ училище тотчасъ послѣ обѣдни; собираются и ребята, но далеко не въ полномъ числѣ. Приводятъ больше малышей, которые еще не начинали учиться и менѣе нужны дома; весьма немного приходитъ изъ тѣхъ, которые учились въ прошедшемъ году и теперь должны продолжать свое ученье; особенно мало третьегодниковъ. Но пѣвчіе почти въ полномъ сборѣ: они дня за три до молебна собирались на спѣвки и приготовились пѣть молебенъ въ лучшемъ видѣ. Всегда собирается къ молебну не мало и бывшихъ учениковъ, не порвавшихъ связи съ школой и принимающихъ горячее участіе во всѣхъ школьных торжествахъ, какъ свои люди.

Послѣ молебна то одинъ, то другой изъ отцовъ обращается съ просьбой къ учителю «уволить» его Ивана или тамъ Василья-то до Покрова, а то и «до родителей» (20 октября) или даже «до сятгу»: «съ овченками не кому ходить, никакъ невозможно».

Дѣлать нечего, приходится увольнять, потому что въ этихъ просьбахъ сказывается настоящая, не выдуманная, нужда. Но бывали и такіе случаи, что мужикъ нарочно нанимаетъ работника, чтобы освободить сына, переведеннаго въ третье отдѣленіе, и дать ему возможность съ полнымъ успѣхомъ доучиться, «дойти до дѣла», окончить курсъ. Немного было такихъ случаевъ, но достаточно того, что они были: значитъ, въ крестьянской средѣ зарождается высокая оцѣнка княжнаго ученья, ради котораго можно кое-чѣмъ и пожертвовать. Но не будемъ скрывать и противоположныхъ фактовъ: еще довольно такихъ упорныхъ «стариковъ» которые стоятъ на томъ, что «грамота мужикамъ ни къ чему, одно баловство»: «прежде жили безъ грамоты и безъ квигъ, и впередъ безъ нихъ проживемъ,—плохо, коли ребята будутъ умнѣе стариковъ, тогда съ ними и не сговоришь, отъ рукъ отобьются, страхъ забудутъ». Заявивъ себя разъ противниками школы и оставивъ своихъ сыновей безъ ученья, эти протестанты, видя другихъ ребятъ толковыми грамотѣями, читающими и поющими въ церкви, разбирающими и сочиняющими письма, кажется, теперь уже только изъ упрямства, чуть-ли даже не изъ зависти,—сохраняютъ и высказываютъ свою враждебность къ школѣ и грамотѣ: «оно хорошо-то, хорошо, да не мужицкое это дѣло,—старые люди не глупѣе насъ были, а насъ грамотѣ не учили,—значить, и намъ ребятъ нашихъ учить не къ чему!»

Въ концѣ концовъ, первый мѣсяцъ въ школѣ проходить при весьма небольшомъ числѣ учащихся. Съ этимъ приходится мѣряться поневолѣ: противъ жизни не пойдешь. Тутъ не то что убѣжденія, но и насилие не можетъ, оно скорѣе вооружить мѣстное населеніе противъ школы и оттолкнуть отъ нея, какъ отъ врага, а не привлечь, не вызоветъ расположенія къ ней, какъ къ другу.

Въ это время учитель всего болѣе озабоченъ той мыслью, какъ бы собрать пораньше комплектъ новичковъ, пока нельзя собрать второгодниковъ и третьегодниковъ, т. е. среднее и старшее отдѣленія, да побольше сдѣлать съ этими новичками.—Забота основательная въ школѣ, гдѣ одному учителю надо вести одновременную работу съ тремя отдѣленіями. Новички, ничему не учившіеся, не могутъ работать въ школѣ самостоятельно, учителю постоянно приходится быть съ ними; но черезъ мѣсяцъ и для нихъ сдѣлаются возможными кое-какія самостоятельныя работы. Поэтому мѣсячная работа съ однимъ младшимъ отдѣленіемъ въ началѣ учебнаго года для учителя и для дальнѣйшей работы его, уже со всѣми тремя отдѣленіями, имѣетъ большее значеніе. Конечно, и въ этомъ первомъ учебномъ мѣсяцѣ учитель не остается исключительно съ однимъ отдѣленіемъ: старшія отдѣленія не собираются въ полномъ составѣ, но все-таки не совершенно пусты. Тѣмъ не менѣе, въ это время учитель имѣетъ возможность сосредоточить свое вниманіе на новичкахъ, потому что съ учениками старшихъ отдѣленій, въ виду далеко неполнаго состава ихъ, въ это время было-бы неблагоприятно идти впередъ и всего лучше вести повторительную работу, преимущественно повторительныя упражненія въ чтеніи, разсказѣ, сочиненіи, рѣшеніи задачъ и вычисленіи численныхъ примѣровъ,—которые могутъ исполняться самостоятельно. А для провѣрки этихъ самостоятельныхъ работъ у учителя есть довольно времени въ послѣобѣденные часы, такъ какъ начинающіе дѣти, т. е. младшее отдѣленіе, до половины учебнаго года обыкновенно учатся только до обѣда, а старшія отдѣленія приходятъ въ школу на два часа и послѣ обѣда.

Старанія учителя собрать пораньше новичковъ, пока большинство старшихъ дѣтей заняты дома и не могутъ ходить на уроки,—обыкновенно кончаются успѣхомъ, при помощи посѣщенія крестьянскихъ хатъ, разговоровъ съ родителями и убѣжденій. Крестьяне хорошо понимаютъ, что успѣха обученія требуютъ своевременнаго и исправнаго хожденія дѣтей въ школу, охотно посылаютъ ихъ

учиться, если къ этому представляется возможность, и наблюдаютъ за ихъ ученіемъ, обращаясь съ вопросами къ учителю, заставляя ихъ дома готовить уроки, читать вслухъ и т. п. Но хозяйственныя, бытовыя потребности все-таки въ ихъ глазахъ важнѣе, и они избѣгаютъ поступиться ими ради ученія. И всякій, кто близко видѣлъ ихъ быть, воздержится въ этомъ случаѣ отъ осужденія: тутъ вопросъ просто на просто о насущномъ хлѣбѣ, безъ котораго жить нельзя, да объ уплатѣ податей и повинностей, а не о накопленіи богатства или хоть запаса на черный день, который у мужика воегда, такъ сказать, за плечами,—въ видѣ пожара, неурожая, града, скотскаго падежа, и т. п.

— Что-же, Гаврило, твои мальчики до сей поры не приходятъ въ училище? Заучились-то они въ прошедшемъ году хорошо, а теперь вотъ мѣсяцъ на проходѣ, какъ начиналось ученіе, а ихъ все нѣтъ какъ нѣтъ,—говоритъ учитель знакомому мужику въ воскресенье послѣ обѣдни.

«Вотъ ужъ послѣ Покрова, говорить,—безпремѣнно придуть. Ужъ повремените, пожалуйста,—ослобоните ихъ на это время. Теперь то имъ никакъ невозможно: старшій съ овченками, а второй барскихъ свиней пасеть»...

— Когда-же Петръ явится въ училище?—спрашиваетъ учитель другого мужика: пора-бы,—вѣдь ему нынѣ экзаменъ сдавать, чтобы да не отсталъ отъ товарищей!—

«Ужъ вы, Ѳ. Ив., до «родителей»-то потерпите: отстерезите сельскихъ телятишекъ и придетъ. Наше дѣло такое, что отъ своихъ дѣловъ ему отставать раньше времени не приходится».

— Да товарищи-то впередъ уйдутъ,—что съ нимъ тогда подѣлаешь?

— «Догонить, не бось! Онъ у меня шустрый, да и учиться охотъ. Да я вы-то тогда ужъ на него приналяжьте. Хоть онъ малый, кажись, старательный, срамиться не захочетъ и самъ, а все-же и вы похлопочате... Известно—ребятишки!—за ними глазъ нуженъ»...

Первый мѣсяцъ школьныхъ занятій, а то и два мѣсяца проходятъ преимущественно въ занятіяхъ съ младшимъ отдѣленіемъ, которое поемному привыкаетъ къ школьнымъ порядкамъ и втягивается въ учебную работу.

Во всякомъ случаѣ, уже и въ сентябрѣ въ школѣ видится большое оживленіе послѣ лѣтняго затишья.

Рано утромъ видишь ребятешекъ, съ сумками домашней работы

за плечами, бѣгущихъ къ школьному дому. Они обыкновенно собираются гораздо раньше, чѣмъ начинаются уроки, и затѣваютъ свои ребячьи игры на загороженной площадкѣ передъ школой: бѣгаютъ, борются, болтаютъ и смѣются. Весело раздается ихъ говоръ и смѣхъ въ утреннемъ воздухѣ. Здѣсь-же, на загороженной площадкѣ, иногда производятся гимнастическія упражненія, благодаря которымъ крестьянскія дѣти, обыкновенно мѣшковатыя, тяжелыя и неуклюжія, приобретаютъ нѣкоторое внѣшнее благообразіе, сравнительную свободу и ловкость движеній.

Ясная и сухая сентябрьская погода благоприятствуетъ гимнастическимъ упражненіямъ на открытомъ воздухѣ; но съ наступленіемъ осеннихъ дождей ихъ приходится переносить въ домъ. Хорошо, что у насъ въ школѣ имѣется довольно просторная передняя, гдѣ учащіеся проводятъ промежутки между уроками (такъ называемыя, «перемѣны»), и гдѣ можно заниматься гимнастикой, но, конечно, не разомъ со всеми учениками, а группами.

Иногда въ школѣ слышно пѣніе дѣтскихъ голосовъ, поющихъ молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія, а по вечерамъ, когда бывають уроки пѣнія и свѣвки, сюда собираются и взрослые, мужики и бабы, парни и дѣвицы, послушать, какъ ребята поють. Это дозволяется подъ условіемъ, чтобы не мѣшать, не курить и не сорить смѣчками, до которыхъ особенно охочи молодые парни и дѣвицы.

Днемъ, на уроки, крестьяне рѣдко приходятъ въ школу—отчасти за недосугомъ (у мужика мало досуга во всякое время года), отчасти и по той причинѣ, что учебныя занятія имъ мало понятны. Разъ отдавши дѣтей въ школу и сознавая себя «темными», «неразумѣющими» людьми, они, въ дѣлѣ ученія, съ полнымъ довѣріемъ относятся къ школѣ и только просятъ учителя, чтобы онъ «постарался» и «довелъ парня до дѣла». Но пѣніе имъ понятно, а дѣтское пѣніе трогаетъ ихъ до глубины души, и они любятъ слушать его; да вечерами они и свободнѣе отъ своихъ дѣлъ.

Надвигается настоящая мрачная осень. Небо облачное, сѣрое. Дуютъ пронзительные и визгливые вѣтры, для которыхъ наше село, на своемъ высокомъ берегу, открыто со всѣхъ сторонъ. Начинаются хлесткіе и упорные дожди. На улицѣ устанавливается вязкая и непросыхающая грязь. Хорошо, если эту грязь слегка подсушиваютъ утренніе и вечерніе заморозки, что бываетъ не раньше послѣднихъ дней сентября, а то и начала, даже середины октября.

Между тѣмъ, учебныя занятія подвигаются. Малыши прежде

всего научились креститься и произносить первые молитвы. Ей сожалѣнію, наши законоучители не пользуются этимъ дорогимъ временемъ для наученія маленькихъ учениковъ началамъ вѣроученія и не посѣщаютъ училища, пока не соберется почти весь комплектъ учащихся (*). Надо сказать, что наши законоучители не знаютъ другого обученія, кромѣ какъ по книжкѣ: кто не можетъ по книжкѣ готовить уроковъ, того и учить нельзя. Поэтому учить новичковъ креститься и произносить первоначальныя молитвы поневолѣ приходится учителю. Конечно, учитель это дѣлаетъ охотно и удовлетворительно; но все-таки жаль, что законоучители упускаютъ въ высшей степени важный первый мѣсяцъ школьных занятій.

Учатся новички съ большой серьезностью и чрезвычайнымъ вниманіемъ. Особенно нравится имъ чтеніе учителя вслухъ. Зантересованные этимъ чтеніемъ, они скоро научаются внимательно и активно слушать. Иногда учитель вывѣшиваетъ на классной доскѣ картины или раздаетъ дѣтямъ на руки азбуку съ картинами, развертывая ее на одной и той-же страницѣ, гдѣ напечатана нужная картинка (преимущественно бытоваго содержанія). Бесѣды по картинкамъ, въ связи съ чтеніемъ учителя, развиваютъ языкъ начинающихъ учениковъ: они начинаютъ охотно и смѣло спрашивать учителя то о томъ, то о другомъ, толково и бойко рассказывать о видѣнномъ и слышанномъ.

Здѣсь будетъ уместно сказать, что картинки и бесѣды по картинкамъ имѣютъ огромное значеніе въ сельской школѣ, гораздо болѣе важное, нежели какъ думаютъ объ этомъ многіе. Крестьянскія дѣти любятъ и хорошо понимаютъ картинки, и ничемъ другимъ нельзя такъ легко привлечь ихъ къ книжному ученію, побѣдить ихъ нѣкоторую робость и дикость, какую они обнаруживаютъ при первомъ посѣщеніи школы, затронуть ихъ мысль, развязать языкъ. И, вопреки существующему въ нѣкоторыхъ кружкахъ мнѣнію, всего болѣе затрогиваютъ, расшевеливаютъ мысль, чувство и рѣчь крестьянскихъ ребятъ—именно картинки изъ крестьянскаго же быта, съ изображеніями знакомыхъ предметовъ изъ ихъ домашней семейной обстановки.

«Все хата да хата, соха да борона, корова да лошадь, рожь да овесъ, толкуютъ педагоги этого кружка: и дома хата, соха, борона,

(*) Интересно-бы знать, такъ ли это въ другихъ мѣстностяхъ?

лошадь, корова, рожь, овесъ,—и въ школѣ, и въ книжкѣ все то-же,—это хоть кому надоѣстъ, и не интересно, и не поучительно, и не можетъ привлекать крестьянскихъ мальчиковъ къ школѣ и книгѣ, и не расширяетъ ихъ кругозора, не обогащаетъ никакими новыми знаніями. Оставьте лошадей, коровъ, рожь и овесъ, о которыхъ крестьянскія дѣти знаютъ больше и лучше васъ, а познакомьте нашихъ учениковъ, нигдѣ не бывавшихъ дальше своего села, со слономъ, съ львомъ, съ китомъ, съ пальмой и рисомъ. Это будетъ занимательнѣе и полезнѣе для нихъ». Эхъ, господа, если бы вы имѣли дѣло съ крестьянскими ребятами,—вы бы увидѣли, что эта-то самая нарисованная на картинкѣ знакомая хата, крестьянская лошадь съ сохой, корова, овца производятъ на этихъ ребятъ, попавшихъ въ совершенно новую для нихъ школьную обстановку, такое возбуждающее и оживляющее впечатлѣніе, что они разомъ изъ молчаливыхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ, вялыхъ и пассивно занимающихъ свои мѣста школьниковъ обращаются въ живыхъ людей, смѣло и развязно раскрывающихъ передъ учителемъ весь свой внутренній міръ. И книжка-то имъ становится любѣе, и ученье-то занимательнѣе, и школа-то роднѣе. И потомъ, когда дѣйствительно сдѣлается возможнымъ расширять кругозоръ учениковъ сельской школы бесѣдами и чтеніями объ иной природѣ и жизни, переносить ихъ мысль далеко отъ родины,—ихъ несказанно радуется, возбуждаетъ и оживляетъ всякое появленіе на сцену того, что имъ близко и дорого: «сивки, которая тащится съ сохой пашней-десятиной», поля, на которомъ «рожь зернистая дремлетъ колосомъ почти до земли», мужика Проклушки, который «крупно шагаетъ за возомъ сноповъ золотыхъ», жеребенка, который «съ разбѣга хватается колосъ изъ снопа и ржетъ» и т. п. Появленіе такихъ образовъ и картинъ въ школѣ, на картинкѣ-ли, которая разсматривается, въ статьѣ-ли, которая читается,—дѣйствуетъ на сельскаго школьника подобно тому, какъ дѣйствуетъ на русскаго человѣка, живущаго въ чужихъ краяхъ, встрѣча съ землякомъ, и очень жаль, что наши книги для класснаго чтенія бѣдны бытовыми картинками и разсказами, свободными отъ лживаго сочинительства и фальшивой поучительности въ нѣмецкомъ вкусѣ. Покойный К. Д. Ушинскій, въ этомъ отношеніи, стоитъ далеко впереди своихъ замѣстителей: и въ «Родномъ Словѣ», въ «Дѣтскомъ Мірѣ» русскій ребенокъ то и дѣло наталкивается на изображенія и очерки дорогихъ для него явленій и предметовъ родной природы и жизни; но «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ» написаны не для сельской школы.

Но я боюсь, что отступление вышло слишкомъ длинно—и спѣшу возвратиться къ разсказу.

Познакомились наши малыши и съ звуковымъ составомъ русской рѣчи, который имъ дается очень легко, узнали нѣсколько буквъ—и начинаютъ почитывать коротенькія и простыя слова по книжкѣ. Первые успѣхи въ чтеніи чрезвычайно радуютъ ихъ: разберетъ мальчуганъ четыре буквы, произнесетъ соху или хату—и самъ дивится, даже весь просіяетъ отъ радости: какъ таки, было съ да хъ, о да а, а вышла вдругъ соха, старая пріятельница,—диковина! Научились и писать сперва кое-какіе элементы, а потомъ первыя буквы и легкія слова. Явилась и для нихъ возможность нѣкоторыхъ полезныхъ самостоятельныхъ работъ «втихомолку», дающихъ учителю возможность уходить для работы съ старшими отдѣленіями: возможно повторительное чтеніе по книжкѣ, списываніе рукописнаго и печатнаго текста азбуки, писаніе буквъ и словъ—по картинкамъ («прописи—картинки») и по памяти, даже кое-какія арифметическія изображенія посредствомъ черточекъ, квадратиковъ, крестиковъ, кружечковъ.

Послѣ Покрова начинается постепенная прибыль учащихся въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ. То и дѣло являются, одинъ за другимъ, запоздавшіе второгодники и третьегодники, по мѣрѣ того, какъ кончаютъ со своими хозяйственными обязанностями. Большое значеніе здѣсь имѣетъ времявыпаденія снѣга: чѣмъ раньше снѣжная пелена одѣнетъ наши поля, луга и выгоны, тѣмъ раньше наполнится школа.

Приходящіе второгодники и третьегодники, видимо, рады, что возвратились въ школу, въ свѣтлое, теплое и чистое помѣщеніе, въ общество товарищей, къ книжкѣ и перу. И учитель, и вся школа радуется каждому новопришедшему, встрѣчаетъ его ласково, привѣтливо, снабжаетъ книжками, да еще новыми книжками, если онъ переведенъ изъ низшаго отдѣленія въ высшее, тетрадками и другими учебными пособиями,—и скоро малый пристаетъ къ общей классной работѣ, какъ будто и не отрывался отъ этой работы. Отбывая свои хозяйственныя обязанности во время осеннихъ вѣтровъ и дождей, онъ и намокъ, и назаясь, и наголодался,—и здѣсь, въ классной комнатѣ, среди товарищей, чувствуетъ себя хорошо: ему и тепло, и сухо, и весело. И за ученіе онъ принимается съ большимъ рвеніемъ. Крестьянскіе ребята удивительно скоро и легко возобновляютъ въ памяти то, что одинъ разъ было воспринято ими, и снова входятъ въ тѣ рамки, въ которыхъ находились нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Уже было сказано, что занятія средняго и старшаго отдѣленій, до наполненія ихъ, имѣютъ преимущественно повторительный и провѣрочный характеръ. Необходимо провѣрить, на сколько ученики сохранили за лѣто пріобрѣтенныя ими въ школѣ знанія и умѣнья—читать, писать, считать. Безъ этого нельзя вести ихъ дальше. Конечно, оказывается, что многое изъ ихъ знаній испарилось, а умѣнья ихъ поослабѣли, за отсутствіемъ или недостаточностью практики: лѣтомъ крестьянскіе ребята даже мало берутъ книги для чтенія изъ школьной бібліотеки; но за то съ тѣмъ большей охотой берутъ ихъ зимой, когда у нихъ является свободное время читать и про себя, и въ слухъ для семьи.

Особенно быстрымъ и замѣтнымъ становится пополненіе средняго и старшаго отдѣленій послѣ праздника Казанской Божіей Матери, 22 Октября.

Это годовою празднیکъ нашей школы, какъ день ея открытія. Въ этотъ день совершается молебствіе и устраивается торжественный актъ. На актъ приглашаются учащіеся, родители и родственники ихъ, конечно, и бывшіе ученики и ученицы школы; допускаются и всѣ желающіе мѣстные люди. Желающихъ являться много, особенно женщинъ. Актъ состоитъ въ слѣдующемъ: читается подробный отчетъ за прошедшій учебный годъ, произносятся рѣчи, обращенныя къ родителямъ и вообще къ мѣстнымъ людямъ, раздаются свидѣтельства объ окончаніи курса и награды; нѣкоторые ученики читаютъ свои сочиненія, написанныя въ прошедшемъ учебномъ году (конечно, выбираются лучшія), поются приличные хоры, наконецъ всѣмъ учащимся предлагается скромное угощеніе.

На актъ собираются уже всѣ ученики школы, какъ тѣ, которые до акта возобновляли посѣщеніе уроковъ, такъ и тѣ, которые до сихъ поръ не являлись въ школу за недосугомъ. Актъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на дѣтей, и на взрослыхъ, привлекая къ школѣ и тѣхъ, и другихъ.

Между тѣмъ, осень подходитъ къ концу. Хотя настоящая зима съ прочнымъ снѣгомъ и прочной саваной дорогою, у насъ устанавливается не раньше половины декабря, но все таки уже въ ноябрѣ прекращаются всѣ крестьянскія дѣла, кон отвлекаютъ ребятъ отъ школы, да и родители, возбужденные впечатлѣніемъ акта, съ его отчетомъ и рѣчами, свидѣтельствами и наградами, стараются освободить своихъ учащихся дѣтей, чтобы они могли безпрепятственно ходить на занятія въ школу и дома исполнять задаваемые уроки. Напримѣръ, бываетъ, что по окончаніи обязанностей наня-

таго общественнаго пастуха и разсчета съ нимъ, вдругъ наступаетъ теплая погода; такъ какъ пастухъ уже окончилъ свое дѣло и получилъ разсчетъ, то каждый домохозяинъ теперь посылаетъ своихъ овецъ на пастбу отдѣльно, поручая ихъ подросткамъ, какіе есть въ семьѣ; а эти - то подростки и учатся въ школѣ, которая, такимъ образомъ, въ это время опять не досчитывается нѣкотораго количества своихъ старшихъ учениковъ. Но нѣкоторые родители стали передавать своихъ овецъ на попеченіе сосѣдей, за плату, лишь бы не отвлекать учащихся ребятъ отъ школы.

Вообще, разъ начавши посѣщать школу, крестьянскіе ребята ходятъ уже довольно аккуратно, не смущаясь никакой погодой, ни дождемъ, ни вѣтромъ, ни грязью, ни морозомъ.

Только серьезные, важныя причины нарушаютъ эту аккуратность: бываетъ, что у того «горло захватило», другого «лихоманка треплетъ», у третьяго «нутро болитъ», у четвертаго лаптей нѣтъ, а у пятаго ни шубы, ни мало-мальски приличнаго севону халата. Школа помогаетъ такимъ своимъ питомцамъ, по мѣрѣ возможности.

Какъ бы то ни было, въ ноябрѣ школа собирается въ полномъ своемъ составѣ, то есть ее посѣщаетъ, приблизительно, до восьми-десяти ребятъ, - впрочемъ, не исключительно мѣстныхъ: въ числѣ 80 бываетъ до 20, такъ сказать «иностранныхъ», которыхъ привозятъ верстъ за 20, за 30 и болѣе и размѣщаютъ на квартирахъ у мѣстныхъ крестьянъ. Школа не считаетъ себя въ правѣ закрывать свои двери для прїѣзжихъ дѣтей, если въ ней имѣются свободныя мѣста, или относятся къ этимъ прїѣзжимъ ученикамъ иначе, чѣмъ къ мѣстнымъ, напр. облагать ихъ платой и т. под. Какія причины побуждаютъ крестьянина везти своего сына за 20-30 верстъ, нанимать квартиру, тратиться, хлопотать? Во первыхъ; желаніе выучить сына тому, что отецъ считаетъ для него добромъ; во вторыхъ, невозможность сдѣлать этого дома, въ родномъ селеніи, гдѣ или вовсе нѣтъ никакой школы, или я есть школа: да не внушающая ему довѣрія. «Что, говорить, у насъ за школа: учитель посадить ребятъ въ караулъ за книжки, — а и книжекъ-то у него одна на пятерыхъ, — на шумить, половину переколотить безъ толку, запретъ и самъ убѣжить, — ничему онъ ихъ не учить и не выучиваетъ; а ребята или сидятъ пусто, въ холодѣ, въ сырости, безъ призору и безъ всякаго наученія, или — хуже того — балуются, дерутся да другъ друга калѣчатъ». Не хотѣлось-бы говорить, но приходится сказать, что такіе и подобные отзывы слышались отъ крестьянъ неслучайно о церковно-приходскихъ школахъ.

Имѣя въ виду указанныя причины, какое право имѣетъ наша школа устраниать или облагать платой прѣѣзжихъ дѣтей? Два принципа, отъ которыхъ трудно отказаться, не позволяютъ ей этого:

- 1) Начальное обученіе дѣтей народа должна быть бесплатно.
- 2) Всякая народная русская школа должно служить просвѣщенію не исключительно жителей того села, гдѣ она находится, а просвѣщенію дорогого Русскаго народа вообще: дастъ-ли она лишняго разумнаго грамотея селу Ивановскому или Петровскому— не все ли равно? Важно то, что она дастъ лишняго разумнаго грамотея Русскому народу.

И такъ, школа въ полномъ сборѣ; всѣ три отдѣленія полны, и ученіе идетъ полнымъ ходомъ, какъ поѣздъ желѣзной дороги на воѣхъ парахъ.

Собственно говоря, ноябрь у насъ самый непріятный мѣсяцъ. То осенніе дожди, затяжные, надоѣдающіе, и непроходимая грязь. То валится хлопьями мокрый снѣгъ, усиливающій эту грязь. То хватить порядочный морозъ и произведетъ мучительную гололедку. То навалитъ снѣгу вершка на три, и на нѣсколько дней станетъ санный путь; но этотъ снѣгъ скоро растаиваетъ и смывается дождемъ, за которымъ опять слѣдуетъ грязь и колесная ѣзда...

А вѣтры-то, вѣтры-то! Они со всѣхъ сторонъ обдувають наше село на его высокомъ и открытомъ берегу.

Наши ребята не унывають и ходятъ исправно даже съ отдаленной отъ школы улицы за логомъ, они втягиваются въ занятія и заинтересованы ученіемъ; имъ лучше и веселѣе въ школѣ, нежели дома.

Декабрь, съ его морозами и снѣгами, съ его ясными зимними днями, застаетъ школу въ полномъ сборѣ, а ученіе, такъ сказать, на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Младшее отдѣленіе начинаетъ читать уже не отдѣльные слова, а маленькіе рассказы и удовлетворительно выполнять кое-какія самостоятельныя работы «втихомолку», не отрывая учителя отъ занятій съ другими отдѣленіями.

Среднее съ удовольствіемъ введетъ бесѣды о природѣ и жизни родины по картинамъ и приобретаетъ умѣнье читать самостоятельно, отдавая отчетъ о прочитанномъ, самостоятельно рѣшать арифметическія задачи, объясняя процессъ ихъ рѣшенія.

Старшее читаетъ статьи о родной старинѣ, дополняемыя рассказами учителя и оживляемыя разсматриваніемъ и объясненіемъ картинъ, изданныхъ С. Е. Рождественскимъ. Въ то же время всѣ три

отдѣленія, рядомъ съ диктовкой и списываніемъ, начинаютъ «сочинять». Сочиненія первогодниковъ пока состоятъ только въ томъ, что они пишутъ названія предметовъ, нарисованныхъ на картинкѣ, видовыя и родовыя: чашка—посуда, скамья—мебель, коса—орудіе и т. под. Среднія дѣти сочиняютъ изложенія прочитанныхъ и объясненныхъ разсказовъ, легкія описанія и коротенькія письма.

Въ старшемъ отдѣленіи сочиненія становятся преобладающей и любимой письменной работой. Содержаніемъ для нихъ служатъ: и прочитанныя статьи, басни Крылова, стихотворенія, и разсказы учителя, и картины, особенно изъ русской исторіи, и явленія окружающей природы, и сельская жизнь, и домашній бытъ учениковъ. Учитель, въ особыхъ тетрадяхъ, завязываетъ постоянную (периодическую) переписку съ учениками, прочитывая и исправляя ихъ письма и тутъ же вписывая свои отвѣтныя письма. Переписка эта, мало по малу, оживляется; учитель вводитъ въ свои письма вопросы, касающіеся домашней жизни учениковъ, а также въ связи съ содержаніемъ ихъ текущихъ учебныхъ занятій и внѣ-класснаго чтенія. Письма учащихся, сначала слишкомъ робкія, осторожныя и короткія, становятся все смѣлѣе, откровеннѣе, подробнѣе, содержательнѣе и совершеннѣе.

Оба старшія отдѣленія съ особеннымъ удовольствіемъ считаютъ на счетахъ, а самое старшее очень любитъ рѣшать задачи по «карточкамъ», изъ сборника, составленнаго пермскимъ народнымъ учителемъ Аркадіемъ Топорковымъ, о которомъ мы говорили въ нашемъ предъидущемъ очеркѣ.

Три раза въ недѣлю собираются на уроки пѣнія и постоянно принимаютъ участіе въ церковномъ богослуженіи: читаютъ часы и Апостола, поютъ.

Два и три раза въ недѣлю, по вечерамъ, смотрятъ картины волшебнаго фонаря, при чемъ, ведутся разговоры, разсказы, чтенія, объясненія. На картины приводятъ съ собой родителей, родственниковъ, сосѣдей. Съ показаніемъ картинъ соединяется повтореніе Священной исторіи, отечественной географіи и событій русской исторіи.

По воскресеньямъ послѣ обѣдни производится выдача и обмѣнъ книгъ для домашняго чтенія изъ училищной библіотеки. Охота къ чтенію у деревенскихъ грамотѣевъ обнаруживается очень рано; еще въ первомъ году обученія, какъ только окончено прохожденіе азбуки и проявляется нѣкоторый навыкъ читать, у насъ обыкновенно приобретаемый дѣтьми одновременно съ прохожденіемъ аз-

буки, — ребятишки заявляют желаніе «почитаться» и просят книжек на домъ. Къ сожалѣнію, въ народно-учебной литературѣ нѣтъ чтенія для начинающихъ школьнико́въ, и большое спасибо бывшему народному учителю Рязанскому книгопродавцу Ив. Фед. Жиркову, который предпринялъ изданіе коротенькихъ статей подъ общимъ названіемъ «Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника». Пока вышелъ только первый выпускъ зотго хорошо задуманнаго изданія: въ немъ содержится 27 статей, которыя можно расшить и раздавать школьникамъ каждую отдѣльно (цѣна 1-го выпуска 18 коп.) статьи напечатаны крупно, четко, и, за нѣкоторыми исключеніями, охотно читаются и свободно понимаются учениками-первогодниками.

Деревенскіе грамотѣи не любятъ, чтобы пріобрѣтенное ими умѣнье пропало даромъ, и торопятся примѣнить его къ дѣлу. Книжки берегутъ. Конечно, онѣ иногда возвращаются порядкомъ поцарапанными и потрепанными, но теряются очень рѣдко. Берутъ книги и для себя, и для грамотныхъ родственнико́въ: для дяди Карпа, выучившагося читать на службѣ, для сестры Анисьи, «чернички», которая проситъ для чтенія непременно «божественную книжку».

Незамѣтно и быстро проходитъ время. Подходятъ и Рождественскіе праздники. Ребята ужъ на столько втянулись въ учебныя занятія, что передъ рождествомъ сами просятъ дать имъ на праздники побольше работы и книжекъ для чтенія. И этотъ праздничный перерывъ проходитъ незамѣтно въ общемъ ходѣ учебной работы, которая послѣ празднико́въ идетъ себѣ впередъ безъ всякихъ затрудненій.

То же самое надо сказать и о масленицѣ. На масленицѣ собственно говоря, полагается только три неучебныхъ дня, но это въ крестьянскомъ быту самый «ѣдучій» праздникъ: ребятишки съ утра находятъ тяжелыхъ блиновъ и потомъ очень плохо понимаютъ ученье, явно дремлютъ на урокахъ, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ на умѣ горы и катанье съ горъ. Высокій берегъ рѣки представляетъ собою превосходную естественную го́ду для масленичнаго катанья, и туда-то тянетъ ребятъ какая-то неудержимая сила.

Неучебные дни масленицы ребята всего села, съ утра до позднего вечера, проводятъ на берегу съ санками и ледянками, катаются неутомимо, отчаянно, при чемъ дѣло не обходится безъ несчастныхъ случаевъ, ушибовъ, вывиховъ и т. под.

Наступаетъ и Великій постъ... Если Пасха поздняя, то шесть недѣль *) поста—послѣднія недѣли учебнаго года для младшаго и

средняго отдѣленій; но и во всякомъ случаѣ, послѣ Пасхи ученье не можетъ продолжаться дальше апрѣля: весна, вопреки всяческимъ предписаніямъ и усиліямъ учителя, разгоняетъ сельскую школу въ земледѣльческой мѣстности.

За то въ эти шесть недѣль молитвы и поста ученики много и усердно работаютъ. Учебный матеріалъ распредѣляется такъ, чтобы въ посту больше времени отдавать на Законъ Божій, на церковно-славянское и религіозно-нравственное чтеніе. И на домъ ученики берутъ для чтенія больше книги религіозно-нравственнаго содержанія: житія святыхъ, библейскіе рассказы, путешествія по святымъ мѣстамъ, описанія монастырей и т. под.

По всѣмъ предметамъ завершается годичный курсъ, подводятся итоги, производится повѣрка и оцѣнка учениковъ, ихъ знаній, умѣній и развитія. Старшее отдѣленіе усиленно готовится къ предстоящему выпускному экзамену, который обыкновенно бываетъ въ первыхъ числахъ мая.

Въ мартѣ начинаются значительныя оттепели, идутъ шумные весенніе дожди, а въ ясные дни сильно припекаетъ яркое солнышко. Снѣгъ осѣлъ, сталъ расплзаться; по улицѣ въ трещинахъ льда, заиграли ручьи. Ходить трудно: ступишь—нога такъ и проваливается въ рыхломъ снѣгу.

Еще немного—и повсюду побѣжала свѣжая студѣная вода. Она наполнила логъ. Она съ шумнымъ ропотомъ сбѣгаетъ по скату къ рѣкѣ. Ледъ въ рѣкѣ подымается, у береговъ образуются полыньи, ѣзда по льду уже не безопасна...

А наши ребята все еще бѣгаютъ въ школу. Прибѣгаютъ мокрые, съ пудами глины и грязи на ногахъ, обутыхъ въ неизмѣнные русскіе лапти. Они дѣлаютъ порядочный круговой обходъ, чтобы поменьше купаться въ весеннихъ водахъ и вязнуть въ грязи. Они приносятъ съ собой кусокъ чернаго хлѣба, картошекъ и соли на обѣдъ, чтобы не дѣлать лишнихъ концовъ отъ школы до дома, особенно трудныхъ для тѣхъ изъ ребятъ, которые живутъ на выселкахъ, за глубокимъ логомъ. А все таки ходятъ исправно, къ великой радости учителя,—и ходятъ исправно не только третьгодники, у которыхъ на носу экзаменъ, но даже малыши первогодники, даже дѣвочки. Очевидно, что за зиму они крѣпко сжились съ школой, и оставаться дома имъ не хочется.

Но приходитъ апрѣль... Полный развалъ весны. Снѣгу нѣтъ и

*) 7-я недѣля—говѣнье.

въ поминѣ. Только въ глубокихъ оврагахъ, поросшихъ лозинникомъ, мелкимъ дубнякомъ и колючей «барыней», что-то бѣлѣтъ. Ледъ на рѣкѣ прошелъ, и она широко разлилась по лугамъ низменнаго противоположнаго берега, захвативъ въ своемъ разливѣ и озеро, обозначившія ея старое русло. Зелены блеснули изумрудомъ. Жаворонки такъ и разсыпаютъ сверху свои серебряныя трели.

Наступаетъ время выгонять скотину, которая истомилась на скудномъ зимнемъ курму, реветъ—ну, такъ и рветоя на вольную волю, на подножный кормъ. Пора пахать и сѣять яровое. Начались мужицкія работы. Понадобились и ребята въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И ребята хорошо понимаютъ, что они нужны дома. Предстоящая домашняя работа не страшитъ, а манитъ ихъ. Въ нихъ обнаруживается неожиданное охлажденіе къ школѣ и та крестьянская серьезная дѣловитость, которая походитъ на сознаніе необходимаго долга. Каждый день число учениковъ начинается убывать.

Во время говѣнья, на 7-й недѣлѣ, и наканунѣ Свѣтлаго воскресенья ихъ собирается еще довольно—хотя не для ученья, а для приготовления къ церковному богослуженію и для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ идти въ церковь.

Поздняя Пасха у насъ бываетъ необыкновенно радостна. Ученики обыкновенно вечеромъ въ великую субботу собираются въ школѣ и здѣсь ждутъ Христовой заутрени.

Съ первымъ ударомъ колокола всѣ спѣшать въ церковь, съ учителемъ во главѣ. Темная ночь тиха и тепла. Воздухъ полонъ аромата, потому что яблони, груши, сливы—въ цвѣту. Вотъ раздается шелканье и переливы соловья; этому отвѣчаетъ другой... Кажется, и въ природѣ такая же радость, какъ въ душахъ людей...

Но послѣ свѣтлой недѣли учениковъ, за небольшими исключеніями, уже невозможно обратить въ школу. Ходятъ только тѣ, кому предстоитъ экзаменъ, но въ этихъ нѣтъ прежней аккуратности: и эти не рѣдко пропускаютъ то день, то два, отрываясь отъ ученья для пахоты. Одинъ разъ было, что нѣкоторые ученики нашей школы въ день экзамена, назначеннаго училищнымъ совѣтомъ особенно рано, утромъ пахали, а послѣ обѣда экзаменовались.

Какой-то ретивый инспекторъ народныхъ училищъ, въ своемъ руководствѣ для учителей, предписываетъ, чтобы учитель не осмѣливался прекращать занятій раньше 10-го мая, даже по окончаніи экзамена, безъ письменнаго на то разрѣшенія. Но эти занятія у насъ прекращаются сами собой, не дожидаясь никакихъ разрѣшеній, потому что въ школѣ нѣтъ учениковъ.

Неблагоразумно, несправедливо и напрасно настаивать, чтобы въ сельскихъ школахъ учебный годъ приближался къ той нормѣ, какая установлена для городскихъ учебныхъ заведеній.

Неблагоразумно несправедливо и напрасно устанавливать одиѣ общія рамки для учебнаго года даже всѣхъ исключительно сельскихъ школъ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ нашего отечества.

Несправедливо, неблагоразумно и напрасно предписывать съ точностью начало и конецъ учебныхъ занятій даже для сельскихъ школъ одной извѣстной мѣстности на много лѣтъ впередъ, потому что не отъ нашихъ предписаній зависитъ ранняя или поздняя весна, осень, зима, а этимъ обусловливается жизнь крестьянина-земледѣльца и хожденіе ребятъ въ школу.

Служите народной жизни, вносите въ нее свѣтъ знанія, развитіи мысли и религіозно-нравственнаго воспитанія, но не вступайте въ борьбу съ народною жизнью: она побѣдитъ.

Средняя продолжительность учебнаго года въ нашей сельской школѣ 24—25 недѣль, и съ этою краткостью его необходимо помириться. Что и говорить—это мало, но не такъ мало, чтобы нельзя было выполнить довольно полную и толковую программу начальной народной школы, при дѣловитости, серьезности воспріимчивости и усердіи сельскихъ школьниковъ. Лучше, для болѣе полного и отчетливаго выполненія программы, растянуть курсъ на четыре года, нежели насильственно растягивать учебный годъ, вопреки указаніямъ и требованіямъ народной жизни. Растянуть же курсъ на четыре года, какъ мы знаемъ по опыту, и полезно, и возможно. Это полезно, во первыхъ, потому что ученики будутъ оканчивать курсъ годомъ старше: 11-лѣтній возрастъ, опредѣленный существующими правилами для допущенія къ экзамену на льготу по воинской повинности, слишкомъ малолѣтенъ, даже по сознанію самихъ крестьянъ. Вовторыхъ, въ четыре года ученики могутъ полнѣе и прочнѣе пройти и усвоить курсъ начальной школы.

Это возможно, потому что нерѣдко сами родители просятъ оставить въ школѣ еще на годъ мальчика, проучившагося три года, и отложить на годъ представленіе его къ экзамену, хотя онъ достигъ установленнаго возраста: «Пусть еще годокъ походитъ, поучится, а то дуже младъ,—гдѣ ему экзаментъ держать, сробѣетъ, спутається; а какъ еще годъ поучится, онъ потверже будетъ, ученье-то къ нему крѣпче пристанетъ».

И сами ученики нерѣдко, получивъ свидѣтельство, просятъ позволенія ходить въ школу четвертую зиму, чтобы научиться лучше

сочинять или на счетах задачи рѣшать, или русскую исторію повторить, смотря потому, кто въ чемъ сознаетъ себя слабымъ. И каждый годъ у насъ въ школахъ есть два-три ученика изъ получившихъ свидѣтельство, которые остаются добровольно (конечно—съ согласія родителей) на четвертый годъ. Коротко сказать, мы на непосредственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ убѣдились, что прибавленіе учебнаго года въ курсы народной школы очень нужно и возможно, но не съ цѣлью расширенія установившейся учебной программы, а въ интересахъ лучшаго, болѣе полного и неторопливаго прохожденія ея и болѣе прочнаго усвоенія учениками сообщаемыхъ имъ знаній и умѣній, безъ насильственнаго растягиванія учебнаго года, вопреки бытовымъ условіямъ, законнымъ и непреодолимымъ требованіямъ народной жизни. Прибавимъ къ этому, что съ четвертымъ годомъ мы не предполагаемъ соединять прибавленіе четвертаго отдѣленія. Пусть остается, по прежнему, три отдѣленія, но всѣ или большинство учащихся пробудутъ въ школахъ четыре года, т. е. два года въ среднемъ или въ старшемъ отдѣленіи, смотря по успѣхамъ и развитію. Пройти два раза учебный матеріалъ второго и третьяго года не излишне и не скучно для всякаго, даже очень хорошаго, ученика, особенно при томъ обиліи самостоятельныхъ работъ, которое неизбежно школахъ съ тремя отдѣленіями и однимъ учителемъ.

Мы думаемъ, что надо избѣгать только оставленія на другой годъ въ младшемъ отдѣленіи, потому что проходить снова процессъ обученія грамотѣ для грамотнаго ребенка—дѣйствительно скучно, а скука—самый опасный и нежелательный гость во всякой школѣ.

IX.

Экзамены и свидѣтельства.

Приходится въ половинѣ апрѣля распускать младшее и среднее отдѣленіе: ребята сдадутъ свои учебные доспѣхи, кромѣ священной исторіи, книги для чтенія, одной тетрадки и карандаша, которые обыкновенно оставляются у нихъ на лѣто, чтобы въ свободное время малыя могъ почитать и пописать,—и расходятся до осени; лѣтомъ являются только на спѣвки, такъ какъ пѣніе въ церкви продолжается и въ неучебное время.

Остается въ школахъ одно старшее отдѣленіе, да и то почти всегда не въ полномъ составѣ, а только тѣ ученики и ученицы, которые

намѣрены съ согласія родителей или по желанію ихъ, держать экзаменъ. Слѣдуетъ замѣтить, что многіе крестьяне высоко цѣнятъ грамотность, книжность, письменность, но не потому, что черезъ нее можно добиться какой-то «льготы», а по другимъ причинамъ: во-первыхъ, въ ней чувствуется настоятельная потребность при современныхъ условіяхъ крестьянской жизни; во-вторыхъ, она, по убѣжденію крестьянъ, облегчаетъ (а не сокращаетъ) отбываніе воинской повинности; въ третьихъ, она, по крестьянскимъ понятіямъ, составляетъ нѣкое высшее достоинство человѣка, и къ этому достоинству они относятся съ особеннымъ уваженіемъ: грамотный и письменный человѣкъ по ихъ понятіямъ, человѣкъ «умственный», знаетъ и понимаетъ больше, «дороже стоитъ». Последнее выраженіе, правда, отзывается крѣпостнымъ правомъ, когда продажная цѣна на грамотную душу была выше цѣны на неграмотную, но тотъ первоначальный смыслъ выраженія теперь уже утратился, и въ виду имѣется оцѣнка человѣка не съ барской крѣпостной точки зрѣнія, а съ болѣе человѣчной—общественной, мірской.

«Мы народъ неученый, никакой у насъ умственности нѣтъ,—ну, а Петръ Карпычъ, извѣстно, человѣкъ письменный, книжный,—онъ всякое дѣло лучше нашего удумаетъ,—гдѣ ужъ намъ, темнымъ людямъ, съ нимъ тягаться!»

Поэтому-то многіе ребята учатся, и многіе крестьяне посылаютъ своихъ дѣтей въ училище—совсѣмъ не для свидѣтельства. У крестьянъ своя мѣрка «учености», которая не совсѣмъ охотится съ мѣркой обычныхъ экзаменаторовъ и училищнаго совѣта. Правда, въ последнее время и въ крестьянскую среду стало проникать честолюбіе, которое больше всего дорожитъ патентомъ, свидѣтельствомъ, похвальнымъ листомъ. Но этому едва ли слѣдуетъ радоваться, и я еще буду имѣть случай поговорить объ этомъ. Теперь же не могу не отмѣтить факта, что были вотъ какіе случаи: за подростка, которому надо было держать экзаменъ въ маѣ, нанимали батрака, лишь-бы не отрывать малаго отъ школы на послѣдній учебный мѣсяцъ передъ экзаменомъ и не лишится возможности добиться свидѣтельства и похвального листа. Были и такіе случаи, что пятнадцати—шестнадцати-лѣтніе ребята утромъ пахали яровое поле, а послѣ обѣда держали въ училищѣ экзаменъ на свидѣтельство. Но все-таки это случаи единичные, рѣдкіе,—и учителю приходится не мало хлопотать, чтобы удержать въ школѣ до экзамена достаточное число учениковъ старшаго отдѣленія. Все отдѣленіе, въ полномъ составѣ, удержать невозможно, но объ этомъ учитель и не меч-

тасть: хоть бы половина, примѣрно—человѣкъ 12—15 (а чѣмъ больше, тѣмъ лучше), оставалась и держала экзаменъ. Для чего же это нужно учителю, если въ глазахъ родителей ни экзамены, ни свидѣтельства, ни похвальные листы не имѣютъ большого значенія?

Дѣло въ томъ, что числомъ учениковъ, представляемыхъ къ экзамену, часто измѣряютъ достоинство и усердіе учителя. Представъ онъ на экзаменъ побольше учениковъ,—его похвалятъ, пожалуй дадутъ денежную награду, рублей 10—15; для бѣднаго сельскаго учителя, который въ нашихъ мѣстахъ получаетъ 17—20 руб. лей въ мѣсяцъ вознагражденія, эта маленькая награда что нибудь да значить. Представъ онъ къ экзамену 2—3 учениковъ,—и награды не будетъ, да еще—пожалуй—достанется суровый нагоняй. Какъ же не хлопотать учителю, чтобы да не разбелось старшее отдѣленіе? Приходится уговаривать и родителей, и учениковъ.

И не столько родители поддаются лестному обѣщанію, что сынъ получить свидѣтельство и льготу по воинской повинности, сколько тому доводу, что именно въ эти-то послѣдніе мѣсяцы его «дovedутъ до дѣла», что препятствовать этому не слѣдуетъ.

Приходится убѣждать и учениковъ, чтобы они ходили въ училище исправно и готовились къ экзамену. Весной ребятъ тянетъ не въ школу, къ книжкѣ и перу, а съ поле, къ рѣкѣ, въ лѣсъ, на лугъ, да и дома-то они всетаки слышать неодобрительные отзывы объ этомъ «отлыниваніи» отъ крестьянскихъ работъ.

Нѣсколько недѣль работы съ однимъ старшимъ отдѣленіемъ, съ учениками, которые готовятся къ экзамену, собственно говоря, самый скучный мѣсяцъ для учителя, любящаго ребятъ и свое дѣло, т. е. истиннаго народнаго учителя, а не поденщика, механически отбывающаго необходимую работу.

Онъ поставленъ въ необходимость вести однообразныя и малопроизводительныя занятія: и малопроизводительность-то ихъ ему очевидна, и возможности-ти нѣтъ замѣнить работой болѣе живой, полезной, производительной.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ большей части нашихъ сельскихъ школъ, состоятъ занятія старшаго отдѣленія, оканчивающаго курсъ, въ эти послѣднія недѣли не только учебнаго года, но и всего учебнаго курса?

Казалось бы, тутъ надо свести концы съ концами, подвести итоги «увѣичать зданіе», какъ выражался одинъ извѣстный педагогъ-земедѣ, а приходится—форсированнымъ маршемъ подгонять къ сдачѣ экзамена посредствомъ усиленныхъ упражненій въ меха-

ническомъ чтеніи, въ письмѣхъ подъ диктовку и рѣшеніи замысловатыхъ ариметическихъ задачъ на оставшія именованныя числа по сборникамъ Евтушевскаго и Гольденберга. Въ то же время идутъ усиленные занятія по Закону Божію, состоящія въ зубреніи молитвъ и священной исторіи, потому что рѣдко проходятъ своевременно учебный матеріалъ, требуемый экзаменаціонной программой, — и приходится его въ нѣсколько недѣль, на-скоро, вбить въ дѣтскія головы; объ этомъ уже было подробно говорено мною въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ. Учитель знаетъ, что на экзаменѣ потребуется бѣглое чтеніе по незнакомой для учениковъ книгѣ, по какой-нибудь рукописи и по церковно-славянскому тексту Евангелія. Последнее его не пугаетъ, потому что съ текстомъ Евангелія ученики хорошо познакомились за три года; чтеніе и переводъ этого текста не могутъ ихъ затруднять. Другое дѣло — чтеніе незнакомой книги и рукописи. Какую книгу, а особенно — какую рукопись предложить ученикамъ для чтенія? Матеріала для упражненій въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ очень мало... Ученики перечитываютъ больше одну и ту же классную книгу для чтенія; библіотекъ при школахъ нѣтъ. А съ рукописями еще затруднительнѣе: литографированныхъ сборниковъ, довольно дорогихъ, въ школахъ нѣтъ, и по большей части ученики упражняются въ чтеніи рукописи по какимъ-нибудь сборнымъ листкамъ. Въ нашей школѣ для этого существуютъ нерচিতо заготовленные рукописные сборники статей, выбранныхъ изъ употребляемой книги для чтенія, объемомъ до 10 обыкновенныхъ писчихъ листовъ. На этомъ сборникѣ ученики и упражняются въ чтеніи рукописи. Удобство состоитъ въ томъ, что дается, во-первыхъ, содержательное чтеніе, во-вторыхъ, чтеніемъ этой рукописи не нарушается та связность и послѣдовательность класснаго чтенія, тотъ планъ его, который установленъ употребляемой книгой, тогда какъ онъ необходимо нарушается, если ученики читаютъ не только случайный наборъ рукописей, но даже и литографированныя рукописныя изданія (Золотова или Оедорова). Заготовленіе же подобнаго сборника, приспособленнаго къ общему плану и содержанію класснаго чтенія, въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, очень легко, какъ я знаю по личному опыту. Каждый учитель, если пожелаетъ, при помощи знакомыхъ, товарищей и старшихъ учениковъ, легко можетъ заготовить его въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ заготовилъ я; а затѣмъ этотъ сборникъ можетъ служить много лѣтъ. Чѣмъ разнообразнѣе будетъ рукопись сборника, тѣмъ лучше для достиженія цѣли, ко-

торая и состоитъ въ томъ, чтобы напрактиковать учениковъ въ чтеніи всевозможныхъ рукописей. Я считалъ полезнымъ внести и внести въ нашъ сборникъ образцы писемъ и нѣкоторыхъ дѣловыхъ бумагъ.

Учитель знаетъ также, что на экзаменѣ будетъ произведена диктовка, которую экзаменаторы препровождаютъ въ училищный совѣтъ, какъ единственную испытательную письменную работу по русскому языку, что отъ этой диктовки требуется значительное орфографическое совершенство. Онъ знаетъ еще, что другой письменной испытательной работой будетъ рѣшеніе арифметической задачи на составныя именованныя числа изъ Евтушевскаго или Гольденберга. Еще онъ знаетъ, что никакихъ реальныхъ знаній отъ учениковъ на экзаменѣ не спросятъ, какъ не спросятъ и умѣнья владѣть торговыми счетами, и знакомства не только съ отечествомъ и его исторіей, но даже и съ своей губерніей.

Такъ или иначе, ученики приготовились къ экзамену. Но не всѣ трудности окончены. Иногда въ нашихъ мѣстахъ бываетъ еще затрудненіе, съ которымъ учителю не легко справиться.

Въ нашей мѣстности установился почему-то очень неудобный обычай собирать для экзамена въ одну школу учениковъ 5—6 школъ. Обычай этотъ, говорятъ, вызванъ недостаточнымъ числомъ членовъ училищнаго совѣта, которые, будто-бы, не могутъ обѣхвать всѣ школы для присутствія на экзаменахъ. Это едва-ли справедливо. У насъ вовсе не такъ много школъ, чтобы гг. члены училищнаго совѣта не могли побывать въ каждой изъ нихъ разъ въ годъ для присутствія на экзаменѣ.

На долю каждого члена придется не болѣе 6—7 школъ, находящихся одна отъ другой верстахъ въ 7, 10, много 20. Между тѣмъ, отправка 10—15 учениковъ за 10—15 верстъ для экзамена, въ самую горячую рабочую пору, когда и крестьяне, и лошади заняты самой важной въ крестьянскомъ быту работой,—крайне затруднительна. Обычай тѣмъ болѣе неудобенъ, что нельзя основательно проэкзаменовать въ одинъ и тотъ же день всѣхъ учениковъ, собранныхъ въ одно мѣсто изъ 5—6 школъ. У крестьянскихъ подростковъ, которые крайне нужны дома, которыхъ учителю пришлось съ такимъ трудомъ удерживать въ школѣ для представленія на экзаменъ, въ существѣ дѣла не особенно нужный для нихъ, отнимаются два дни, причемъ экзаменъ все-таки производится спѣшно, кое-какъ, поверхностно. Я уже не говорю о затрудненіяхъ учителя: гдѣ помѣстить и накормить привезенныхъ верстъ

за десять ребятъ—въ чужомъ селѣ, гдѣ ни у него, ни у нихъ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Одинъ разъ такой съѣздъ былъ въ нашемъ селѣ. Экзаменъ затянулся на два дня. Ученики нашей и сосѣдней съ нами школы напрасно просидѣли цѣлый день въ душевной комнатѣ; сосѣдніе уѣхали почевать домой, а значительная часть нашихъ заявили, что завтра они должны пахать и не придутъ на экзаменъ, что ихъ родители не пустятъ: въ томъ году у насъ, какъ нарочно, въ третьемъ (старшемъ) отдѣленіи собрались ребята 15—16 лѣтъ, т. е. самаго желательнаго возраста, не малолѣтки, и это, говоря по совѣсти, былъ лучшій, самый надежный выпускъ нашей школы, въ смыслѣ прочности и плодотворности ученія.

Пришлось потратить не мало хлопотъ, чтобы экзаменъ состоялся, и все-таки ребята утромъ пахали, а послѣ обѣда держали экзаменъ.

Въ сущности, причина такого неудобнаго распоряженія, какъ сборъ учениковъ нѣсколькихъ школъ въ одинъ пунктъ, заключается не въ томъ, чтобы члены училищнаго совѣта не имѣли возможности побывать въ каждой школѣ, а въ томъ, что между ними довольно такихъ, которые уклоняются отъ этихъ посѣщеній, да и вообще мало интересуются дѣломъ народнаго образованія. Спрашивается: для чего же они состоятъ въ этомъ званіи? и неужели нельзя найти членовъ болѣе интеллигентныхъ? Не исключенія же, возможные только при особенно благоприятныхъ условіяхъ, члены Александровскаго училищнаго совѣта, временъ барона Корфа, или члены Псковскаго училищнаго совѣта, нѣсколько разъ въ году объѣзжающіе школы своихъ участковъ и представляющіе подробные отчеты о своихъ посѣщеніяхъ и о состояніи осматрѣнныхъ школъ! Конечно нѣтъ! Но бѣда въ томъ, что есть такіе несчастныя мѣстности, гдѣ господствуетъ ложное мнѣніе, будто въ члены училищнаго совѣта годятся всякій, кто пожелаетъ, будто члену училищнаго совѣта можно, не грѣхъ и не стыдно ничего не дѣлать, даже въ засѣданіяхъ совѣта не бывать, потому что протоколъ засѣданія можно подписать и дома,—и числятся членами лица, совершенно равнодушныя къ школѣ и народному образованію. Понятно, что такіе господа не желаютъ посѣщать школы ни во время учебнаго года, ни во время экзаменовъ. Если же иногда имъ приходится ѣхать на экзамены, то они усердно настаиваютъ, что надо-де согнать въ одинъ пунктъ экзаменуемыхъ изъ пяти—шести школъ, а на самомъ экзаменѣ, гдѣ значатся предсѣдателями, играютъ роль ужъ никакъ не просвѣтителей.

Предлагаютъ такому предсѣдателю экзаменной комисіи обратить вниманіе на годовыя письменныя работы экзаменующихся учениковъ: «А, ну ихъ! говорить онъ: и такъ надоѣло, очень нужно еще тетрадки просматривать!»

Предлагаютъ такому предсѣдателю спросить учениковъ что нибудь объ отечествѣ, о прошедшемъ отечествѣ: «А на что, говорить, это нужно знать мужикамъ? лучше-бы вы ихъ поменьше учили».

Предлагаютъ такому предсѣдателю экзаменную письменную работу учениковъ, для просмотра и постановки балла: «Ошибочки есть, говорить онъ съ важнымъ видомъ—и безъ перемоніи букву е въ словѣ дверь поправляетъ на ѣ!

Хорошо, если при такомъ предсѣдателѣ на экзаменѣ случится дѣльный и тепло относящійся къ дѣлу инспекторъ или директоръ училищъ; онъ беретъ въ свои руки и предсѣдателя, и экзаменъ,—и даетъ послѣднему благобразное направленіе.

Само собой разумѣется, что между членами училищнаго совѣта и у насъ попадаются люди другого сорта, но не особенно часто.

Это очень жаль, и надо желать, чтобы взгляды мѣстныхъ людей на званіе члена училищнаго совѣта измѣнились, чтобы въ члены совѣта привлекались не праздные охотники до земскихъ лошадей, а истинные друзья школы и народнаго образованія.

Вотъ въ школѣ уже все приготовлено для экзамена. Классная комната вымыта, выметена; выставлены и раскрыты окна, и свѣжій, ароматный майскій воздухъ живительной струей врывается въ комнату. Все лишнее изъ этой комнаты вынесено; оставлено только необходимое число ученическихъ столовъ для экзаменующихся, да поставлены вдоль стѣнъ стулья и скамейки для родителей, родственниковъ и вообще для желающихъ присутствовать на экзаменѣ, въ качествѣ публики. А въ передней части класса, гдѣ обыкновенно помѣщаются классныя доски и т. под., теперь поставленъ особый столъ для экзаменаторовъ и другихъ официальныхъ лицъ, которые иногда посѣщаютъ экзаменъ. На столѣ разложены необходимыя книги, тетради, бумага, перья и проч. Учитель перемѣнилъ свою обыкновенную рабочую блузу на тотъ парадный костюмъ, какой у него имѣется, и вообще принарядился, т. е. облекся въ крахмальную сорочку, галстухъ и черную пару: нельзя же, пріѣдетъ начальство.

Принарядились, подтянулись и ученики, собравшіеся въ школу для послѣдняго раза чѣмъ свѣтъ: красныя рубахи, «чекменьки», сапоги вмѣсто лаптей; волосы пострижены и причесаны. Гебята шумять, болтають, смѣются, возятся, потому что вовсе не боятся эк-

замена и относится къ нему довольно легко. Эта толпа совсѣмъ не то, что толпа гимназистовъ или реалистовъ передъ экзаменомъ. Тамъ—блѣдныя лица, лихорадочно блестящіе глаза, уныніе, дрожь, смущеніе, а тутъ—ничего подобнаго. И понятно: тамъ рѣшается для каждого роковой вопросъ, въ родѣ,—«быть или не быть?» а здѣсь родители посылаютъ дѣтей, и ребята собираются на экзаменъ въ видѣ уступки желаніямъ начальства, такъ сказать «для потѣхи», вовсе не озабочиваясь результатами и послѣдствіемъ этого экзамена, за исключеніемъ небольшого числа тѣхъ, которые уже успѣли заразиться городскимъ духомъ мелкаго и дряннаго тщеславія.

Учитель ходить въ ожиданіи, взволнованный, тревожный, озабоченный, а ребята и ухомъ не ведутъ, подшучиваютъ другъ надъ другомъ, заливаются звонкимъ ребячьимъ смѣхомъ.

«Бѣдутъ! бѣдутъ!» закричали ребята со двора. Къ училищу подкапталъ тарантасъ, изъ котораго выходятъ экзаменаторы. Подѣхали и другія «почетныя» лица, вздумавшія посѣтить экзаменъ: батюшка изъ сосѣднаго села, сосѣдка помѣщица, «волостные» и т. под.

Послѣ вѣкоторой суеты, всѣ занимаютъ свои мѣста, и устанавливается должный порядокъ.

За большимъ столомъ сидятъ экзаменаторы, и предсѣдатель коммисіи, членъ училищнаго совѣта, съ недовольнымъ лицомъ, уже заблаговременно зѣваетъ. На стульяхъ и скамьяхъ, вдоль стѣнъ, сидятъ родители и родственники экзаменующихся, впрочемъ, въ небольшомъ числѣ, потому что пора рабочая, и въ полѣ идетъ пахота. Послѣ пѣнія молитвы, ученики размѣстились на своихъ мѣстахъ. Учитель раздаетъ имъ бумагу и перья, а предсѣдатель выбираетъ статью для испытательной диктовки: письменныя испытанія предпосылаются устнымъ.

Проходитъ часа два, пока экзаменующіеся пишутъ диктовку и рѣшеніе ариметической задачи. Послѣ того начинается устное испытаніе. Учениковъ вызываютъ и спрашиваютъ по одиночкѣ: прежде всего по Закону Божію, потомъ читаютъ по какой-нибудь русской печатной книгѣ, по рукописи и по церковно-славянскому тексту Евангелія, наконецъ по ариметикѣ.

Подробное изложеніе устнаго экзамена было бы утомительно и не интересно, а потому я скажу о немъ только нѣсколько словъ.

По Закону Божію спрашиваютъ молитвы и священную исторію, которая оказывается отзубренною по книжкѣ; иногда одно забытое словечко прерываетъ бойкій отвѣтъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, если «батюшка» во время не подскажетъ этого словечка. Батюшка

иногда вдается, въ своихъ вопросахъ, въ богословскія тонкости и горячится, если отвѣты не удовлетворяютъ его. Прочіе экзаменаторы рѣдко выѣшиваются въ экзаменъ по Закону Божію. Былъ случай, что ученикъ, отвѣчая на вопросъ батюшки, безъ запинки, не переводя духъ, отчиталъ «объ обязанностяхъ ангеловъ», какъ вдругъ членъ училищнаго Совѣта, на этотъ разъ не изъ охотниковъ до земскихъ лошадей, но всѣми признаваемый за большого «чудака» неожиданно обратился къ ученику: «Ну обязанности ангеловъ ты, я вижу, знаешь, а вотъ скажи-ка мнѣ, знаешь ли ты обязанности сельскаго старосты?» Трудно описать эффектъ, произведенный этимъ неожиданнымъ вопросомъ. Крестьяне, сидѣвшіе вдоль стѣны, лукаво улыбулись. Официальныя лица смутились. Ученикъ растерялся и не находилъ словъ для отвѣта на неожиданный вопросъ. А «батюшка» не напутку обидѣлся.

Но «чудака» настоялъ на своемъ: онъ добился таки, что мальчикъ высказалъ, въ чемъ состоитъ дѣло сельскаго старосты и что должно исполнять это дѣло, чтобы не согрѣшить передъ Богомъ и оставаться истиннымъ христіаниномъ.

Потомъ, въ дружеской бесѣдѣ, «чудака» выяснилъ смыслъ своего вопроса, который «батюшкѣ» казался неумѣстнымъ, не имѣющимъ отношенія къ Закону Божію. «Видите ли, говорилъ онъ: мнѣ думается, надо желать, чтобы крестьянскій мальчикъ, которому, можетъ быть, придется когда-нибудь исполнять обязанности сельскаго старосты, не только разумно понималъ эти обязанности, согласно съ гражданскими законами, но и освятилъ бы для себя это пониманіе христіанскимъ ученіемъ, религіозными требованіями, которыя, конечно, ни мало не расходятся съ требованіями гражданского закона. Тогда это пониманіе будетъ прочно и на самомъ дѣлѣ когда-нибудь перейдетъ въ честное исполненіе своихъ обязанностей, какое теперь у насъ встрѣчается рѣдко. Мнѣ думается, что религіозное обученіе въ начальной школѣ должно стоять на болѣе практической, жизненной почвѣ. Важно, чтобы сельскій школьникъ, будущій крестьянинъ, прочно стоялъ на христіанскомъ пониманіи и выполненіи своихъ прямыхъ житейскихъ обязанностей, и я считаю самымъ важнымъ на экзаменѣ по Закону Божію въ сельской школѣ испытаніе крестьянскихъ ребятъ не въ знанія богословскихъ тонкостей, а именно въ христіанскомъ пониманіи ихъ житейскихъ отношеній и тѣхъ обязанностей, какія имъ придется нести въ жизни».

Чтожь, мнѣ кажется, что взглядамъ и сужденіямъ «чудака» нельзя отказать ни въ оригинальности, ни въ справедливости.

Читают по гражданской печати и по рукописи матеріалъ, какой случится подъ руками, преимущественно небольшія статейки, удобныя для изложенія своими словами, что и совершенно основательно. По церковно-славянски читаютъ и переводятъ текстъ Евангелія согласно съ программой экзамена на льготу по воинской повинности.

По арифметикѣ дается нѣсколько задачекъ для устнаго рѣшенія, но не испытывается ни умѣнье владѣть торговыми счетами, ни умѣнье производить бѣглыя вычисленія.

Оцѣнку отвѣтовъ и письменныхъ работъ, по пятибалльной системѣ, дѣлаетъ отдѣльно каждый членъ экзаменной комиссіи; въ томъ числѣ и учитель. Къ сожалѣнію, голосъ послѣдняго иногда, по произволу иного самодурнаго члена училищнаго совѣта, подвергается страннымъ стѣсненіямъ, хотя учитель, собственно говоря, наиболѣе компетентное лицо въ этомъ случаѣ: онъ имѣетъ возможность вѣрнѣе оцѣнить знанія и умѣнья своихъ учениковъ, пользуясь для этого не только случайными экзаменными работами и отвѣтами, а близкимъ знакомствомъ съ ними въ продолженіе всего учебнаго курса. Былъ случай что членъ училищнаго совѣта, уѣздный врачъ, неизвѣстно какъ и для чего получившій это званіе, враждебно настроившійся противъ одного нашего учителя, довелъ бѣднаго до слезъ своими грубыми нападками на его мнимонисходительную оцѣнку ученическихъ отвѣтовъ, пригрозилъ «составить протоколъ» и такимъ насильственнымъ способомъ заставилъ юношу отказаться отъ его балловъ. Казалось-бы, надо допустить что-нибудь одно: или признать учителя полноправнымъ членомъ экзаменной комиссіи и не насиловать его совѣсти въ постановкѣ того или другого балла за ученическіе отвѣты, или вовсе устроить его отъ оцѣнки этихъ отвѣтовъ, какъ лицо пристрастное и не заслуживающее довѣрія. Последнее было-бы не согласно съ закономъ, но за то послѣдовательно. А то получается такой курьезъ: дѣлай оцѣнку, но не такую, какая справедлива по твоему разумѣнію, а такую, какъ прикажутъ. Положимъ, тутъ выходитъ, что какъ будто и законъ соблюденъ, и устраненно вмѣшательство учителя въ оцѣнку ученическихъ отвѣтовъ; но за то, какъ хотите, тутъ нѣтъ здраваго смысла. Во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ обученія и народнаго образованія нѣтъ возможности и неблагоразумно обходиться безъ довѣрія къ учителю, а наши русскіе народные учителя, сколько я знаю и какъ глубоко убѣжденъ, по своему нравственному достоинству, въ большинствѣ, вполне достойны такого довѣрія.

Экзаменъ оконченъ. Составлены и подписаны: списки съ окончательными баллами (по Закону Божію, по чтенію, письму и арифме-

тикѣ) и протоколъ; экзаменныя письменныя работы подписаны для передачи въ училищный совѣтъ. Начальство торопливо уѣзжаетъ. Учитель сообщаетъ ученикамъ о результатахъ экзамена. Школа пустѣетъ и запирается.

Послѣ всякаго такого экзамена въ сельской школѣ, говоря откровенно, меня одолеваетъ сомнѣніе: полно, есть-ли надобность въ этихъ экзаменахъ, съ ихъ официальной обстановкой? полно, приносятъ ли они какую-нибудь пользу? нужны-ли и эти пресловутыя свидѣтельства, и эти похвальные листы, которые навязываютъ крестьянскимъ ребятамъ, какъ результатъ экзамена? полно, нужна ли и справедлива ли даже та льгота по воинской повинности, которая соединяется съ этими свидѣтельствами?

Обыкновенно говорятъ, что свидѣтельства и льготы по воинской повинности привлекаютъ въ школы крестьянскихъ дѣтей, способствуя распространенію грамотности и образованія въ народѣ.

Еще говорятъ, что экзамены служатъ для контроли надъ дѣятельностью школы и учителя, что на экзаменѣ можно въ короткое время оцѣнить эту дѣятельность, видѣть большую или меньшую соразмѣрность государственныхъ и общественныхъ затратъ на дѣло народнаго образованія съ ихъ результатами.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ по поводу послѣдняго довода въ пользу экзаменовъ.

Справедливо ли, что учитель является отвѣтственнымъ за число учениковъ, представляемыхъ къ экзамену? Справедливо-ли вѣмѣрять полезность школы и дѣятельность учителя числомъ и даже успѣхами именно этихъ учениковъ? Почему не идти въ счетъ тѣхъ ученики которые не являются на экзаменъ, не жаждутъ ни свидѣтельствъ, ни похвальныхъ листовъ, ни публичнаго одобренія начальства?

Я уже говорилъ, какъ трудно бываетъ учителю удерживать въ школѣ учениковъ съ приходомъ весны и какъ невозможно удержать до конца учебнаго года все старшее отдѣленіе, въ полномъ составѣ. Я уже говорилъ и о томъ, какъ равнодушно относится—не къ грамотѣ и книжному ученію, а къ свидѣтельствамъ и похвальнымъ листамъ—крестьяно, въ большинствѣ, какъ неохотно поступаются они, за весьма небольшими исключеніями, интересами своего хозяйственнаго быта, ради экзамена. Очевидно, что отъ учителя очень очень мало зависитъ число учениковъ, которыхъ онъ представляетъ къ экзамену. У самаго лучшаго, способнаго и работающаго учителя это число можетъ быть ничтожно; у самаго плохого, бездарнаго и лѣниваго оно можетъ быть гораздо больше. Мало того, измѣрять до-

стоинство учителя этимъ числомъ, мы наваливаемъ на него тяжелую и въ высшей степени непріятную заботу, собственно говоря не относящуюся къ дѣлу учительства.

И съ какой стороны ня посмотрите на дѣло, экзаменъ не можетъ давать удовлетворительнаго матеріала для оцѣнки достоинства учителя и дѣятельности школы. Съ одной стороны, извѣстно, что отвѣты учениковъ на экзаменахъ всегда и вездѣ имѣютъ чисто случайный характеръ, и чисто плохой ученикъ сходитъ на экзаменѣ за хорошаго, хорошій за плохого.

Во-вторыхъ, въ экзамена остается значительное число учениковъ, изъ которыхъ одни не доходятъ до третьяго отдѣленія, другіе оставляютъ школу какъ разъ за мѣсяцъ, за два до экзамена и не являются на этотъ не мудреный для нихъ экзаменъ. Иногда это бываютъ самые надежные ученики школы: знаю я между ними не мало такихъ, которые очень удовлетворительно обучили грамотѣ значительное число взрослыхъ мужиковъ, а сами постоянно берутъ и читаютъ книжки изъ училищной библіотеки, тогда какъ нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ, получивъ свидѣтельство, не заглядывали въ школу и не развѣртывали никакой книжки. Если бы у насъ назначались въ члены училищнаго совѣта все лица интеллигентныя, хорошо понимающія дѣло и тепло къ нему относящіяся, училищный совѣтъ имѣлъ бы возможность судить о дѣятельности школы и о достоинствѣ учителя по даннымъ болѣе важнымъ, нежели выпускной экзаменъ раздѣливъ усадъ на участки по числу членовъ: каждый членъ совѣта могъ бы нѣсколько разъ въ учебномъ году посѣтить всѣ школы своего участка, оставаясь въ нихъ не по часу, а по два—по три дня, чтобы познакомиться и съ учителемъ, и съ учениками, и съ ходомъ преподаванія и съ познаніями и умѣньями учащихся. Подробное и добросовѣстное изложеніе этихъ посѣщеній дало бы училищному Совѣту богатый матеріалъ для оцѣнки школы и учителя, да и для улучшенія учебнаго дѣла въ нашихъ заброшенныхъ сельскихъ школахъ эти посѣщенія имѣли бы очень большое значеніе. До какой степени доходить у насъ склонность сводить живое дѣло на канцелярскій формализмъ можно видѣть по слѣдующимъ установленіямъ, существующимъ въ нашихъ мѣстахъ.

Чтобы имѣть вѣрныя и точныя данныя о числѣ учениковъ, посѣщающихъ сельскія школы, установлены ежемѣсячныя учительскія рапортычки, въ которыхъ отмѣчается ежедневно это число, съ распределеніемъ по поламъ и отдѣленіямъ. По недовѣрію къ учителю, требуется, чтобы вѣрность его показаній удостовѣрилась волостнымъ

начальствомъ. Тутъ все поражаетъ своею странностью. Странно ничѣмъ не вызванное недовѣріе къ учителю, который ставится въ какое-то подчиненное отношеніе къ волостному старшинѣ, а вѣрнѣе къ волостному писарю, такъ какъ безграмотной волостной старшинѣ у насъ обыкновенно находится въ полномъ распоряженіи писаря. Странно и наивное предположеніе, что волостное начальство можетъ и захочетъ ежедневно провѣрять число учениковъ во всѣхъ школахъ волости, изъ коихъ только одна находится въ томъ же селѣ, гдѣ и волостное правленіе, а другія въ 7—10 верстахъ отъ него, Странна и не менѣе наивна увѣренность, что рапортчика учителя много выиграетъ въ достовѣрности, коль-скоро будетъ удостовѣрена волостнымъ начальствомъ. Понятно что при хорошихъ отношеніяхъ между учителемъ и волостнымъ писаремъ послѣдній удостовѣритъ, все что первый ни напишетъ, безъ всякой провѣрки, которая къ тому же и невозможна, а при плохихъ отношеніяхъ—учитель отдастся если не на съѣденіе, то на всевозможныя издѣванья писарю, какъ-бы безукоризненно честенъ онъ ни былъ въ своихъ показаніяхъ.

Недовѣріе къ законоучителямъ, вызвало распоряженіе, чтобы учителя сообщали о числѣ данныхъ законоучителями уроковъ. Этотъ негласный контроль одного преподавателя надъ другимъ или вносить раздоръ и недоброжелательство въ ихъ взаимныя отношенія, что, конечно, вовсе не желательно, или можетъ вызвать между ними сдѣлку по пословицѣ «рука руку моетъ», что опять таки можетъ отзываться на дѣлѣ только плохими, нежелательными результатами.

Формализмъ—плохая замѣна истинно-педагогическаго, живаго отношенія къ дѣлу и къ школѣ, и только замѣна этого канцеляризма непосредственнымъ, толковымъ и сердечнымъ наблюденіемъ членовъ училищнаго совѣта можетъ установить вѣрную оцѣнку дѣятельности школы и учителя.

Возвращаясь къ свидѣтельствамъ и экзаменамъ. Мнѣ думается, что льгота по воинской повинности, связанная съ полученіемъ свидѣтельства, не имѣетъ никакого основанія и оправданія. Срокъ отбыванія этой повинности въ настоящее время такъ коротокъ, что она перестала быта тяжелою повинностью; для грамотнаго же, сравнительно, болѣе развитого и смышлеваго новобранца ея отбываніе и такъ облегчается уже самою грамотностью и смышленостью его, какое же основаніе еще сокращать для него срокъ этого отбыванія? Крестьяне очень хорошо понимаютъ, насколько легче отбываніе воинской повинности для грамотнаго и смышлеваго парня, и дорожатъ не льготой, которую даетъ свидѣтельство,

а грамотностью и смышленостью, которую даетъ школа. Между тѣмъ и на «службѣ царской», конечно, нужны грамотные и смышленные,—и сокращеніе срока службы для нихъ, по моему, ничѣмъ не оправдывается. Грамотность и приобритенныя въ школѣ знанія и умѣнья, соединенныя съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ, съ смышленостью,—сами по себѣ большое преимущество для человѣка, и нѣтъ никакой разумной причины давать этому человѣку еще какія то льготы сравнительно съ людьми, почему бы то ни было лишенными этого крупнаго преимущества.

Едва-ли желательно и привлекать дѣтей въ школу какими-бы то ни было посторонними льготами, которыя не вытекаютъ сами собой изъ существа дѣла. Грамотному легче воинская служба, и тѣмъ больше малый учился въ школѣ, тѣмъ легче ему служить,—вотъ льгота, сама собой вытекающая изъ существа дѣла, очень чувствительная и понятная для самихъ крестьянъ. Гораздо болѣе значенія имѣеть и является исполнѣ справедливымъ распоряженіе одного преосвященнаго, чтобы всѣхъ вступающихъ въ бракъ, какъ жениха, такъ и невѣсту, подвергать предварительному испытанію въ знакомствѣ съ основными началами христіанскаго ученія и въ знанія важнѣйшихъ молитвъ съ пониманіемъ.

Есть полное основаніе требовать, чтобы лица, вступающія въ бракъ, будущіе отцы и матери, воспитатели своихъ дѣтей сознательно относились къ предстоящему таинству и къ обязанностямъ, какія принимаютъ на себя, были-бы способны воспитывать и наставлять своихъ будущихъ дѣтей. Между тѣмъ такое требованіе конечно, представляется сильнымъ средствомъ, чтобы побудить крестьянъ посылать въ школу своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ безразлично. Последнее обстоятельство, установленіе безразличія между мальчиками и дѣвочками, тоже очень важно. До сихъ поръ въ нашихъ сельскихъ школахъ дѣвочки составляють ничтожный процентъ въ общемъ числѣ учащихся, и грамотныхъ женщинъ въ крестьянствѣ очень мало.

Распространеніе грамотности и образованія въ народѣ пошло-бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, если-бы увеличилось число грамотныхъ, читающихъ и мыслящихъ матерей, да улучшилось бы и домашнее воспитаніе дѣтей, отъ котораго много зависятъ физическія и нравственныя качества грядущихъ поколѣній. Мы такъ часто жалуемся, что люди вокругъ насъ вырождаются, становятся слабые, болѣзненнѣе, порочнѣе, безхарактернѣе, а никакихъ мѣръ противъ этого вырожденія поколѣній не предпринимаемъ. Самою-

же первую мѣрою должно-бы было именно приготовленіе умныхъ и мыслящихъ матерей.

Съ устраненіемъ льготы по воинской повинности, устранились-бы сами собой и свидѣтельства, какъ патенты на такую льготу. Надо радоваться, что хоть въ крестьянствѣ русскомъ замѣчается стремленіе къ ученію не ради патентовъ и льготъ, а ради тѣхъ внутреннихъ преимуществъ, какія даетъ оно человѣку. Вы посмотрите во что у насъ обратилось все среднее и высшее образованіе? Въ отчаянную и крайне несимпатичную погоню за аттестатомъ, за дипломъ, за правами. Ученіе, знаніе, наука, не имѣютъ цѣны; вся сила, вся прелесть, вся цѣна—въ патентѣ, и погоня за нимъ и за правами, съ нимъ связанными, съ каждымъ годомъ становится все азартнѣе, все яростнѣе, даже сопровождается самоубійствами въ случаѣ неудачи, какъ всякая азартная игра. Какъ хотите, черта времени некрасивая, антипатичная, опасная. Вѣдь юноша, который учится ради патента, уже содержитъ въ себѣ сильныя задатки черстватаго карьериста и пріобрѣтателя, этого героя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этой язвы нашего времени.

Я помню то время, когда наша народная школа, тогда еще только нарождавшаяся, была совершенно чиста отъ заразы мелкаго тщеславія, когда не выдавала она своимъ ученикамъ никакихъ свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ, а ученики ея учились только для того, чтобы чему нибудь выучиться, и родители довольствовались тѣмъ, что учитель одобрялъ ихъ дѣтей, что дѣти выносили изъ школы кое-какія умѣнья и знанія. Но мало-по-малу формализмъ сталъ тѣсниться и безцеремонно врываться и въ эту чистую, такъ сказать, «невинную» школу, внося въ нее язву мелкаго тщеславія и мертвящаго формализма. Завелись «свидѣтельства» и «похвальные листы», замѣнившія книжку, которая прежде давалась всякому ученику, выходящему изъ школы, безъ различія.

Прежде хорошій ученикъ съ радостью уносилъ съ собой изъ школы въ свою хату полезную книжку, а теперь уносить ня на что ненужный ему похвальный листъ,—неужели это прогрессъ?

Выиграетъ ли школа и жизнь, когда совершится окончательно переработка «ученья для ученія» въ ученіе ради свидѣтельства и похвальнаго листа?

По нашему убѣжденію, это болѣе, нежели сомнительно.

Съ устраненіемъ свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ, устранилась бы и надобность въ официальныхъ экзаменахъ, отнимаю-

щихъ такъ много золотого времени у народной школы на занятія малопроизводительныя въ интересахъ жизни.

Если ужъ надобно, чтобы ученикъ народной школы уносилъ изъ нея вещественные знаки своего пребыванія и обученія въ ней, то для этого достаточно простой записки учителя съ обозначеніемъ времени, когда ученикъ поступилъ въ школу, долго-ли въ ней учился и когда ее оставилъ, пожалуй и успѣховъ его въ школѣ. Кто хочетъ, тотъ пусть беретъ отъ учителя такую записку, не дающую получателю никакихъ правъ и привилегій.

Да хорошо бы вернуться къ старому обычаю награждать каждаго, оставляющаго школу, безъ различія въ успѣхахъ и поведеніи, Святымъ Евангеліемъ, хорошей книгой для чтенія, пожалуй—бумагой, перомъ съ ручкой и карандашемъ.

Х.

О вліяніи школы на нравы мѣстнаго населенія.

Когда я переселялся изъ города въ деревню, до меня со всѣхъ сторонъ доходили самые некрасивые отзывы о жителяхъ того села, гдѣ мнѣ предстояло жить.

Я и такъ зналъ, что школы въ этомъ селѣ никогда не было, и что здѣсь нельзя предполагать никакихъ признаковъ книжнаго просвѣщенія; это бы еще не бѣда, но я слышалъ многое несравненно худшее. Мнѣ говорили, что крестьяне этого села славятся, какъ поголовные воры и мошенники, лѣнтяи и пьяницы, да еще къ тому-же озорники и грубіяны, чуть не разбойники. Такое мнѣніе о нихъ сложилось и у окрестныхъ помѣщиковъ, и у представителей полиціи, и въ земствѣ, и въ городѣ, отъ котораго село находится всего въ 16—18 верстахъ, и особенно у священника, человека солидныхъ лѣтъ, переѣхавшаго сюда изъ другой губерніи и прожившаго въ селѣ уже побольше пятнадцати лѣтъ.

«Ужъ такой-то поганый народецъ, такіе-то окаянныя, прости, Господи! Воровать, плутовать да пьянствовать съ измальства приучаются. Мужики воръ на ворѣ, плутъ на плутѣ, грубіяны, охальники, а бабы — того хуже... Ребята малые — и тѣ на одну стать... Я, знаете, не привыкъ имѣть дѣло съ такимъ народомъ. Я вѣдь не здѣшній. Въ нашихъ мѣстахъ народъ куда лучше».

— Какъ-же, батюшка, вы пятнадцать лѣтъ живете съ такимъ народомъ?

«Что дѣлать, неволя заставляетъ — ну, и живу».

«Думалъ, здѣсь лучше будетъ, да вотъ и промѣнялъ кукушку на ястреба. Теперь и каюсь, да поздно».

— А почему-бы вамъ не попытаться улучшить нравы крестьянъ своимъ благимъ примѣромъ да пастырскими наставленіями?

«Пытался, пробовалъ, да вижу—не проберешь ихъ, избалованъ народъ до послѣдней крайности... Какъ ужъ я, бывало, пробиралъ ихъ. Хорошо, коли промолчать, а то еще тебя-же, за твое добро, обругаютъ, окаинные, не радъ, что и связался-то».

— Неужели съ вами-то, съ отцемъ духовнымъ, они такъ грубы?

«Вотъ и видно, что вы городской человѣкъ, не жилали съ мужичьемъ съ этимъ. Да это имъ первое удовольствіе «пола» обругать. Сколько я натерпѣлся отъ нихъ... не приведи Господи! Вотъ недалеко ходить, сосѣдъ у меня есть, Иванъ Поздняковъ — можетъ знаете? Старикъ, борода сѣдая, а такой озорникъ, хуже молодого. Пока тверезый—ничего, смиренный, почтительный мужикъ... Онъ изъ крѣпостныхъ, знаете,—вѣди, тутъ два общества: одни государственные, а другіе бывшіе крѣпостные, — ну, такъ эти какъ будто по-смирнѣе немножечко... Да, я объ Иванѣ Поздняковѣ началъ. Тверезый, говорю, ничего, а какъ выпилъ, да зашумѣло въ головѣ, — сейчасъ на улицу и ну ругаться самыми похабными словами. Станетъ противъ оконъ, окаинный, да и честить на всю улицу... Ну, сами знаете: что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ... Я и усовѣщевалъ, и къ крутымъ мѣрамъ прибѣгалъ, и жаловался, — ничто не беретъ... Что съ нимъ, съ пьянымъ-то, подѣлаешь? — Ну, и терплю»...

— Съ пьянымъ, конечно, лучше не связываться, а на трезвыхъ-то, можетъ быть можно подѣйствовать добрымъ словомъ, особенно пастырскимъ поученіемъ въ церкви...

«Эхъ извините меня, все это пустая бредня. Фантазируютъ люди, которые мужика въ глаза не видали, или и видали, да не жили съ нимъ, — вотъ какъ вы, напримѣръ. А я ужъ двадцать лѣтъ тутъ околачиваюсь, отъ юности моея съ мужикомъ путаюсь, такъ знаю его вдоль и поперекъ. Вотъ вамъ примѣръ. На дняхъ только иду я, во время служенія, въ алтарь, — смотрю, у мѣстной иконы на большомъ подсвѣчникѣ лежитъ грязная рукавица мужицкая. Ну—безобразіе,—я взялъ да сбросилъ рукавицу! «какой—моль—дуракъ тутъ рукавицу свою положилъ!» А рядомъ стоитъ Карпуха, тоже сосѣдъ—этотъ уже изъ государственныхъ,—лядащій мужиченко, а на дерзости да охальства за словомъ въ карманъ не

полѣзетъ, окаянный: «самъ ты, говорить, дуракъ!» Вотъ вы съ ними въ храмъ Божию и разговаривайте!»...

«Говорю вамъ, такъ думаютъ только тѣ, кто не живалъ и дѣла не имѣлъ съ нашими мужиками. Всѣ эти проповѣди и поученія не для нихъ. Ничего они не поймутъ, да и слушать не станутъ. Истинно вамъ говорю, съ ними нельзя и разговаривать-то по человѣчески, а можно только ругаться. — Это они поймутъ».

— Да? Наконецъ, мало-ли есть печатныхъ поученій для произнесенія въ церкви на всевозможные случаи? Можно просто прочитать, тутъ лишняго, опаснаго, ничего быть не можетъ.

«Говорю вамъ, и не поймутъ они этихъ поученій, и слушать не будутъ».

— Да вы испытали, пробовали, батюшка?

«Не пробовалъ, вратъ не хочу, да и пробовать напрасно. Сказано: «не мечите бисера». Слава Богу, я не новичекъ, не первый годъ живу съ мужикомъ, знаю его довольно хорошо. Пусть ужъ это молодые да фантазеры разные дурачатся, а я и такъ знаю, что ни къ чему это, пустяки одни... Нѣтъ, я считаю много полезнѣе поговорить съ мужикомъ на дому, да по просту. Это постоянно и дѣлаю. Придешь къ нему въ хату со крестомъ или съ требой какой, а то и самъ ояъ придетъ ко мнѣ съ какой ни на есть своей нуждой,—вотъ и поговоришь съ нимъ по своему. Тутъ все припомнишь, всѣ его безобразія, всѣ обиды, какія отъ него перенесъ, да за все разомъ и отдѣлаешь такъ, что любо. Какъ нужда-то его захватить, ояъ смиренъ, голыми руками его бери, — слушаетъ да кланяется, а самъ пи гу-гу... Вотъ какъ съ ними надо».

— Прекрасно. Вы предпочитаете такой способъ поученія. Васъ привело къ нему знакомство съ народной жизнью, сближеніе съ мужикомъ...

«Позвольте, позвольте, что это вы такое говорите, загорячился батюшка, — чтобы да я сталъ сближаться съ мужикомъ? Это очень даже низко для моего званія. За кого-же вы меня принимаете? Это точно, бываютъ между нашей братьей такіе, что не прочь и выпить, и побалагурить съ мужикомъ, а я брататься да сближаться съ нимъ не согласенъ, извините меня. Это даже обидно слышать»...

— Виновать, я не хотѣлъ сказать ничего обиднаго. Я хотѣлъ сказать только, что близкое знакомство съ мужикомъ привело васъ къ такому способу поученія. Но, вѣдь, и этимъ способомъ вы не исправили, не улучшили крестьянскихъ нравовъ? По вашимъ собственнымъ словамъ, и теперь у васъ въ селѣ остаются все тѣ же

ужасные нравы, — выходить, что вы не достигли ни каких хороших результатов?

«Я достигъ-съ тѣхъ результатовъ, что мужики меня хоть бояться стали. По крайней мѣрѣ, страхъ знаютъ, не помыкають по полу, какъ тряпкой какой».

— Но нравы-то, нравственность-то...

«Э, прости Господи, дались вамъ эти нравы, — совѣмъ разсердился батюшка: вотъ вы сами попробуйте ихъ исправить, бесѣдуйте съ ними, школы заводите, а мы посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Не увидимъ, такъ услышимъ. А мнѣ, право, некогда этимъ заниматься. У меня семья на шеѣ, дочери-невесты, а приходъ-то весь не больше 500 душъ, — много-ли тутъ доходовъ-то получишь? Надо жить, надо дѣтей пристроить, — право, объ этихъ пустякахъ и подумать-то нѣтъ ни времени... Одно вамъ скажу: дрянъ здѣсь народъ. Поживете—сами увидите, и на-врядъ вы здѣсь уживетесь.. Впрочемъ, дай Богъ, дай Богъ!»

Проживши годъ на новомъ мѣстѣ, я увидѣлъ, что въ печальныхъ отзывахъ о мѣстныхъ крестьянахъ, какіе мнѣ приходилось слышать, не мало правды, но есть и преувеличенія. Я не искалъ, но и не избѣгалъ сближенія съ крестьянами, а случаевъ для этого представлялось не мало: сдача земли, наемъ работниковъ, покупка разныхъ произведеній крестьянскаго хозяйства и множество иныхъ столкновеній поневолѣ заставляли вематриваться въ мѣстнаго мужика, приглядываться къ нравамъ среды, ея нуждамъ, понятіямъ, желаніямъ, обычаямъ, ея семейному и общественному быту.

Крестьяне, дѣйствительно, въ большинствѣ, оказались людьми не высокой нравственности и честности. Пользуясь незнаціемъ, до-вѣрчивостью и затрудненіями новаго, забѣзжаго человѣка, они за все брали въ три-дорога, обманывали, плутовали, при случаѣ и крали—то мѣру другую изъ зерна, отпущеннаго на посѣвъ, то кнопу сѣна съ луга, то копену хлѣба съ поля, то дерево изъ лѣсу, то и со двора, что плохо лежитъ,—доску, листъ кровельнаго желѣза, вязанку соломы изъ омета, и т. п. Они и попадались на такихъ кражахъ и обманахъ, но при этомъ, въ удивленію, не обнаруживали ни стыда, ни сознанія, что сдѣлали дурное дѣло, ни раскаянія, когда кража или обманъ были раскрыты и обличены до несомнѣнной очевидности ясными уликами. Мало того, иногда дерзко и нахально, на обличеніе ихъ обмана или кражи, не стѣсняясь отвѣчать грубостью, ругательствомъ, непечатымъ словомъ. Бывшіе крѣпостные въ этихъ случаяхъ держались скромнѣе, приниженнѣе.

низкопоклоннѣе, но за то они и чаще попадались въ воровствѣ, плутовствѣ, недобросовѣстномъ исполненіи работы.

Всматриваясь въ дѣло и добирался до изнанки, пришлось убѣдиться, что крестьяне даже какъ будто не признаютъ съ своей стороны предосудительнымъ и несправедливымъ дѣломъ кражу или обманъ по отношенію ко всякому, кто «не свой братъ, не крестьянинъ».

Такія нравственныя понятія могутъ показаться, по малой мѣрѣ, странными; но въ сущности тутъ нѣтъ ничего ни страннаго, ни ужаснаго. Эти нравственныя понятія вырабатывались въ крестьянствѣ издавна и постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, подъ давленіемъ жизненныхъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что почти всѣ, кто «не крестьянинъ», такъ долго и беспощадно обирали и всячески эксплуатировали мужика, пользуясь разными своими преимуществами, а при этомъ еще такъ упорно и жестоко его ругали, даже били, унижали и позорили, не признавая въ немъ человеческого достоинства и ничего не дѣлая для поднятія въ немъ этого достоинства, что мужикъ постепенно утратилъ и довѣріе (не вишнее, которое выражается скиданьемъ шапки, а истинное, внутреннее, душевное уваженіе человѣка къ человѣку) ко всякому «не мужику». Ничего добраго, человеческого отъ всякаго, кто «не свой братъ», «не мужикъ», онъ для себя не ожидаетъ. Во всякомъ добромъ и совершенно безкорыстномъ начинаніи такого человѣка онъ или подозрѣваетъ подвохъ, ловушку, или видитъ просто дурацкую барскую затѣю, ради собственной потѣхи. Кто не обманываетъ, не ругаетъ, не эксплуатируетъ его, тотъ ему представляется или плутомъ, котораго надо остерегаться, или «чуднымъ», «блаженнымъ», въ родѣ дурачка. Какъ таки человекъ имѣетъ полную возможность «обдирать» и велятъ глумиться надъ мужикомъ—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, не дѣлаетъ ни того, ни другого: конечно, ни плутуетъ, чтобы потомъ съ мужика-же вдесатеро слупить, или дурить, «съ жиру бѣсится». Ну, а съ плутомъ и съ блаженнымъ стоитъ-ли церемониться? Кажется, именно поэтому мужикъ не считаетъ ни грѣхомъ, ни преступленіемъ, даже чуть-ли не признаетъ справедливымъ и разумнымъ дѣломъ, — «объѣхать», «объегорить», «поставить въ дураки», часто съ рискомъ жестоко поплатиться за это, — словомъ, поднадутъ, пощипать всякаго, кто «не мужикъ». «Если я его не надую, онъ меня безпремѣнно надуетъ, такъ лучше-же попытаюсь я его надуть». «Если я сдѣлаю по Божьему, безъ обмана, настоящимъ манеромъ,—меня все равно обсчитаютъ и обругаютъ;

сдѣлаю плохо, спуща рукава,—тоже обещаютъ и обругаютъ,—такъ ужъ лучше не буду себя неволить, сдѣлаю кое-какъ,—по крайности, не уморюсь и брань приму не понапрасну, да и въ дуракахъ то «онъ» останется, а не я», «Хоть «онъ» и сулитъ и то и сѣ, и пятое и десятое, а вѣдь навѣрняка обманетъ,—развѣ впервой?—былое дѣло,—постой-же, лучше я «его» объегорю!» «Объегорить-то «его» нашему брату-мужику и грѣха вѣтъ,—развѣ онъ нашъ братъ-хрестыанинъ? Да я «ему» ни въ жизнь спуска не дамъ, попадись онъ мнѣ только». «Своего брата-хрестыанина облапошить—оно точно грѣшно, а «его» то объѣхать—самое то-есть разлюбезное дѣло, и никто меня за это самое не осудитъ».

Такія нравственныя понятія крестьянина, по отношенію къ «не мужику», унаслѣдованы имъ отъ многихъ предыдущихъ поколѣній, а ими обусловливаются его обманъ, плутовство, воровство которыми въ его глазахъ—или благоразумная самооборона, или справедливое возмездіе.

Грубость мужика, которой, конечно, нельзя не признавать, то же продуктъ долгихъ годовъ и безчисленныхъ примѣровъ. Ничему, кромѣ грубости, никто и никогда не училъ его. Ну, мужикъ и научился артистически ругаться, превзошелъ учителей въ этомъ искусствѣ, и ругань стала его общеупотребительной, разговорной рѣчью. Онъ отовсюду, отъ всѣхъ и вездѣ видѣлъ только, грубость, которая, мало-по-малу, глубоко забралась въ мужицкіе нравы, ничѣмъ не смягчаемая.

Нельзя было не видѣть и наклонности мужиковъ къ выпивкѣ чрезъ мѣру, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Просваталъ мужикъ дочь—выпивка (такъ и говорится: «пропаялъ дѣвку»), сдали міромъ общественную рыбную ловлю—выпивка и т. д. (объ этой наклонности я говорилъ уже въ статьѣ 5). А ужъ о свадьбахъ и праздникахъ нечего и говорить: всякая свадьба, свой храмовой и всякій большой праздникъ—непремѣнно соединяются съ трехдневнымъ пьянствомъ. Извѣстное дѣло: «кто празднику радъ—тотъ до свѣту пьянъ». Въ первые дни Рождества и Пасхи, въ Троицынъ день и т. под. пьяные съ утра до вечера галдятъ, ругаются и всячески безобразничаютъ около винной лавочки и на большой сельской улицѣ, и это самые безпокойные дни для сельскаго жителя («не—мужика», когда дѣйствительно надо «ухо остро держать», потому что пьянымъ иногда приходятъ въ голову дикія фантазіи. Тутъ они забываютъ все и во весь развертъ раскрываютъ все то, что у трезвыхъ таятся въ глубинѣ души. Тутъ того и

жди—или драки съ увѣчемъ, а то и со смертоубійствомъ, или буйнаго безчинства, или пожара, который все село, какъ помеломъ, смететь.

Сначала эти пьяные праздники меня только возмущали, потомъ заставили призадуматься. Явилось желаніе поговорить, вразумить «Надо же и мужику отдохнуть да повеселиться», отвѣчаютъ крестьяне на всѣ благоразумныя рѣчи: «вѣдь мы какъ работаемъ-то!—ну, то же и поспрашивать хочется. А какъ намъ праздновать? Вы вотъ въ городъ поѣдете али къ сосѣду, къ Павлу Николаичу или къ Владимиру Ивановичу—чайку тамъ понить, въ карточки поиграть,—ну, и отъ винца тоже, поди, не откажетесь,—знаемъ мы, нине господа здорово выпиваютъ. Въ городѣ у насъ кіатры разные, музыка, катанья да гулянья,—а у насъ какое веселье?—Выпьешь бутылочку, зашумѣло въ головѣ,—вотъ и весело, вотъ и все наше веселье мужицкое!!!

И правда, русскій крестьянинъ—человѣкъ труда по преимуществу, тяжелаго и непрерывнаго мускульнаго труда. Но трудъ трудомъ, а все же у него существуетъ законная человѣческая потребность отдохнуть, не въ смыслѣ выспаться только, но въ смыслѣ—развлечься, повеселиться, доставить себѣ какое-нибудь захватывающее наслажденіе, пожалуй—забыться, оторваться на время отъ однообразной и тяжелой «обыденщины». Единственнымъ доступнымъ для него такимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ является выпивка и соединенное съ ней то безпечальное одуреніе, которое даетъ ему возможность забыть обычную тяготу и непримечательность жизни. Вотъ почему крестьяне за вино охотно соглашаются на многое, на что не согласишь ихъ ни словами, ни деньгами: слишкомъ сходно продаютъ свой хлѣбъ, свои дрова, свой трудъ, за польщѣны сдаютъ общественную землю, соглашаются давать ложныя показанія слѣдователю, облить виноватаго, и т. под. Ловкіе люди знаютъ это очень хорошо, и безъ зазрѣнія совѣсти всякій пользуется слабостью мужика къ вину въ своихъ интересахъ.

У нашего крестьянина есть хорошій, высоко-нравственный трудъ—трудъ земледѣльческій; но у него нѣтъ никакого сколько-нибудь добротечественнаго удовольствія, и никто никогда не позаботился дать ему такое удовольствіе. Многіе усердно сѣяли на эту почву плевелы, а пшеницы никто не хотѣлъ сѣять,—что-же удивительнаго, если и выросли только одни плевелы, а не пшеница?

Да, много правды было въ суровыхъ отзывахъ, какіе мнѣ пришлось выслушать о крестьянахъ того села, гдѣ я поселился; но въ

тѣхъ осужденіяхъ, которыя соединялись съ высказываніемъ этой правды, было немало несправедливости.

Замѣчательно, что когда строился въ селѣ домъ для училища, крестьяне рѣшительно не вѣрили, что это будетъ училище. Почему-то они пришли къ убѣжденію, что строится не училище, а трактиръ,—и почти всѣ радовались, немногіе роптали (больше—бабы).

«Николи у насъ училища не было,—и съ какой таки стати строить такую хоромину подъ училище?».

„И на кой лядъ намъ оно, это самое училище? Сколько годовъ жили такъ, а тутъ на-ко, держи карманъ, училище будутъ заводить,—какъ-же, жди!!!“

„Вѣрное слово—трактиръ строить,—бѣлую харчевню, значить. И разлюбезное это дѣло, братцы: выпить-ли захочешь, закусить-ли, чайку испить, али цыгарочки покурить,—все тебѣ съ нашимъ почтеніемъ!!!“

„И сдерутъ-же съ тебя за это самое почтеніе, только держись!“

„Ну, извѣстно,—не то, что въ кабаки, безъ этого никакъ невозможно. Ты смотри, чудаки, домъ-то какой, одно слово—хо-ро-мы! Какую прорву деньжищъ на него ухлопають, надо съ кого нибудь верстать, да еще и барыши наживать“.

Въ постройку трактира, гдѣ будутъ съ нихъ драть втрое, чтобы наверстать всѣ расходы и барыши получить, въ предпріятіе, выгодное для предпринимателя и рассчитанное на трудовыя ихъ денежки,—они вѣрили, а въ училище, гдѣ будутъ даромъ учить ребятъ, предпріятіе безкорыстное, не прикосновенное ни къ ихъ деньгамъ, ни къ ихъ спинамъ, рѣшительно отказывались вѣрить. Только нѣкоторые бабы тужили и ворчали, что въ этотъ трактиръ много мужицкаго добра уйдетъ: то былъ одинъ кабакъ, откуда приходилось силкомъ тащить разгулявшихся мужиковъ (тогда кабакъ свободно торговалъ „распивочно“ и „на выносъ“, теперь онъ „распивочно“ торгуется только по секрету), а тутъ будетъ еще трактиръ.

Но построилось, дѣйствительно, училище, а не трактиръ; многіе разочаровались, но были и такіе, что порадовались.

Назначенъ былъ день для открытія училища. На сельскомъ сходѣ было объявлено, чтобы желающіе приводили ребятъ.

„А денегъ съ насъ не потребуютъ?“ было первымъ вопросомъ мужиковъ.

Когда убѣдились, что денегъ не потребуютъ ни съ родителей ни съ общества,—повели ребятъ, но все-таки недовѣрчиво и осторожно, съ разными оговорками. Нельзя сказать, чтобы они не понимали

пользы грамотности и ученя, — нѣтъ, совсѣмъ даже напротивъ, многіе, можно сказать — большинство, признавали эту пользу, но не могли понять, ради чего, изъ какихъ-такихъ барышей люди хлопочутъ, тратятся? — Не можетъ быть, чтобы такъ, — дѣло не чисто. „Мы ему не вѣримъ“, прямо говорили мужики про попечителя, строившаго училище на свои деньги, т. е. не вѣрили его безкорыстію. Вскорѣ кто-то пустилъ по селу слухъ, будто попечителю казна платить за cadaго мальчика, поступившаго въ училище, сорокъ рублей, — ни больше, ни меньше, какъ сорокъ. Слухъ пришелся кетати: у крестьянъ, по крайней мѣрѣ, ослабѣло опасеніе, что съ нихъ потянутъ деньги на училище. У нѣкоторыхъ даже возникла остроумная мысль: нельзя-ли имъ самимъ что-нибудь сорвать за своихъ ребятъ съ учителя, съ батюшки, съ попечителя. Конечно, эта надежда не оправдалась.

Началось ученье и пошло своимъ порядкомъ.

Вскорѣ, рядомъ съ ученьемъ, началось и участіе дѣтей въ церковномъ богослуженіи; организовался хоръ, который придалъ богослуженію немало благолѣпія и приводилъ крестьянъ въ восторгъ и умиленіе. Но покушенія что нибудь сорвать съ училища и причастныхъ къ нему лицъ — продолжались долго, а иногда соединялись и съ угрозами не пускать ребятъ на ученье. Держался и слухъ о сорокарублевой субсидіи изъ казны.

Прошло больше пяти лѣтъ. Сотни дѣй ребятъ перебывало въ школѣ. Многіе изъ нихъ, — мальчиковъ гораздо больше, чѣмъ дѣвочекъ, — прошли полный курсъ, сдали экзаменъ и получили свидѣтельства; другіе не дошли до конца, но все-таки вышли изъ школы грамотными, съ умѣньемъ читать по гражданской и по церковной печати, а также писать и считать. Въ селѣ завелись свои грамотные и письменные люди.

Школа, бѣганье ребятшекъ съ сумками на учебу, чтеніе вслухъ въ хатахъ книжекъ, пѣніе въ церкви, — все это, мало-по-малу, вошло въ нравы, какъ дѣло обычное и привычное. Испарилась не только мысль о трактирѣ съ „нашимъ почтеніемъ“, но и покушенія что-нибудь сорвать съ училища.

Измѣнились-ли за это время хоть сколько-нибудь къ лучшему нравы мѣстнаго населенія?

Человѣку, не вовсе постороннему и все это время прожившему въ селѣ, постоянно имѣющему передъ глазами однихъ и тѣхъ же людей, — въ этомъ случаѣ опасно положиться на свой взглядъ. Такъ легко принять за дѣйствительность собственныя мечты и навязать дѣйствительности то, о чемъ мечтаешь, чего слишкомъ

сильно желаешь; съ другой стороны, бываетъ, что люди, сжившись съ извѣстной дѣйствительностью, приглядѣвшись и привыкнувши къ ней, начинаютъ мириться съ ея дурными сторонами, воображая, будто она имѣлась, стала лучше, обманывая себя и другихъ.

Гораздо надежнѣе сужденія постороннихъ лицъ, изрѣдка посѣщающихъ село, изрѣдка имѣющихъ дѣло съ мѣстными людьми. Отъ постороннихъ приходится слышать весьма утѣшительные отзывы.

„П—скихъ мужиковъ узнать нельзя съ той поры, какъ въ селѣ устроилось училище“, отзывался мѣстный становой приставъ Х. О. Х.: „иначе ведутъ себя, иначе говорить, иначе смотреть, не стало и половины прежней грубости, плутовства, безчинства“.

Сосѣдній урядникъ, Я. И. Г., заѣхавши въ село, хвалить обходительность и добродушіе крестьянъ, а особенно вѣжливость и, такъ сказать, благовоспитанность ребятъ, сравнительно съ тѣмъ, что видить онъ въ своемъ участкѣ.

Дачники, которые переселяются въ наше село на лѣто (преимущественно городскіе учителя), тоже стали очень благосклонно отзываться о нашихъ крестьянахъ: „и смирный-то народъ, и вѣжливый, и услужливый, и жить-то у насъ спокойно и безопасно (а живутъ они въ крестьянскихъ хатахъ, рядомъ съ хозяевами, потому что дачъ у насъ, въ общепринятомъ смыслѣ, нѣтъ), никогда ничего не пропадетъ, никто грубаго слова не скажетъ“. Приходилось слышать и отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, что и мужики и бабы, и ребятишки наши измѣнились къ лучшему.

Слыша такіе отзывы, начинаешь довѣрчивѣе относиться и къ собственнымъ впечатлѣніямъ, приводящимъ къ тому же заключенію что въ мѣстномъ населеніи произошла перемѣна къ лучшему. Въ отзывахъ станового пристава, урядника, дачниковъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, людей постороннихъ и положительныхъ скорѣе слишкомъ строгихъ, нежели снисходительныхъ къ крестьянамъ не можетъ быть ни самообмана, ни успокоивающей приглядки каковыя предполагаешь въ самомъ себѣ. Да, мѣстные люди, дѣйствительно, стали честнѣе въ расчетахъ, въ уплатѣ долговъ, въ отбываніи работъ, мягче, вѣжливѣе въ обращеніи, довѣрчивѣе при заключеніи всякихъ условій, благожелательнѣе и склоннѣе обращаться не только за матеріальной помощью (хлѣбомъ или деньгами), но и за совѣтомъ.

Конечно, пить вино они не перестали и, вѣроятно, село въ послѣдніе годы, приблизительно, выпиваетъ столько же вина, сколько выпивало пять лѣтъ тому назадъ. Но—право же—и пить то наши мужики стали какъ-то совѣстливѣе, стыдливѣе, сдержаннѣе. Встрѣ-

тятся выпившій мужикъ: „извините“, говорить,— „я сегодня выпивши, не осудите!“

Чѣмъ же именно, какими благотворными вліяніями, можно объяснить происшедшую въ мѣстномъ населеніи переменѣ къ лучшему? Становой приставѣ прямо приписываетъ ее школѣ; къ тому же склонны и другія лица, замѣтившія эту переменѣ. Думается, что такое объясненіе нѣсколько односторонне и рискованно. Вѣдь школа дѣйствуетъ непосредственно только на ребятъ, которые въ ней учатся и даже составляютъ менѣе половины общаго числа дѣтей школьнаго возраста. Ея вліяніе на мѣстное населеніе можетъ явно обнаружиться только въ подростающемъ поколѣніи. Не преувеличивая вліянія школы, можно допустить только, что ей принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ замѣченной многими переменѣ, рядомъ съ другими жизненными вліяніями, раскрытіе которыхъ не входитъ въ рамку этого очерка, да и вообще въ планъ предлагаемыхъ записокъ. Притомъ школа тутъ имѣла значеніе не какъ школа, обучающая крестьянскихъ ребятъ, а какъ общественное учрежденіе, состоящее въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ, въ живомъ общеніи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Надо пояснить, что это за соприкосновенія и въ чемъ состоитъ это общеніе.

Наша школа, съ самаго открытія ея въ 1884 г. и до послѣдняго времени, старалась притягивать, приближать къ себѣ и къ своему дѣлу мѣстныхъ людей, относясь къ нимъ не свысока и грубо, а съ лаской и съ уваженіемъ, какъ се подобаетъ всякой полноправной живой человѣческой личности.

На открытіе школы, происходившее въ день Казанской Божіей Матери, 22-го октября, были приглашены, наравнѣ съ разными почетными лицами, и наши сельскіе „старяки“. Они принарядились, пригладились и пришли въ зданіе школы, видимо довольные оказаннымъ имъ почетомъ. Отъ всѣхъ участниковъ школы они встрѣтили уважительное, ласковое и доброжелательное къ себѣ отношеніе, которое легко побѣдило ихъ неловкость и опасливость, очевидно происходившія отъ непривычки къ данному положенію. Ихъ познакомили съ внѣшнимъ благоустройствомъ школы. Они много ахали и дивились, потому что школа, съ ея устройствомъ и обстановкой, для нихъ была невиданной новинкой.

«Ахъ, какъ все прекрасно!»

«Посидѣлъ-бы тутъ,—хорошо!» «Возьмите ужъ сюда не то, что моего Вацюху, а и меня самого, право,—учиться буду!» «Что и

говорить, распрекрасно! Слышь, Иванъ Нефедичъ, давай, что-ли и мы съ тобой учиться, въ книжку будемъ читать!» Словомъ, школа, своей внѣшностью, своимъ привѣтомъ, своей доступностью, съ перваго раза понравилась крестьянамъ. «Старики», а особенно бабы, стали охотно похаживать въ школу: то «поглазѣть» и «послушать», какъ ребята учатся, а то по приглашенію, чтобы «въ родѣ какъ и самимъ поучиться».

Приглашеніе со стороны школы началось открытіемъ вечеровъ съ волшебнымъ фонаремъ.

Школа имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой волшебный фонарь Карниентера, дающій картины до 5 аршинъ въ квадратѣ, и значительную коллекцію хорошихъ картинъ (до 250) разнообразнаго содержанія, интересныхъ и поучительныхъ не только для дѣтей, учащихся въ школѣ, но и для взрослыхъ крестьянъ. Тутъ есть картины изъ Священной Исторіи ветхаго и новаго завета; есть картины русскихъ городовъ, святинь, разнообразныхъ мѣстностей; есть картины бытовые, представляющія наглядно и живо все разнообразіе Русской земли, ея природы и населенія; есть картины къ Русской исторіи, начиная бытомъ древнихъ славянъ и оканчивая послѣдней турецкой войной; есть картины къ народнымъ былинамъ и къ художественнымъ произведеніямъ русскихъ поэтовъ (Жуковского, Крылова, Пушкина, Кольцова, гр. Л. Толстого, Некрасова и др.); есть картины иностранныхъ городовъ, замѣчательныхъ мѣстностей и явленій природы (огнедышащихъ горъ, водопадовъ и т. п.); есть хромотропы и другія картины съ движеніемъ (движущійся поѣздъ желѣзной дороги, мельница и т. п.); есть, наконецъ, картины забавныя, которыя не содержатъ въ себѣ ничего поучительнаго, но вызываютъ невинный и добродушный смѣхъ, а потому нравятся и дѣтямъ, и взрослымъ.

Картины показываются въ большой классной комнатѣ (18 × 8 аршинъ), а экраномъ служитъ выбѣленная стѣна.

Само собой разумѣется, что картины соединяются съ объясненіями, чтеніями, разсказами и разговорами, соответствующими его содержанію, а часто и съ хоровымъ пѣніемъ. Ученики школы тутъ являются постоянными и дѣятельными участниками: они говорятъ о содержаніи картины, отвѣчаютъ на вопросы, излагаютъ событія Священной исторіи, провозносятъ стихотворенія, читаютъ, поютъ.

Когда въ первый разъ на вечеръ съ волшебнымъ фонаремъ было приглашено, черезъ учениковъ, взрослое населеніе села, желающихъ оказалось столько, что не было возможности помѣстить

всѣхъ; но трудно было и удерживать напирющую толпу, которая не поддавалась никакимъ просьбамъ, убѣжденіямъ и угрозамъ, а ломилась, лѣзла на проломъ, одержимая непобѣдимымъ любопытствомъ. Произошла просто свалка; побили стекла, поломали перила.

На будущее время придумали установить очередь и предварительную раздачу опредѣленнаго числа билетовъ («ерлыковъ», по выраженію крестьянъ). Пришлось пригласить, для порядка, сильскія власти, старосту и сотскихъ, чтобы въ школу допускались только имѣющіе билеты.

Все-таки надлежащій порядокъ установился не скоро: требовалось, въ нѣкоторомъ родѣ, перевоспитаніе грубой и мало-мыслящей толпы. Картины, чтенія, рассказы, разговоры — произвели большое впечатлѣніе, которое быстро разнеслось по селу. Пошли толки, и число желающихъ посмотрѣть и послушать не уменьшалось. Долго еще тѣ, кому не пришлось получить билета, приходили не въ очередь — и упрашивали, и кланялись, и ругались, и насильно врывались въ домъ. Были случаи и невиннаго плутовства: баба съ билетомъ пройдетъ въ дверь, а билетъ швырнетъ назадъ или выброситъ въ форточку, чтобы имъ могъ воспользоваться ктонибудь другой. Были замѣчены и поддѣльные билеты.

Надо сказать, что въ такихъ хитростяхъ попадались исключительно женщины, а мужики старались пройти или упрямомъ, или черезъ протекцію своихъ властей. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, на вечерѣ всегда оказывалось присутствующихъ больше рассчитаннаго числа.

Только мало-по-малу мѣстное населеніе стало проникаться пониманіемъ, что невозможно впускать въ домъ больше опредѣленнаго числа людей, что порядокъ необходимъ, что нельзя безчинствовать и силкомъ ломиться въ чужой домъ. Совершилась все-таки нѣкоторая побѣда надъ грубостью и стаднымъ чувствомъ невоспитанной, невоспитанной толпы.

Теперь вечера съ волшебнымъ фонаремъ проходятъ тихо и спокойно, хотя интересъ къ нимъ въ мѣстномъ населеніи нисколько не утратился и не ослабѣлъ.

Учащіеся и приглашенные взрослые собираются въ первой комнатѣ школьнаго помѣщенія (нѣчто въ родѣ рекреационной) и спокойно ждутъ, когда ихъ пригласятъ въ классную комнату, гдѣ находится волшебный фонарь. Сперва выпускаются учащіеся и занимаютъ переднія мѣста. Взрослое населеніе села уже свыкло съ той мыслью, что дѣти — первые люди въ школѣ и что имъ принад-

лежать лучшія мѣста. Послѣ этого входятъ, черезъ другую дверь, взрослые и помѣщаются позади учащихся.

Всѣ смотрятъ и слушаютъ спокойно, не нарушая порядка и тишины. Иногда слышится краткія замѣчанія и восклицанія или невольный добродушный смѣхъ, когда увидятъ или услышатъ что-нибудь забавное. Всегда много восклицаній и смѣху вызываетъ сказка Пушкина про рыбака и золотую рыбку и нѣсенное стихотвореніе Кольцова «Что ты спишь, мужичекъ»...

Вечера съ волшебнымъ фонаремъ, которые зимою бываютъ два и три раза въ недѣлю, стали симпатичнымъ и любимымъ развлеченіемъ мѣстныхъ крестьянъ, и они очень дорожатъ этимъ развлеченіемъ. Они не довольствуются одинъ разъ видѣть картины и прослушать соединенныя съ ними чтенія и объясненія, но рвутся посмотреть и послушать то же самое и во второй, и въ третій разъ. Узнавая уже знакомую картинку, встрѣчаютъ ее радостнымъ восклицаніемъ, какъ стараго и дорогаго пріятеля, и рассматриваютъ ее, и выслушиваютъ объясненія къ ней, съ новымъ удовольствіемъ.

А школа, съ своей стороны, тоже дорожитъ этими вечерами съ волшебнымъ фонаремъ—не только потому, что они приносятъ большую пользу и удовольствіе учащимся, усиливая успѣхи обученія, но и по инымъ причинамъ. Во-первыхъ, это, въ нѣкоторомъ родѣ, аудиторія для взрослыхъ неграмотныхъ крестьянъ: здѣсь они наглядно знакомятся съ событіями священной исторіи, съ отечествомъ и его прошедшимъ; отсюда они выносятъ благотворныя впечатлѣнія, которымъ простой неграмотный человѣкъ легче подчиняется, нежели самымъ умнымъ и глубокимъ отвлеченнымъ поученіямъ. Во-вторыхъ, эти вечера вносятъ въ однообразную трудовую жизнь крестьянина новое удовольствіе, несравненно болѣе доброкачественное, нежели его обычныя удовольствія, а это очень важно. Какъ анти-гигіеническая работа портитъ физическое здоровье, т. е. тѣло человѣка,—такъ низменные удовольствія портятъ его душу. Это одинаково справедливо по отношенію не только къ крестьянской, но и ко всякой средѣ. Вспомнимъ вліяніе такихъ работъ, какъ сидячая работа въ душныхъ городскихъ канцеляріяхъ или на многихъ фабрикахъ (напр. табачныхъ). Вспомнимъ вліяніе такихъ низменныхъ удовольствій, какъ театральныя представленія съ оперетками, двусмысленными куплетами и соблазнительными плясками, какъ пьяныя оргіи и почвая картежная игра.

Въ-третьихъ, эти вечера много сближаютъ школу съ мѣстнымъ населеніемъ, а эта близость обоюдно выгодна. Школа только тогда

пустить глубокіе корни въ деревья, когда она будетъ близка и мила мѣстному населенію, не отгородится отъ него непроницаемой стѣной, а привлечетъ его къ себѣ,—и во всякомъ случаѣ отъ такого сближенія она можетъ только выиграть, но ужь никакъ не проиграть; а для взрослыхъ крестьянъ полезно даже простое частое присутствіе въ школахъ, помимо всего поучительнаго, что они здѣсь увидятъ и услышатъ, какъ полезно для всякаго часто бывать въ хорошей компаніи.

Спустя нѣсколько времени, оказалось возможнымъ установить, рядомъ съ картинами, и простыя чтенія для взрослыхъ—сперва для бывшихъ учениковъ школы, а потомъ и для всѣхъ желающихъ. Объ этихъ чтеніяхъ уже было говорено въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ. А эти чтенія послужили примѣромъ для чтеній, которыя стали устраиваться и въ крестьянскихъ хатахъ. Бывшій ученикъ школы беретъ изъ училищной библіотеки «занятную» книжку и по вечерамъ читаетъ ее вслухъ въ своей семьѣ; иногда на такое чтеніе приходятъ и сосѣди коротать длинный зимній вечеръ.

Кромѣ того, родители и родственники учащихся, да и вообще желающіе изъ крестьянъ, постоянно приглашаются въ школу на экзаменъ и на годовой праздникъ 22 октября, день открытія школы.

Но экзаменъ не всегда бываетъ въ нашемъ селѣ: иногда наши ученики, по распоряженію училищнаго совѣта, должны отправляться на экзаменъ въ одно изъ сосѣднихъ училищъ, вереть за 7, за 10; да и происходитъ экзаменъ весной, въ первой половинѣ мая, т. е. въ самую горячую рабочую пору; а потому на экзаменъ являются весьма немногіе изъ крестьянъ.

Октябрь—время болѣе свободное въ земледѣльческомъ быту, и годовой праздникъ школы бываетъ гораздо многолюднѣе экзамена. Нельзя не признать счастливую самую мысль—праздновать день открытія школы, и хорошо, если бы она получила примѣненіе по всѣхъ русскихъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ школы. Такіе праздники, 19 февраля, какъ день открытія школы, затрогивая лучшія струны человѣческой души, чрезвычайно полезны въ нравственномъ отношеніи.

День 22 октября наша школа празднуетъ молебствіемъ и актомъ. Актъ состоитъ изъ умѣстныхъ чтеній и рѣчей, пѣнія, раздачи свидѣтельствъ объ окончаніи курса награды.

Порядокъ акта установился такой.

Прежде всего хоръ поетъ: «Днесь Святаго Духа насъ соборъ»,

потомъ попечитель предлагаетъ «почетнымъ гостямъ» выслушать отчетъ училища.

За чтеніемъ отчета слѣдуетъ раздача свидѣтельствъ и наградъ ученикамъ, окончившимъ въ этомъ году. Они получаютъ награды —отъ училищнаго совѣта, отъ школы, отъ попечителя, отъ учителя: книги, тетради, почтовую бумагу, конверты, ручки съ перьями, карандаши. Вызванный ученикъ подходитъ къ столу для полученія свидѣтельства и награды, и хоръ поетъ ему славу:

«Слава на нивѣ колосу спѣлому,

«На селѣ грамотѣю Таравину.

Слава! Слава!»

Особые подарки раздаются, какъ настоящимъ, такъ и бывшимъ ученикамъ и ученицамъ школы, за посѣщеніе спѣвокъ и усердное участіе въ церковномъ богослуженіи: полотенцы съ шитьемъ, кушаки, шапки, носовые платки (къ употребленію которыхъ желательно приучать сельское населеніе), книжки, картины, и т. под.

Послѣ этого попечитель школы обыкновенно обращается съ рѣчью къ присутствующимъ крестьянамъ: о пользѣ грамотности и книжнаго ученія, о томъ, для чего родителямъ надо посылать дѣтей въ школу, а дѣтямъ учиться, о постепенномъ распространеніи грамотности въ русскомъ народѣ, о желательномъ отношеніи крестьянъ къ школѣ, и т. под.

Затѣмъ нѣкоторые изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ этомъ году, читаютъ лучшія изъ своихъ сочиненій, а это чтеніе чередуется съ хоровымъ пѣніемъ, подобраннымъ въ соответствіе съ содержаніемъ чтеній. Напримѣръ, ученица Сезина читала сво сочиненіе «Нашъ праздникъ», а хоръ пѣлъ стихотвореніе Аксакова «Колоколь къ вечерѣ христіанъ зоветъ», ученикъ Давыдовъ читалъ сочиненіе «Земледѣльческій трудъ», а хоръ пѣлъ «Пѣсню пахари» Кольцова, ученикъ Бухоновъ читалъ сочиненіе «Жизнь за царя» (о подвигѣ Сусанина), а хоръ пѣлъ «Славься», ученикъ Протопоповъ читалъ сочиненіе «Рѣка Донъ въ русской исторіи», хоръ пѣлъ стихотвореніе Пушкина «Здравствуй Донъ!», ученикъ Фурсовъ читалъ сочиненіе «Чему научились мы въ училищѣ?», а хоръ пѣлъ «Грамота, мудреная моя»..., и т. п. Это приводится заглавія сочиненій, читанныхъ, конечно, не на одномъ актѣ.

Актъ оканчивается пѣніемъ гимна «Боже, царя храни!»

Крестьяне съ видимымъ удовольствіемъ и какъ будто съ нѣкоторою благородною гордостью присутствуютъ на актѣ, внимательно выслушивая все, что читаютъ и говорятъ, время отъ времени от-

зывается на рѣчи, обращенныя къ нимъ, въ скромной формѣ: «Истинная правда!»... «Благодаримъ покорно!»... «Слава Богу!»... «Дай то Господи!»... и т. п. Они, видимо, здѣсь чувствуютъ себя желанными и почетными гостями и проникаютъ сознаниемъ своего человѣческаго достоинства. О родителяхъ дѣтей, получающихъ свѣдѣтельства и награды, а особенно читающихъ на актѣ свои сочиненія, и говорить нечего: они такъ и сияютъ отъ счастья или плачутъ счастливыми слезами; особенно слезно умиляются матери.

Еще крестьяне любятъ приходить въ школу на уроки пѣнія и на сѣвки, которыя зимой тоже бывають больше вечерами. Сначала присутствіе ихъ тутъ казалось неудобнымъ и стѣснительнымъ, но потомъ школа пришла къ такому убѣжденію, что устранять этихъ слушателей нѣтъ основанія: они дѣлу не мѣшаютъ, они приходятъ только съ истиннымъ желаніемъ послушать, другіе, кромѣ того, провожаютъ своихъ ребятъ, которымъ приходится идти довольно далеко. А послушать пѣніе крестьяне любятъ, и участіе школьнаго хора въ церковномъ богослуженіи приводитъ ихъ въ умиленіе.

Въ концѣ концовъ, надо признать, что сельская школа, обучая ребятъ, можетъ имѣть благотворное вліяніе и вообще на мѣстныхъ нравы, т. е. не только на дѣтей, но и на всю совокупность мѣстнаго населенія. Для этого отъ школы требуется очень немного. Во-первыхъ, отреченіе отъ гордой замкнутости, искренняя и честная, такъ сказать, публичность ея дѣятельности, соединенная съ полною готовностью отдавать откровенный отчетъ объ этой дѣятельности родителямъ, чьихъ дѣтей она обучаетъ, обществу, которому она хочетъ служить, независимо отъ того, на чьи средства она сама существуетъ. Школа—не фабрика, которая обязана отчетомъ только предпринимателю-хозяину; учитель—не управляющій фабрикой, который никого знать не хочетъ, кромѣ хозяина. Къ обученію дѣтей нельзя относиться такъ, какъ къ обработкѣ хлопка или трепья.

Школа и учитель, прежде всего, отвѣтственны передъ Богомъ, передъ обществомъ и родителями своихъ учениковъ, и этой отвѣтственности ни школа, ни учитель—не должны и не могутъ уклоняться, изъ чьего-бы кармана ни отпускаясь деньги на ихъ содержаніе.

Во-вторыхъ, для этого школа должна находиться въ живомъ общеніи съ мѣстнымъ населеніемъ, всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ привлекать и приближать его къ себѣ.

Въ-третьихъ, она должна относиться къ родителямъ и родственникамъ своихъ учениковъ, да вообще къ мѣстнымъ людямъ не свы-

сока и надменно, а съ лаской, доброжелательствомъ и уваженіемъ. Не ихъ вина, если они неграмотны, невѣжественны и грубы, но имъ подобаетъ честь, при своемъ невѣжествѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, эти темные люди сохранили какую-нибудь воспримчивость къ истинному, доброму и прекрасному.

Въ четвертыхъ, относясь съ уваженіемъ и доброжелательствомъ къ мѣстнымъ людямъ, школа должна помнить, что не люди эти, съ ихъ дѣтьми, существуютъ на свѣтѣ для школы, а школа существуетъ для нихъ. Тогда она будетъ добросовѣстно всматриваться въ окружающую жизнь, съ ея условіями и потребностями,—и разъ на всегда откажется отъ неразумной претензіи насиловать эту жизнь, —напротивъ, сама будетъ приспособляться къ условіямъ и потребностямъ жизни, чтобы честно служить ей на благо.

XI,

Опытъ народнаго театра.

Въ старшемъ отдѣленіи школы ученики читали въ книгѣ для чтенія, одобренной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, сцену изъ драматической хроники покойнаго Островскаго «Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ». При этомъ учитель разсказалъ ученикамъ, какъ подобныя сочиненія, изображающія событія не въ формѣ разсказа, а въ формѣ дѣйствія, представляются въ театрѣ, что такое театръ, какъ онъ устроивается, въ чемъ заключается искусство исполнителей и какое впечатлѣніе производитъ театръ на зрителя. Ученики были видимо заинтересованы.

— Вотъ бы посмотрѣть!—сказалъ Федоръ Давыдовъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, малый лѣтъ 15-ти, способный, любознательный и прилежный, большой охотникъ до чтенія.

Къ слову сказать, теперь этотъ Федоръ Давыдовъ уже взрослый мужикъ, даже женатый, но по прежнему любознательный, падкій къ ученію и книгѣ. Изъ него вышелъ хорошій работникъ и честный человѣкъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно посѣщаетъ всякія чтенія, всякія вечернія и воскресныя занятія, бывающія въ школѣ, постоянно беретъ книги изъ школьной библіотеки, знакомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Онъ составляетъ гордость и родной семьи и школы.

— А что, кабы да намъ самимъ представить этого Кузьму Захаревича? отозвался пріятель Давыдова, Федоръ Таранинъ, не

столько способный, сколько старательный и солидный, теперь тоже женатый мужикъ.

— Какъ же мы будемъ представлять? — у насъ нѣтъ ни театра, ни декорацій!..

— А такъ, ты говори за Минина, я буду Аксеновъ, Варя — Мароа Борисовна, еще кто-нибудь будетъ говорить за Колзакова...

— Ну, ужъ, это что за театр! продолжалъ Давыдовъ: развѣ я похожъ на Минина? Да и безъ декорацій нельзя... Надо говорить на площади у Нижегородскаго Кремля, а у насъ тутъ столы да доски... Ничего не похоже будетъ, никто не повѣритъ...

— А ты думаешь, въ настоящемъ театрѣ всѣ такъ и вѣрятъ? Тоже, поди, понимаютъ, что не Мининъ тутъ, не Мароа Борисовна, а все актеры...

— Понимать-то понимаютъ, а все-же съ декораціями-то выходить похоже на правдышное... Ну, и одѣнутся какъ слѣдуетъ, бороды, тамъ, привяжутъ, и все такое...

— Нѣтъ, что же, Таранинъ хорошо придумалъ, выѣхался учитель: мы можемъ разобрать роли, выучить ихъ наизусть, и пускай всякъ говорить свою роль, кому какая достанется, будто въ театрѣ. Все-таки будетъ похоже на театръ, особенно если будете хорошо говорить свои роли.

— Ну, что-жъ, давайте! съ оживленіемъ отозвался тотъ же Давыдовъ: я буду Мининъ!..

Роли разобрали, сперва попробовали читать по книгѣ, потомъ выучили, — и получилось нѣчто въ родѣ театрального представленія. Роли говорили толково, съ пониманіемъ и одушевленіемъ.

Одинъ разъ, въ рождественскіе праздники, въ школѣ была устроена ѣлка, а съ ѣлкой были соединены картины волшебнаго фонаря и чтенія. Между прочимъ, три ученика изображали въ лицахъ басню Крылова «Два мужика»: одинъ рассказывалъ, какъ онъ, въ пьяномъ видѣ, сжегъ свой домъ и дворъ; другой рассказывалъ, какъ онъ, тоже пьяный, упалъ съ лѣстницы и остался безъ ногъ; а третій объяснилъ имъ, что оба сами виноваты въ своемъ несчастіи. Вышло нѣчто въ родѣ театрального представленія, и это маленькое представленіе имѣло полный успѣхъ. Оно произвело впечатлѣніе, очень понравилось мужикамъ и бабамъ, которые были приглашены на этотъ школьный праздникъ, возбудило между ними разговоры и обсужденіе тѣхъ фактовъ и вопросовъ, какіе содержатся въ прекрасной баснѣ дѣдушки-Крылова, съ ея чисто

народнымъ русскимъ разговорнымъ языкомъ, ея бойкой и мѣткой характеристикой народныхъ нравовъ.

Но оно вызвало толки и обсужденія не только между крестьянами, а также и въ кружкѣ интеллигентныхъ лицъ, бывшихъ зрителями этого маленькаго представленія.

Сидя около самовара, они разговорились о томъ, нельзя ли отъ такихъ маленькихъ представлений, чисто школьнаго характера, перейти къ болѣе серьезнымъ народнымъ представленіямъ — и, въ концѣ концовъ, устроить вполнѣ народный театръ, съ исполнителями и зрителями изъ народа, съ репертуаромъ изъ народной жизни преимущественно и, во всякомъ случаѣ, доступнымъ пониманію даже неграмотной крестьянской среды.

Одни находили это и невозможнымъ и ненужнымъ. «Во-первыхъ, говорили, вѣтъ подходящихъ пьесъ... Что есть лучшаго въ русской драматической литературѣ, то будетъ мало понятно, или даже вовсе непонятно зрителямъ. Во-вторыхъ, не подобрать и мало-мальски сносныхъ исполнителей, не устроить не только талантливаго, но даже сколько-нибудь основнаго исполненія. Если въ городахъ нашихъ всѣ театры, и любительскіе, и профессиональные, страдаютъ недостаткомъ въ сносныхъ исполнителяхъ, — то гдѣ же взять ихъ для деревенской сцены? Въ-третьихъ, не найдется и зрителей. Театръ будетъ всегда представлять пустыню»...

— И это самое главное. Если бы даже, сверхъ всякаго ожиданія, нашлись удовлетворительные исполнители и пьесы, доступныя пониманію сельскаго люда, все-таки не для кого будетъ въ деревнѣ играть, развѣ для поповыхъ дочекъ, да для волостного писари и его супруги, — такъ при чемъ же тутъ титулъ «народнаго» театра? Все дѣло въ томъ, что театръ — удовольствіе чисто городское, да и къ городскому-то русскому населенію привитое искусственно, а не выросло само собой изъ глубины народной жизни, — не русское, а заносное удовольствіе. Оно не соответствуетъ ни характеру, ни вкусамъ русскаго народа...

— И для чего мы будемъ усиленно прививать это чуждое нашему народу удовольствіе къ жителямъ русской деревни? Уже такъ русская деревня замѣтно заражается нездоровыми городскими привычками и наклонностями: мало-по-малу теряется и народный характеръ костюма, замираетъ и народная русская пѣсня, ропадаетъ и патріархальная чистота деревенскихъ нравовъ... Табакъ или трактиръ, уродливые городскіе наряды, папяреска, ошлялая фабричная гармонія и пѣсня, своеволие и распущенность

молодежи—вотъ что стало бойко врываться въ русскую деревенскую жизнь, еще недавно столь чистую, простую, полную поэзіи, наивности, патриархальной простоты. А тутъ еще — театры, пожалуй — оперетка, комическіе куплеты! Да Боже избави! Какъ хотите, правъ тотъ бывший профессоръ, а нынѣ истинно-народный русскій учитель, который говорить, что русскому крестьянству ни на что не нуженъ театръ, что всѣ толки о народномъ театрѣ у насъ — блажь и пустыл бредни...

— Просто хочется празднымъ людямъ потѣшить самихъ себя, — вотъ они отъ бездѣлья, ради собственной потѣхи, и выдумываютъ какіе-то, яко бы народные, спектакли, которые народу вовсе не интересны и не нужны, за которые мужикъ снопа гнилой соломы не дастъ, — да свою потѣху прикрываютъ фразами о народномъ благѣ...

— Русскій народъ съ презрѣніемъ смотритъ на вѣмецкую «камедь», какъ на глупое ломанье, и русскій человѣкъ, не тронутый ложной цивилизаціей, совершенно неспособенъ къ этому ломанью: ему просто стыдно ломаться для потѣхи публики.

Другіе оспаривали такіа сужденія.

— Ваши толки, какъ и увѣренія бывшаго профессора, если вы ихъ вѣрно передаете, свидѣлствуютъ только о поверхностномъ знакомствѣ съ народомъ или о намѣренномъ игнорированіи извѣстныхъ явленій народной жизни. Если бы этого не было, то какъ можно упустить изъ виду, что многія народные игрища и вѣсковые народные обряды у насъ представляютъ собой несомнѣнные зачатки самороднаго народнаго театра, что у насъ прямо изъ народа выходили высокоталантливые актеры, каковъ, напримѣръ, былъ Щепкинъ? Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, будто театральныя представленія противны русскому народному характеру и народнымъ вкусамъ...

— Припомните, съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли и слушали мужики и бабы сегодня это маленькое школьное представленіе, какъ хорошо поняли его, какъ оно расшевелило ихъ мысль, какіе вызвало разговоры и обсужденія. Я думаю, что никакія рѣчи противъ пьесства не произведутъ на нихъ такого глубокаго и благотворнаго впечатлѣнія, какъ эта басенка Крылова въ лицахъ. Очень вѣроятно, что оперетки, въ родѣ „Елены прекрасной“, будутъ и вредны, и непонятны, и не по вкусу нашему солидному крестьянину, но представленія болѣе разумныя и близкія ему, по содержанію и формѣ, затрагивающіе живые вопросы народнаго быта, навѣрняка — понравятся и полюбятся крестьянину.

— И во всякомъ случаѣ ни мы, ни бывший профессор—не можемъ рѣшить, пойдутъ или нѣтъ наши крестьяне на представленія, которыя будутъ доступны и понятны для нихъ. Судя по маленькому представленію, происходившему сегодня, скорѣе—пойдутъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, зрители будутъ. Да найдутся и толковые, а, можетъ быть, и талантливые исполнители... Припомните, какъ толково была представлена сегодня басня Крылова, съ пониманіемъ и большой правдивостью. А учитель рассказывалъ, что не менѣе толково и съ одушевленіемъ ученики школы разыгрывали въ классѣ, безъ всякихъ декорацій и костюмовъ, сцену Островскаго „Козьма Зах. Мининъ“. Повѣрьте, господа, въ русскомъ крестьянствѣ такое обиліе всякихъ талантовъ, что навѣрно найдутся способные актеры.

— А на разговоры объ устройствѣ народнаго театра, т. е. спектаклей доступныхъ и понятныхъ нашему крестьянству, — нельзя смотрѣть такъ односторонне и недовѣрчиво, что это-молъ пустыя выдумки и затѣи праздныхъ людей ради собственной потѣхи. Люди, которые стоятъ близко къ крестьянскому быту, которые не на словахъ только, а на дѣлѣ показали радѣніе о благѣ народа, справедливо говорить, что нашему крестьянству, *въ его суровой трудовой жизни, необходимо какое-нибудь захватывающее его удовольствіе.* Трудъ-то у него есть прекрасный, здоровой для тѣла и души, а удовольствія-то такого нѣтъ. Вотъ онъ и тащится въ кабакъ, пропиваетъ сперва лишнюю копѣйку, потомъ трудовыя сбереженія, запасенныя на черный день, а наконецъ ужъ и то, что необходимо для него самого и для семьи... За это его въ „холодную“ запирають, и порють, и ругають, но ни „холодная“, ни розги, ни ругань, ни наставленія, ни проповѣди не помогаютъ. Почему? Потому что человѣческая потребность доставлять себѣ удовольствіе, въ видѣ отдыха и развлечения послѣ тяжелаго мускульнаго труда, свойственная мужику, какъ и всякому живому человѣку, — не находитъ другого исхода, а исходъ ей необходимъ. Кабакъ, водка, выпивка до одурѣнія—единственный возможный исходъ для этой потребности въ русской деревнѣ, и не для одного только мужика. А это—исходъ, какъ извѣстно, очень опасный. Это засасывающее болото: оно постепенно, неудержимо тянетъ человѣка къ гибели, губить и его тѣло, и душу...

— Вы примите во вниманіе, что пьянствомъ у насъ въ деревнѣ заражается не только безграмотный крестьянинъ, вѣчно несущій тяжелый воловій трудъ, питающійся только чернымъ хлѣбомъ и

картошками, но и псаломщикъ, и волостной писарь, иногда и учитель, и землевладѣлецъ, даже и батюшка...

— Значить, внести въ сельскую жизнь новое удовольствіе, болѣе доброкачественное, нежели одуряющая выпивка, — дѣло важное. И къ этому дѣлу нельзя относиться такъ легкомысленно, какъ относитесь вы. Театральныя представленія могутъ быть именно такимъ удовольствіемъ, доступнымъ для всякаго деревенскаго жителя, даже вовсе неграмотнаго. Въ этомъ, въ ихъ доступности даже для неграмотной массы, ихъ преимущество передъ книгой. Впрочемъ, они могутъ не уступать книгѣ и въ поучительности, — все дѣло въ выборѣ пьесъ для представленія. Другой вопросъ—нужна-ли усиленная погоня за напѣренной поучительностью театральныя представленія. Во всякомъ случаѣ, гоненіе противъ народныхъ театральныя представленія и глумленіе надъ ними такъ-же нелѣпо, какъ глумленіе надъ улучшеніемъ народнаго быта. И насмѣшки надъ попытками устроить такія представленія такъ-же отзываются пошлостью и черствостью, какъ насмѣшки надъ раздачей хлѣба голоднымъ.

— Это очень снисходительно, когда такія насмѣшки объясняютъ легкомысліемъ. При нѣкоторой нетерпимости и односторонности, свойственной самимъ этимъ господамъ, для ихъ шуточекъ, можно-бы подыскать объясненіе гораздо болѣе жесткое. И думается, что оно будетъ куда справедливѣе, нежели то обвиненіе въ погонѣ за собственной потѣхой, съ которымъ выступаютъ эти господа противъ сторонниковъ народнаго театра. Извѣстно, что у насъ еще довольно людей, которые считаютъ выгодными для себя не только народную бѣдность, но и невѣжество, даже и пьянство и полный развратъ... Вотъ эти-то господа особенно усердно воюютъ противъ народной школы, противъ расширенія ея программы противъ народныхъ чтеній—и противъ народнаго театра, да вообще противъ всего, что можетъ внести въ народную жизнь хоть одинъ лучъ свѣта.

— И она-то именно прикрываютъ свое гадкое своекорыстіе лицемерными фразами о святости и неприкосновенности народнаго духа, вѣковыхъ основъ народной жизни, о народной правдѣ, о преклоненіи передъ нею... Лицеиѣры! они не способны ни передъ чѣмъ преклоняться, кромѣ своего кармана, и ради барыша готовы пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ...

Споръ сталъ принимать нѣсколько щекотливый характеръ, все болѣе и болѣе раздражая противниковъ, и въ концѣ концовъ не привелъ ни къ чему, какъ большая часть подобныхъ споровъ.

Большинство спорившихъ были люди прїѣзжіе которые на- другой-же день разѣѣхались въ разныя стороны. По исѣмъ вѣро- ятностямъ, для нихъ этотъ споръ не имѣлъ никакого значенія и прошелъ безъ всякихъ послѣдствій. Но онъ не прошелъ безслѣдно для присутствовавшихъ тутъ мѣстныхъ жителей. Послѣ спора осталась на мѣстѣ мысль объ устройствѣ народныхъ театральныхъ представлений. Эта мысль крѣпко засѣла въ головахъ мѣстныхъ людей, которые и рѣшились сдѣлать опытъ.

Большая классная комната, состоящая собственно изъ двухъ комнатъ, соединенныхъ аркою, съ двумя выходами въ переднюю и однимъ въ комнату учителя, представляла всѣ удобства для устройства небольшой сцены и порядочнаго помѣщенія для зри- телей. Исполнителей надо было набирать изъ бывшихъ учениковъ и ученицъ. Самымъ труднымъ дѣломъ представлялся выборъ пьесы. На первый разъ необходимо было, при этомъ выборѣ, имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1) чтобы содержаніе пьесы, кромѣ безукоризненности въ нрав- ственномъ отношеніи, въ смыслѣ благотворности впечатлѣнія, было взято изъ народнаго быта, знакомаго исполнителямъ и зрителямъ;

2) чтобы между дѣйствующими лицами преобладали подростки, такъ какъ большинство исполнителей еще не совершенно взрослые люди;

3) чтобы пьеса, при самыхъ умѣренныхъ художественныхъ тре- бованіяхъ, все-таки не лишена была нѣкотораго литературнаго достоинства,—по крайней мѣрѣ, изображала-бы сцены изъ народ- наго быта правдиво и жизненно;

4) чтобы пьеса не была ни слишкомъ серьезна и скучна, ни безсодержательна и пуста.

Остановились для начала на пьесѣ г. Васильева „Сиротка“, сцены изъ народнаго быта (изд. 2-е Спб. 1887 года, ц. 40 к.).

Въ пьесѣ два дѣйствія или двѣ сцены. Большая часть дѣй- ствующихъ лицъ—подростки, мальчики и дѣвочки. По содержанію, она не представляется ни безжизненной и пустой, ни дѣланой и фальшивой, ни приторно поучительной и скучной, но въ ней есть хорошая мысль, выраженная достаточно ясно и живо. Дѣй- ствіе развивается естественно, разговоры ведутся народной рѣчью, схваченной довольно вѣрно, безъ поддѣлки, безъ утрировки и безъ грубо — стенографическаго характера. Характеры дѣйствующихъ лицъ, правда, намѣчены довольно поверхностно и блѣдно, но все-же правдиво. Среди дѣйствія и разговоровъ искусно введены на-

родныя игры и пѣсни, что придастъ пьесѣ не мало оживленности и разнообразія. Въ цѣломъ отъ пьесы получается на сценѣ удовлетворительное впечатлѣніе.

Первая сцена представляетъ сельскую улицу въ праздничный день. Здѣсь обрисовывается трудное положеніе сироты въ чужой семьѣ. Вторая сцена представляетъ полянку въ лѣсу, ночью, при лунномъ свѣтѣ. Разговоры мальчиковъ, которые стерегутъ лошадей и расположились около костра, напоминаютъ «Бѣжнѣ лугъ» Тургенева: сцена очень живая, поэтическая и правдивая. Среди суетвѣрныхъ разсказовъ и толковъ искусно введены умныя рѣчи мальчика, который учился въ школѣ и очень просто разбираетъ страхи и фантазмагоріи своихъ товарищей. Здѣсь же является старшій лѣсникъ, который выручаетъ сиротку изъ труднаго положенія, и пьеса оканчивается веселой народной пѣсней, которую поютъ хоромъ мальчики и дѣвочки.

Собрались бывшіе ученики и ученицы школы и выслушали прочитанную имъ пьесу. Пьеса понравилась, и роли, которыя уже были заблаговременно переписаны, разобрали охотно. Затрудненіе въ выборѣ подходящихъ исполнителей для взрослыхъ ролей—пожилой крестьянки Домны и стараго лѣсного сторожа Михѣя Иванова—уладилось очень легко. Между бывшими учениками, окончившими курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашлись: дѣвушка лѣтъ 18—19, которая взяла на себя роль Домны, и малый лѣтъ 19, выглядывавшій старше своихъ лѣтъ, котораго еще въ школѣ называли въ шутку «дѣдушкомъ»,—онъ взялъ роль лѣсного сторожа. Правда, оба эти лица, ни на этотъ разъ, ни въ послѣдствіи, не обнаружили сценическихъ дарованій, но оба они оказались, во-первыхъ, старательными и толковыми исполнителями, не портящими никакой роли, во-вторыхъ, очень покладливыми, принимающими на себя всякую роль, какую имъ дадутъ, и всегда усердно работающими надъ ней. Благодаря этой покладливости и трудолюбію, они въ послѣдствіи обнаружили большой успѣхъ въ сценическомъ искусствѣ и дали возможность ставить пьесы, которыя безъ нихъ, при существующихъ наличныхъ силахъ, были бы совершенно невозможны. На остальныхъ роли (дѣвочки и особенно мальчиковъ) охотниковъ было такъ много, что можно было дѣлать выборъ; дѣвочки всѣ получили по роли, потому что ихъ было какъ разъ столько, сколько нужно, но изъ мальчиковъ были выбраны наиболѣе подходящіе, сколько можно было объ этомъ судить, зная ихъ характеры и способности. Выборъ, какъ показали результаты, былъ сдѣланъ удачно, и первая

же репетиція показала, что сцена мальчиковъ въ «ночномъ» будетъ, по исполненію, лучшее мѣсто во всей пьесѣ. Пока исполнители считывались, изучали, заучивали роли и три—четыре раза въ недѣлю репетировали безъ декорацій, безъ надлежащей обстановки, безъ костюмовъ и гримировки, шла подготовка сцены, декорацій и обстановки. Приготовили занавѣсъ изъ сѣраго (небѣленаго) холста съ красными кумачными полосами и оборками, на шпуркахъ и кольцахъ: вышло очень красиво и удобно. Декораціи писали масляными красками на длинныхъ полосахъ шведскаго картона, который продается по 1 р. 25 к. за кусокъ, длиною до 25 аршинъ, а шириною въ аршинъ. Для экономіи и удобства писали на обѣихъ сторонахъ картона: на одной сторонѣ—деревенскую улицу, на другой—лѣсъ, такъ что для перемѣны декораціи, во время антракта, стоило только перевернуть ихъ на другую сторону, и улица очень скоро обращалась въ лѣсъ. Писали масляными, а не клеевыми красками; тоже не безъ расчета: хотя масляныя краски обходятся дороже и даютъ рисунокъ менѣе яркій, но зато картонъ, пропитанный масломъ, теряетъ свою ломкость и приобретаетъ большую прочность, что не лишено значенія, особенно при томъ способѣ установки декорацій, къ которому пришлось прибѣгнуть. Декораціи привѣшивали на крючки, привинченные къ потолку, для этого на обояхъ концахъ каждой декораціи приклеили деревянные бруски: одинъ для привѣшиванія на крючки, другой для того, чтобы картонная полоса висѣла ровно.

Послѣ пяти—шести репетицій дѣло пошло на ладъ. Мало по малу твердо выучили роли, разучили и хоры, приготовили декораціи и всю необходимую обстановку: луну, костеръ, соловья и тому под.

Для перваго опыта былъ устроенъ бесплатный спектакль. Для соблюденія порядка, раздавались билеты (крестьяне называютъ ихъ «ерлыками»), но раздавались бесплатно. Желающихъ получить «ерлыкъ» оказалось такъ много, что удовлетворить всѣхъ не было никакой возможности. Пришлось назначить сперва второй повторительный спектакль, а потомъ и третій, и послѣ каждого спектакля число желающихъ попасть на представленіе не уменьшалось, а увеличивалось. На каждое представленіе можно было допустить не болѣе 70 человѣкъ, и три спектакля не могли удовлетворить все мѣстное населеніе. Во всякомъ случаѣ, первый опытъ народнаго театра можно было считать удавшимся: и исполненіе, для начала, было весьма сносное, и мѣстнымъ людямъ представленіе понравилось.

Относительно исполненія, какъ уже было говорено, лучшею, наиболѣе удачною оказалась сцена мальчиковъ въ «ночномъ». Тутъ дѣти были хороши, естественны, правдивы и характерны, всѣ исполняли свои роли съ наивною правдивостью, съ искреннимъ простодушнымъ увлеченіемъ, съ непринужденной натуральною бойкостью. Удалась и пѣсня соловья, которая на нѣсколько минутъ прерываетъ болтовню ребятишекъ, внося затѣмъ въ эту болтовню новое содержаніе. Извѣстная самодѣльная машинка, состоящая изъ гусиного пера, опущеннаго въ кружку съ водой, при нѣкоторой сморовкѣ, отлично подражаетъ соловьиному пѣнію. Сцена получилась очень живая, интересная и поэтическая. Всѣ слушали и смотрѣли съ напряженнымъ вниманіемъ, совершенно тихо... вдругъ кто то прервалъ эту тишину громкимъ короткимъ восклицаніемъ: «ловко!»

Вообще мальчики обнаружили больше живости, пониманія и правдивости въ исполненіи ролей, больше сценической способности, нежели дѣвочки, рѣчи которыхъ все какъ то смахивали на повтореніе заученнаго урока, а физіономіи и движенія отзывались вялостью и принужденностью. Только въ послѣдствіи и у нихъ,—конечно не у всѣхъ,—стала замѣчаться «игра», въ смыслъ пониманія и нѣкотораго увлеченія ролью.

Впрочемъ, спротка Дуня, дѣвочка живая и даровитая, только что окончившая курсъ школы со свидѣтельствомъ и похвальнымъ листомъ (говоримъ про исполнительницу), играла недурно, но крайней мѣрѣ толково и развязно,—ей недоставало только увлеченія ролью и много мѣшала смѣшливость, порою совсѣмъ неумѣстная. Много оживлялъ первое дѣйствіе мальчикъ со змѣемъ, исполнившій свою маленькую роль очень бойко, даже задорно. Зато игры и разговоры дѣвочекъ шли довольно вяло, принужденно; выручили только хоры. Взрослые роли, тетка Домна и лѣсной сторожъ Михѣй Ивановъ, исполнялись не особенно живо, но старательно и дѣльно. Въ заключеніе, когда все дѣйствіе окончилось благополучно, два мальчика, въ красивыхъ рубахахъ, лихо плясали подъ звуки извѣстной хоровой пѣсни «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни!».

Публика держалась скромно и сдержанно, но, видимо, была заинтересована и увлечена новымъ для нея удовольствіемъ. Изрѣдка слышались откровенный смѣхъ или раздавалось восклицаніе, въ родѣ: «ой, ловко!» или «лихо!» и т. п.

По селу, послѣ перваго же спектакля, пошли толки, что «охъ, хорошо въ театръ», «занятно и весело», «ребята приставляютъ ловко:

Федюха солдатомъ нарядился, и усы у него съдые, и говорить не своимъ голосомъ», «Наташа казанской сиротой прикинулась, и не подумаешь, что внучка Василя Иваныча», «а ужъ плясали Николка съ Васькой важно, то-есть всѣми суставами». Все-таки трудно было подмѣтить, какъ сельская публика поняла представленіе, насколько увлеклась имъ и что именно ей нравилось въ этомъ представленіи. Шли на спектакль охотно, на перебой,—не хватало мѣстъ и билетовъ, но, вѣдь, билеты раздавались бесплатно, а «даровому лѣнивый не радъ». Поэтому, не смотря навидимый успѣхъ первыхъ спектаклей, возможность деревенскаго театра, какъ желаннаго удовольствія высшаго порядка и противовѣса кабаку, была еще подъ сомнѣніемъ. Только очевидная готовность деревенскихъ людей хоть бы чѣмънибудь пожертвовать, да побывать въ театрѣ могла разсѣять это сомнѣніе.

Прошелъ годъ. Наступила новая зима. И что же? Совершенно неожиданно, какъ то сами собой, безъ всякаго особеннаго повода, появились вопросы и разговоры о театрѣ. Спрашиваютъ: будетъ ли нынѣ театръ? а хорошо бы опять посмотреть, особенно — если бы что набудь новенькое! Вспоминали прошлогоднія представленія, хвалили. А юные артисты настойчиво просили ролей. Все это явно показывало, что театромъ заинтересовались, что впечатлѣніе осталось довольно сильное и глубокое, что возобновленія и продолженія спектаклей желаютъ.

Съ этого времени устроились спектакли съ умѣренной платой за билетъ 20 и 10 коп. для публики исключительной, въ родѣ волостного начальства и т. под. деревенской знати, 5 коп., 3 коп., 2 к. и 1 коп. Оказалось, что деревенскіе люди не прочь пожертвовать за вечеръ нѣсколько коп., лишь бы побывать въ театрѣ. Конечно, крестьяне брали больше самые дешевые билеты, и копейная публика была самая интересная. Въ общемъ, сборы не превышали 5—6 рублей за спектакль. Деньги поступали въ общую кассу, а по окончаніи всѣхъ спектаклей производился дѣлежъ ихъ между исполнителями. Каждый получалъ долю, соотвѣтствующую его участию въ спектакляхъ; доля одного лица не превышала 3-хъ рублей, большинство довольствовалось меньшимъ.

Понятно, что нельзя-же было все повторять одну «Сиротку». И вотъ, въ репертуаръ нашего деревенскаго театра, кромѣ «Сиротки» и дивертисиментовъ, съ пѣніемъ и чтеніемъ стихотвореній, постепенно входили новыя пьесы; выборъ ихъ обуславливался какъ соображеніями первоначальными, такъ и наличными сценическими

силами, которыя теперь уже значительно выяснились, а также другими условіями возможности ихъ постановки. Строгая разборчивость была невозможна, и безъ ошибокъ обойтись было трудно. Вотъ эти пьесы.

«Жизнь за Царя», представленіе для народнаго театра въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ («Читальня народной школы» за 1889 годъ). Это представленіе, нѣчто въ родѣ драмы, передѣлано изъ либретто извѣстной оперы Глинки. Понятно, что въ немъ изображается знаменитый подвигъ Сусанина въ 1613 году. Въ дѣйствіе введены хоры, по большей части народныя пѣсни, а въ заключеніи сохраненъ хоръ «Славься» съ колокольнымъ звономъ. Постановка пьесы довольно сложная, съ перемѣною декораций, съ появленіемъ зари и т. под., но это значительно усиливаетъ эффектность представленія, и оно особенно понравилось публикѣ, такъ что его приходилось повторить нѣсколько разъ и постоянно при полномъ сборѣ. Большое впечатлѣніе производила геройская смерть Сусанина, а также послѣдняя картина, представляющая внутренность Кремля и сопровождаемая торжественнымъ хоромъ и колокольнымъ звономъ. Крестьяне очень одобряли Сусанина за его подвигъ, одобряли и того, кто исполнялъ эту роль, но, кажется, не столько за исполненіе,—впрочемъ, вообще говоря, очень старательное и дѣльное,—сколько за симпатичныя стороны роли.

Въ исполненіи здѣсь въ первый разъ обнаружилась несомнѣнная сценическая даровитость, нѣчто въ родѣ таланта, въ одномъ мальчуганѣ лѣтъ 15-ти, исполнявшемъ небольшую роль пана Копычинскаго, начальника польскаго отряда. Онъ не только понималъ роль и выполнялъ ее толково, но и внесъ въ нее кое-что свое: сохраняя надлежащую важность и кичливость, онъ придавалъ своей роли комическій оттѣнокъ, благо у него оказалось вдоволь природнаго комизма, состоящаго не въ кривляньи, а въ непринужденномъ умѣньи смѣшнить безъ всякихъ шутовскихъ выходовъ. Къ этому надо прибавить, что въ игрѣ этого юноши нельзя было замѣтить ни заученности, ни стѣсненія: онъ держался на сценѣ свободно, просто, словомъ—какъ дома. Съ перваго же представленія «Жизни за Царя», Иванъ Вухоновъ обратилъ на себя общее вниманіе и сталъ любимцемъ мѣстной публики. Перейдемъ къ другимъ пьесамъ.

«Не такъ живи, какъ хочется», бытовая драма покойнаго Островскаго, съ нѣкоторыми сокращеніями. На эту драму выпалъ наибольшій успѣхъ, послѣ «Жизни за Царя». Постановка

ея особенно удалась: роли пришлось всё́мъ болѣе или менѣе по плечу и по вкусу; разнообразныя хоры, внесенныя въ пьесу, преимущественно во второе дѣйствіе (масленица), исполнялись бойко и весело; даже въ многочисленныхъ сценахъ не было ни путаницы ни суеты, ни вялости. Въ исполненіи выдавались: кузнецъ Еремка—Иванъ Бухоневъ, комизмъ котораго здѣсь нашелъ себѣ обильную пищу, и содержательница постоялаго двора Спиридоновна; въ исполненіи послѣдней роли, кромѣ толковости, тоже видѣлась «игра».

За недостаткомъ исполнительницъ на взрослые роли, на роль Груши пришлось пригласить неграмотную, но бойкую дочь мѣстнаго кузнеца,—и та выполнила свое дѣло недурно, потому что роль хорошо подошла къ ней, а заучила она ее со словъ подруги, дочери псаломщика. Эту драму тоже пришлось повторить нѣсколько разъ, потому что не только всё хотѣли посмотрѣть ее, но многіе желали видѣть и во второй и въ третій разъ. Публика уже становилась разборчивой: многіе, покупая «ерлыки», уже требовали или «Жизнь за Царя», или «Кузнеца Еремку», и только въ крайности, за немѣнѣемъ свободныхъ мѣстъ, брали билетъ на «Сиротку». Драму Островскаго стали называть не авторскимъ названіемъ «Не такъ живи», а своимъ—«Еремка кузнецъ», и въ этомъ, кажется, выразилось, что именно больше всего понравилось въ представленіи. И по разговорамъ по поводу его, и по восклицаніямъ и веселому смѣху во время самаго представленія, видно было, что сила впечатлѣнія заключалась не въ поучительной сторонѣ, а въ занимательности событій, въ смѣшныхъ комическихъ сценахъ и пѣняхъ. Оно и понятно: не учиться или зрители въ театрѣ, а отдохнуть, позабавиться. Между прочимъ, Еремка, съ балалайкой въ рукахъ, поетъ комическую пѣсню «Жилъ Еремка да Ёома», а хоръ дѣвушекъ припѣваетъ: «ой лапти мои, лапоточки мои»,—эта пѣсня приводила публику въ полный восторгъ. Но нельзя сказать, чтобы и поучительная сторона драмы проходила незамѣченной: всё осуждали Петра и за безобразную семейную жизнь, и за разгулъ, и за непочтительность къ отцу; всё съ интересомъ слушали послѣдній его рассказъ, какъ звонъ колокола спасъ его отъ проруби, и радовались его раскаянію.

Вообще мы считаемъ эту превосходную драму Островскаго одною изъ самыхъ лучшихъ и вполне пригодныхъ пьесъ для народнаго театра. Она и для исполненія не представляетъ большихъ трудностей. Конечно, мы говоримъ не объ артистическомъ, а только

о сносномъ исполненіи, которое не искажаетъ пьесы и жизни, не совершенно лишено жизненной правды.

«Недоросль», сцены изъ комедіи Фонъ-Визина,—именно сцены ученья Митрофанушки. Мысль поставить эти сцены вызвана была тѣмъ натуральнымъ и живымъ комизмомъ, который обнаружился въ Иванѣ Бухоновѣ, о чемъ было говорено выше. Можно было ожидать, что изъ него выйдетъ хорошій Митрофанушка, и яесма было интересно испытать, хватитъ ли у этого юноши умѣнья и догадки примѣнять свою комическую способность къ условіямъ совершенно иной жизни, перелицеваться изъ кузнеца Еремки въ барчука Митрофанушку. Иванъ Бухоновъ оправдалъ ожиданія, на него возложенныя: онъ явился очень забавнымъ, но отнюдь не карикатурнымъ Митрофаномъ Простаковымъ. Цыфиркинъ и Кутейкинъ были тоже весьма удовлетворительны, Вральманъ—нѣсколько карикатуренъ. Но вообще сцены сошли весьма весело и живо, и публика много смѣялась добродушнымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что составъ нашей публики. послѣ первыхъ спектаклей, значительно измѣнился.

Вѣсти о нашихъ деревенскихъ спектакляхъ разошлись по окрестности. Стали приходить и прїѣзжать гости изъ сосѣднихъ селеній и даже изъ города: это была публика по большей части дорогая, очень полезная для увеличенія сбора. Одни прїѣзжали изъ любопытства, интересуясь актерами и актрисами изъ крестьянъ, никогда не видавшими ни театра, и почти ничего, кромѣ родного села. Другіе, сельскіе учителя, волостные писаря, фельдшера, ихъ жены и родственники,—просто для развлеченія отъ утомительнаго однообразія сельской жизни. Какъ бы то ни было, публика постепенно пріобрѣла болѣе разношерстный характеръ, сравнительно съ первыми спектаклями. Горожане внесли въ мѣстные театральные нравы открытое и шумное выраженіе своего удовольствіе въ видѣ аплодисментовъ и вызововъ.

«Козьма Захаръевичъ Мининъ-Сухорукъ», сцены изъ драматической хроники Островскаго, именно—сцены на площади, когда Мининъ своею рѣчью и своимъ религіозно-патріотическимъ воодушевленіемъ поднялъ нижегородцевъ на спасеніе Москвы и отечества. Представленіе понравилось сколько своей сущностью, столько и красивой внѣшней обстановкой. Вообще, сколько мы замѣтили, крестьянъ болѣе интересуютъ сцены не обыденнаго характера, а выходящія изъ уровня обыденной жизни, особенно же героическія, обнаруживающія чрезвычайный подъемъ духа, или

забавныя, вызывающія веселость и смѣхъ. Воодушевленіе Минина было недурно, съ пониманіемъ и увлеченіемъ, передано тѣмъ самымъ Федоромъ Давыдовымъ, о которомъ мы говорили въ началѣ этого очерка, который еще школьникомъ выражалъ желаніе представить Минина. Зрители, видимо, поняли и оцѣнили это одушевленіе народнаго русскаго героя.

«Омутъ», или «Въ городъ на чалочкѣ, а изъ города на палочкѣ», рассказъ въ лицахъ изъ деревенской жизни, для народнаго театра, Н. А. Полушина (Москва, 1889 г.). Это нѣчто въ родѣ комедіи изъ народнаго быта, въ двухъ дѣйствіяхъ. Омутъ, губящимъ людей, здѣсь представляется городъ. Основная идея комедіи выражается въ словахъ дѣда Давылы: «Развѣ можно мужика, али бабу, али дѣвку отъ земли, да отъ деревни отрывать, да въ городъ бросать?» «Кажинный мужикъ, какъ корень матерой, сиди на землѣ да ростокъ пушай. Родился въ деревнѣ и помирай въ деревнѣ». «Деньги въ городѣ остались, а у насъ—хлѣбъ. Посмотримъ, кто ослепитъ!»

Очевидно, что комедія бьетъ на поученіе, хочетъ отвести крестьянъ отъ города, прикрѣпить къ деревнѣ и къ землѣ. Ничего дурнаго въ этомъ, конечно, нѣтъ; но въ погонѣ за поученіемъ авторъ пересаливаетъ, и главное дѣйствующее лицо, дѣдъ Давыло, произноситъ такъ много и такихъ длинныхъ поучительныхъ рѣчей, притомъ въ сущности повторяя на разные лады все одно и то же, что является уже не живымъ лицомъ, а скучноватымъ резонеромъ, воплощеннымъ поученіемъ, и вся пьеса отъ этого становится нѣсколько скучной, надоедающей. Выручаютъ двѣ-три комическія сцены: въ первомъ дѣйствіи, которое называется «Проводы», появленіе деревенской сплетницы Козихи, лица довольно комическаго, а во второмъ—возвращеніе (и дѣйствіе называется «Возвращеніе») изъ города Ивана и Аграфены и ихъ взаимная перебранка, при чемъ они незамѣтно раскрываютъ всѣ городскія похождения свои: какъ въ этой перебранкѣ, такъ и въ самой наружности, въ отрепанныхъ городскихъ нарядахъ возвратившихся, много забавнаго. Вотъ эти комическія сцены нѣсколько оживляютъ довольно монотонное дѣйствіе и публику, которая помираетъ со смѣху, глядя на Козиху и на этихъ городскихъ щеголей, на Аграфену съ дырявымъ зонтикомъ и на Ивана съ гармоніей. Если бы не эти забавныя сцены, зрители, кажется, задремали бы; умныя поучительныя рѣчи Давылы съ перваго раза привлекаютъ къ себѣ вниманіе, но скоро надоедаютъ: «ну, затвердилъ старикъ, заладилъ все одно да одно,—

надобѣ!» Надо сказать, что исполненіе пьесы было довольно удовлетворительное, и неуспѣхъ ея никакъ нельзя приписывать исполненію. Толковый Федоръ Давыдовъ очень старался и былъ вполне приличенъ въ роли Данилы, игралъ съ огонькомъ и съ выдержкой. Козиha, а также Иванъ и Аграфена, возвратившіеся изъ города, были не карикатурны, но достаточно забавны.

«Что такое жена?» комедія въ одномъ дѣйствіи, для наряднаго театра, сочиненіе Н. А. Полушина, страдающая тѣми же недостатками, какъ и предыдущая, но не содержащая въ себѣ такихъ забавныхъ сценъ и явленій, какія оживляютъ послѣднюю, имѣла еще меньше успѣха. Въ ней главное дѣйствующее лицо, въ образѣ котораго воплощается основная мысль, что бабу надо любить, беречь и учить «добромъ»,—тоже скучный резонеръ (старикъ Филиппъ). Онъ все поучаетъ и говоритъ длинныя рѣчи, очень сильныя, даже краснорѣчивыя, не безъ ораторскихъ замашекъ, но тѣмъ не менѣе довольно скучныя. Это скучное резонерство Филиппа такъ надоедаетъ, что публика съ большимъ сочувствіемъ начинаетъ относиться къ рѣчамъ его противника Дмитрія, кратко возражающаго, что «безъ страха невозможно... на то жена!» Въ концѣ концовъ поучительная цѣль автора совсѣмъ теряется. Вотъ что значитъ пересолить: какъ разъ придешь къ результату, прямо противоположному своей цѣли. И опять причина неуспѣха пьесы лежала не въ исполненіи, весьма порядочномъ, а въ самой пьесѣ.

Справедливость требуетъ сказать, что обѣ комедіи г. Полушина и задуманы, и написаны очень недурно; въ нихъ правдиво и мѣтко схвачены истинныя явленія народной жизни; лица говорятъ не выдуманнымъ и не искаженнымъ народнымъ языкомъ; въ нихъ есть и намеки на характеры, проведенные довольно послѣдовательно. Дѣло испортило распространенное у насъ заблужденіе, будто въ литературѣ для народа непременно нужны поученія, будто для него недостаточно простаго изображенія безобразныхъ или свѣтлыхъ явленій жизни, а необходимы еще истолкованія ихъ и поучительные выводы, которыхъ онъ самъ якобы сдѣлать не въ состояніи. Не довѣряя живому впечатлѣнію, которое вызывается простымъ правдивымъ изображеніемъ безобразныхъ явленій жизни, съ ихъ естественными послѣдствіями, авторъ ввелъ въ свои комедіи усердствующихъ резонеровъ, которые своими скучными и дѣланнми поученіями расхолаживаютъ живое впечатлѣніе, наводятъ скуку, утомляютъ и только вредятъ дѣлу.

«Василиса Марковна», лучшая изъ пьесъ, написанныхъ г. По-

лушинымъ, хотя тоже не свободная отъ претензій на поученіе народа, но, повидимому, разсчитанная больше на поучительность впечатлѣній, нежели длинныхъ рѣчей. Сильно драматическая роль героини можетъ затруднить удовлетворительное исполненіе пьесы, потому что на такія женскія роли всего труднѣе найти и способныхъ, и желающихъ исполнительницъ, по крайней мѣрѣ, у насъ.

«Чужое добро въ прокъ нейдетъ», драма А. Потѣхина, съ нѣкоторыми сокращеніями. Эта пьеса трудна для исполненія въ полномъ видѣ; покушеніе на убійство и раскаяніе, какъ вообще сильно драматическія сцены, совсѣмъ не удаются. Мы оставляемъ безъ сокращеній первое дѣйствіе, а прочія упростили сообразно съ силами исполнителей, заботясь только о сохраненіи общаго смысла пьесы.

«Майская ночь», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, передѣланная изъ повѣсти Гоголя, при чемъ дѣйствіе перенесено изъ малороссійской деревни въ великороссійскую, а сцена съ русалками, по многимъ причинамъ неудобная для постановки, обращена въ сонъ.

Пьеса веселая, идетъ бойко и нравится.

«Слава Богу, мужъ лапоть сплелъ», комедія Кохановской съ нѣкоторыми передѣлками и сокращеніями: устранена идеализація барства при крѣпостныхъ порядкахъ, которымъ въ пьесѣ приданъ небывалый благодушно-патріархальный характеръ.

Идетъ хорошо и нравится.

«Стенка оплѣтый», сцены изъ народной жизни въ 4 дѣйствіяхъ, О. Грекова («Читальня народной школы» за 1890 годъ). Пьеса эта написана очень бойко, правдиво, весело и тѣмъ особенно удобна, что большая часть дѣйствующихъ лицъ въ ней, подобно «Спроткѣ» г. Васильева, подростки. Нѣкоторыя трудности постановки, напримѣръ плаваніе въ лодкѣ по рѣкѣ, мы устраняемъ, перенося за сцену. Благодаря превосходному исполненію главной роли, пьеса идетъ очень весело и чрезвычайно нравится.

Имѣиця, сцены Григорьева, идутъ съ успѣхомъ, благодаря очень типичному исполненію роли старосты.

Бобыль, комедія, передѣланная изъ сценъ Круглополева, причемъ прибавлено 3-е дѣйствіе, съ ряжеными, и ослабленъ драматизмъ послѣдней сцены, съ сохраненіемъ общаго смысла пьесы, (Бобыль жертвуетъ личнымъ счастьемъ ради счастья любимой дѣвушки), одна изъ самыхъ любимыхъ пьесъ: типическія фигуры знахаря и свахи, колядованіе, гаданье, ряженые, свадебные обряды, разнообразное пѣніе, все это приходится по вкусу деревенской публикѣ и доставляетъ ей истинное наслажденіе.

Первый винокуръ Л. Толстого шелъ превосходно одинъ разъ, по «чертовщина», играющая въ піесѣ такую важную роль, принудила снять ее со сцены.

Заканчивая нашъ настоящій очеркъ, мы думаемъ, что произведе-
денъ дѣйствительный опытъ деревенскаго народнаго театра, именно въ томъ видѣ, какъ того желали лица, споръ которыхъ былъ изло-
женъ въ началѣ этого очерка. И этотъ опытъ поможетъ читателю
рѣшить вопросъ, бывший предметомъ изложеннаго спора. Сдѣлаемъ
и мы свои выводы изъ этого опыта.

Надо согласиться, что народный театръ, съ исполнителями и
публикой изъ народа, съ пьесами, доступными вниманію этой пу-
блики, въ русской деревнѣ и желателенъ, и возможенъ. Онъ, дѣй-
ствительно, внесетъ въ народную жизнь новое удовольствіе, неиз-
мѣримо высшаго качества, нежели тѣ, которыми приходится обык-
новенно продовольствоваться нашему деревенскому люду, удоволь-
ствія низменныя и грубыя. Это гораздо важнѣе, нежели кажется
съ перваго раза. Не можетъ человѣкъ наполнить свою жизнь однимъ
трудомъ, даже самымъ интереснымъ и разнообразнымъ,—ему нужно,
время отъ времени, наслажденіе, удовольствіе, развлеченіе, и надо
желать, чтобы это было удовольствіе не грубое, низменное и губи-
тельное, а здоровое, освѣжающее и возвышающее.

На народный театръ и надо смотрѣть именно какъ на таковое
удовольствіе для людей, большую часть своей жизни отдающихъ
тяжелому труду. Цѣлью его, прежде всего, надо поставить не поуче-
ніе, а именно развлеченіе для трудящихся чернорабочихъ. Безъ
сомнѣнія, театръ можетъ и будетъ способствовать смягченію нравовъ,
но не нарочитой поучительностью, а именно какъ удовольствіе выс-
шаго порядка, освѣжающее духъ и силы, тогда какъ обычныя удо-
вольствія и развлеченія нашего простонародья грубы и низменны,
развращаютъ и разоряютъ его. Постепенно, мало по малу, устраняя
или, по крайней мѣрѣ, хотъ ослабляя силу этихъ послѣднихъ, театръ
будетъ полезенъ, помимо всякихъ нарочитыхъ поученій, живыми
впечатлѣніями, возвышающими духъ, проясняющими мрачное и уны-
лое настроеніе, разгоняющими тяжелыя и безотрадныя думы. До-
вольно и этого, лишь бы только нашъ рабочій людъ полюбилъ театръ
больше кабака, предпочитать его кабаку, охотнѣе несть свою трудо-
вую копейку въ театръ, нежели въ кабакъ. Неумѣлая погоня за
поучительностью какъ разъ можетъ испортить дѣло. Надо въ народ-
номъ театрѣ давать народу именно то, что ему нравится, а не навязы-
вать насильно то, что мы признаемъ полезнымъ и поучительнымъ для

него, — и дѣло смягченія нравовъ, посредствомъ театра, сдѣлается само собой. Эта простая театральная публика, руководимая только непосредственными впечатлѣніями, обладаетъ хорошимъ и вѣрнымъ чутьемъ, легко угадывающимъ всякую фальшивую выдумку, сочиненную для ея поученія, какъ бы искусно она ни была замаскирована. Она такъ же легко раскусываетъ противное ей поученіе, предлагаемое ей подъ видомъ удовольствія, какъ ребенокъ чуетъ касторовое масло, примѣшанное къ сладкому сиропу.

Надо согласиться, что для народнаго театра въ нашей деревнѣ найдется и публика, которая будетъ посѣщать его охотно, и кружокъ толковыхъ исполнителей, если въ деревнѣ, благодаря школъ, уже есть смышленная, грамотная и читающая молодежь. Родители-крестьяне ничего не имѣютъ противъ участія ихъ дѣтей въ театраль-ныхъ представленіяхъ, ничего дурного и позорнаго въ этомъ они не видятъ, ни для своихъ мальчиковъ, ни для дѣвочекъ; а крестьянская молодежь берется за это дѣло охотно, добросовѣстно и толково. Конечно, на таланты и блестящее исполненіе ролей напасть не легко, но толковые и старательные исполнители вездѣ найдутся.

Что касается содержанія народныхъ представленій, то надо помнить, что все значеніе, вся сила ихъ заключается въ характерѣ впечатлѣній, производимыхъ на зрителей. Важно, чтобы они не нагоняли скуки и не возбуждали недовѣрія, — напротивъ, привлекали бы къ себѣ и захватывали вниманіе, а затѣмъ, конечно, нужны впечатлѣнія смягчающія, возвышающія, возбуждающія отвращеніе, антипатію и смѣхъ по отношенію къ явленіямъ жизни грубымъ, неодобрительнымъ, безобразнымъ, сочувствіе къ явленіямъ свѣтлымъ. Опытъ показалъ, что всего болѣе нравятся зрителямъ изъ народа, сильнѣе привлекаютъ ихъ вниманіе тѣ представленія, которыя даютъ изображенія не заурядной будничной жизни, а чего либо выходящаго изъ ряда, что, напримѣръ, отличается трагическимъ или героическимъ характеромъ, или что очень забавно, что поражаетъ или вызываетъ неудержимый смѣхъ. Въ этомъ очеркѣ указано нѣсколько пьесъ, которыя нравятся зрителямъ-крестьянамъ, но, конечно, въ русской драматической литературѣ можно найти еще не мало произведеній, вполне пригодныхъ для народнаго театра и, можетъ быть, лучшаго качества. Вѣроятно, въ силу потребности, явятся и новыя произведенія, какъ явились въ послѣднее время упомянутые выше драматическіе опыты г. Полушина.

Пожелаемъ, чтобы новыя писатели, посвящающіе свое перо народному театру, освободились отъ несчастной мысли непременно

поучать. Это и вообще вредит достоинству и популярности литературных произведений, а особенно—произведений драматических.

XII.

Итоги и уроки голодного года.

Последній неурожай (1891 г.), вызвавшій голодовку въ значительной части земледѣльской Россіи, въ нашемъ краѣ подготовился постепенно и былъ послѣдствіемъ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ явленій, которыя слѣдовали одно за другимъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Не выяснено, случайныя и временныя были это явленія или достаточно устойчивыя, какъ естественный и необходимый результатъ такихъ прочныхъ климатическихъ и почвенныхъ измѣненій, которыя произошли, въ значительной мѣрѣ, отъ нашего неблагоприятія, отъ нашей малокультурности: истребленія лѣсовъ, истощенія почвы, плохой обработки земли, невѣжественной косности въ земледѣльскомъ хозяйствѣ и т. под. Между тѣмъ, это—вопросъ очень важный, можно сказать—роковой, и жаль, что у насъ мало думаютъ о немъ. Трудно сказать, на сколько основательны и утѣшительны ссылки на прежніе неурожаи, за которыми слѣдовали десятки удовлетворительныхъ и даже обильныхъ урожаевъ.

Еще съ іюля 1890 года у насъ началось упорное бездождіе. То было очень жаркое и сухое лѣто. И все таки, благодаря весеннимъ дождямъ, урожай получился порядочный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже этимъ лѣтомъ началась подготовка полнаго неурожая въ будущемъ 1891 году.

Все думали, что послѣ сухого лѣта будетъ, какъ бывало прежде, «мочливая» осень, и удастся посѣвъ озимей; но прошелъ и августъ, перевалило и за половину сентября, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ. Продолжительное тоскливое ожиданіе дождя притомило нашихъ земледѣльцевъ, и селомъ стало овладѣвать безпокойство.

«Надо, ребята, сѣять,—ждать нечего! Сѣй рожь въ зоду да въ пору, говорить пословица».

— Подождемъ еще малость, авось Господь смилуется, дождичекъ пошлетъ.

«Ну, смотрите, чтобы да не дожидаться морозовъ»..

Нѣкоторые посѣяли на сухую, другіе все ждали—и точно дождались... утренниковъ. Медлить больше не приходилось. Кто еще не посѣялъ, тотъ и остался съ незабѣянной землей. Въ октябрѣ,

когда только озими ранняго посѣва «вышли изъ краски», стало порядочно морозить, а съ ноября началась настоящая зима, суровая и немилостивая. На этотъ разъ вовсе не было обыкновенной ноябрьской слякоти и грязи; разомъ установилась легкая санныя ѣзда, радуя деревенскихъ жителей и того больше—крестьянскихъ лошадей, замороженныхъ тяжелой лѣтней работой. Но въ сущности радоваться было не чему. Снѣгу все-таки было мало и больше уже не прибавлялось, а морозы пошли сплошные и очень сильные, ниже 25° по Р., съ рѣзкими восточными вѣтрами и метелями, которые скоро смели съ полей весь снѣгъ. Такой суровой малоснѣжной зимы, такихъ упорныхъ и злыхъ морозовъ, по словамъ нашихъ старожиловъ, давнымъ-давно не бывало.

Ужъ сухая осень не обѣщала урожая озимыхъ хлѣбовъ въ будущемъ году, зима еще уменьшила шансы на сносный урожай, а весна убила всякую надежду, довершивъ убійственное дѣйствіе на озимыя поля осени и зимы. Наступила она въ 1891 году очень рано и дружно, но безъ воды, безъ разлива, и чрезвычайно капризная: началась жарамъ, которые смѣнились морозами, не было только дожди. И эти ранніе жары безъ дождей, и эти поздніе морозы съ вѣтрами окончательно погубили озимые всходы; да и посѣвъ яровыхъ былъ плохой, мало надежный... На лугахъ безъ разлива не было травы. Въ садахъ пропали отъ морозовъ груши, сливы, вишни; погубила ихъ и суровая зима, и неблагоприятная весна. Бездождіе танулось до осени, т. е. цѣлый годъ. Всякая растительность погорѣла; пыль стояла столбами; приснулъ раза два-три такой дождь, который даже пыли не прибилъ; земля оставалась совершенно сухой и дала глубокія трещины... Понятно, что урожай на все получился самый жалкій, или, лучше сказать получился полный не урожай. Заливные луга, которые вовсе не заливались, дали ничтожное количество плохого сѣна руна и вовсе не дали отавы, которую такъ и не косили. На бахчахъ и въ огородахъ не было ни картофеля, ни капусты, ни огурцовъ. Въ садахъ не было ни сливъ, ни вишенъ, ни малины. А главное—въ поляхъ было все рѣдко, низко, плохо, бѣдно... Наше село и его поля расположены на высокомъ и совершенно открытомъ берегу Дона, отчего непрерывная годовая засуха здѣсь была особенно губительна для всѣхъ хлѣбовъ. Рожь не вышла ни соломою, ни зерномъ, ни количествомъ, ни качествомъ; ставили по 2, по 3 копы на десятинѣ, зерно получали мелкое, тощее, маловѣсное. Овесъ и просо дергали руками, потому что косить оказалось невозможно. Въ концѣ концовъ

вышло и ничтожное количество и зерна, да еще плохого, и соломы. Куда не посмотришь, ничего не видѣлось отраднаго: на заливномъ лугу не было, какъ бывало прежде, цѣлаго строя объемистыхъ и душистыхъ стоговъ. На дворахъ и гумнахъ не воздвигались ни увѣсистыя «кладушки» хлѣба, ни обширныя «омѣты» золотистой соломы. Съ бахчей везли капусту безъ кочней. Картофель копали мелкій, какъ орѣхъ, да и тотъ оказался не прочнымъ, болѣзненнымъ, и скоро его пришлось выбросить.

Деревня еще не обнаруживала явнаго унынія, пока была поглощена заботой о посѣвѣ озимаго хлѣба, а удачное выполненіе этого дѣла тѣмъ болѣе поддерживало ея бодрость и спокойствіе. Осенью прошли хорошіе дожди. Благодаря своевременному полученію земской осуды, въ половинѣ августа, наши крестьяне успѣли посѣяться во-время и очень удачно: сѣвъ припелся какъ разъ послѣ дождя и подъ дождь,

Зато послѣ посѣва на крестьянъ всюю тяжестью налегла дума о томъ, какъ прожить и прокормиться до будущаго урожая: очевидно было, что не хватитъ ни хлѣба для семьи, ни корма для скотины.

Село притихло, какъ будто значительная часть населенія куда-то выбыла. Но на самомъ дѣлѣ населеніе его не убавилось, а увеличилось, потому что возвратились домой, въ семьи, многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ, жившіе работниками въ людяхъ—въ городѣ или другихъ селеніяхъ: въ виду неурожая, даже богатые хозяева стали сокращать число работниковъ, и отпущеннымъ ими людямъ некуда было дѣваться, кромѣ родной семьи.

Всѣ какъ-то съежились, попрятались, призадумались. Улица опустѣла. Не слышно было ни пѣсенъ, ни шумныхъ разговоровъ. Надъ селомъ тяготѣло мучительное ожиданіе чего-то страшнаго, непривычнаго, небывалаго. Уже въ октябрѣ во многихъ семьяхъ стали обнаруживаться рѣзкіе признаки безхлѣбницы. На бѣду, эта безхлѣбница соединилась съ полной безработицей, и это много увеличивало опасность положенія. Пошла усиленная распродажа, по дешевой цѣнѣ, овецъ, коровъ, лошадей, сколько по той причинѣ, что не было надежды прокормить ихъ до весны, столько и для добыванія денегъ на хлѣбъ. Между тѣмъ, цѣны на зерно и муку быстро росли, и уже въ октябрѣ ржаная мука въ городѣ продавалась въ лавкахъ по 1 р. 42 к. за пудъ и дороже, да и то сомнительнаго достоинства, съ подмѣсами.

Сначала крестьяне разговаривали между собой о томъ, какъ быть, потомъ пошли къ тѣмъ людямъ, отъ кого надѣялись получить

не помощь, а полезный совѣтъ, въ училище, къ священнику, къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ. «Проѣдимся мы въ эту зиму, а иные и отъ голодухи перемрутъ, говорилъ пожилой мужикъ съ глубокими глазами и сосредоточеннымъ взглядомъ: что тутъ дѣлать».

— Скотинѣнку пораспродадимъ, коровъ—лошадей проѣдимъ, а потомъ что?—

«Скотинѣнки не на долго хватить,—вишь, на нее цѣна-то какая, почитай за дарма идетъ, а зима-то длинна»....

— А мнѣ вотъ и продавать-то нечего, придется землю закладывать... Въ работники изъ-за хлѣба пошелъ бы, такъ и то никто не беретъ...

— Что тутъ дѣлать, и ума не приложишь...

«Надо прошенье подавать: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ»...

— Вѣстимо, надо «способіе» просить. Слыхалъ я отъ стариковъ, въ голодные годы всегда мужикамъ отъ Царя способіе идетъ.—

«Надо тоже хлопотать, чтобъ изъ магазиں намъ хлѣбъ роздали, кто всыпалъ».

— Чтò тамъ изъ магазиں! Много-ли въ магазиѣ хлѣба-то? Кто его засыпалъ-то? Первой—другой, да и обчелся... А кто не засыпалъ ничего, ему, молъ, помирать?

«Самъ виноватъ, чего не засыпалъ! Были урожан добрые, хлѣбушка Господь вволю давалъ, для чего залишній-то хлѣбъ не приберегъ про черный день?»

— То-то мы дураки неотесанные! Правду говорятъ: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится...

«Ну, теперь, братцы, поздно объ этомъ толковать, что о лѣтошнемъ снѣгѣ. Не засыпалъ,—значить, такъ тому и быть, и начальство не нудило. А вотъ какъ теперь-то быть?—вотъ что ты разсуди, милый человѣкъ».

— Это точно. Ка-бы работа какая ни на есть, работой-бы прокормился, и скотинку быуберегъ, и на хлѣбъ заработалъ, не въ первой,—такъ вотъ поди-же, нѣтъ ея, работы-то...

«Это что и говорить,—кабы работа была—и горевать не объ чемъ. То и бѣда: и хлѣба нѣтъ, и работы нѣтъ, и купить, значить, не на что... А хлѣбъ дорогой: мы въ томъ году его по 40 коп. продавали, а теперь полтора рубля подай! Тутъ и толковать нечего, конецъ намъ пришелъ».

— Зачѣмъ конецъ? Какъ такъ конецъ? вдругъ загорячился мужикъ со средоточеннымъ взглядомъ: надо толковать, съ знающими

людьми посовѣтовать. Ты, свать Гаврило, молвилъ—въ старые годы отъ Царя способіе шло? Не хлѣба, такъ работы надо просить...

Изъ всего было видно, что медлить и бездѣйствовать, чего-то выжидая, на что-то надѣясь, деревенскимъ людямъ и стыдно, и грѣшно.

Въ октябрѣ-же у насъ огибно организовалось частное сельское попечительство для помощи крестьянскимъ семействамъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Какъ-то само собой случилось, что дѣло это связалось съ мѣстнымъ училищемъ: здѣсь, прежде всего, началась помощь, здѣсь обсуждались возникавшіе вопросы, здѣсь собирались многія нужныя для дѣла свѣдѣнія.

Рѣшено было: начать дѣло помощи немедленно, не допуская мѣстнаго населенія до голодовки, до распродажи всей скотины, до полного разрушенія крестьянскаго хозяйства, до питанія плохимъ хлѣбомъ, съ оуругатами и подмѣсями, до истощенія физическихъ силъ и полного упадка духа.

Для этого надо было тотчасъ же начать и бесплатную раздачу питательныхъ матеріаловъ вполне хорошаго качества (хотя бы только ржаной муки, потому что питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ и квасомъ нашему мужику случалось не разъ), и продажу хлѣба по удешевленной цѣнѣ. Но попечительство было крайне бѣдно средствами. Въ нашемъ селѣ вовсе нѣтъ богатыхъ людей съ значительными деньгами. Въ составъ попечительства вошли лица, существующія преимущественно своимъ личнымъ трудомъ и тоже пострадавшія отъ неурожая. Необходимость заставляла обращаться за средствами въ городъ, къ офиціальнымъ лицамъ, и громко «кликнуть кличъ».

Но открытыя воззванія къ сострадательнымъ лицамъ не одобрялись, и наше воззваніе не прошло черезъ печать, пришлось ограничиться письменными и устными обращеніями къ знакомымъ.

Наверху, да и вообще въ городѣ, еще плохо вѣрили не только въ неизбежность, но и въ возможность голодовки, очевидную для деревенскихъ жителей, близко стоящихъ къ народу; заявленія нашего частнаго попечительства показались преждевременными и встрѣтили довольно холодный пріемъ. Тогда еще многіе думали, что крестьяне-земледѣльцы, владѣющіе землей и скотомъ, «какъ нибудь» прокормятся собственными средствами; а мысль о совершенномъ разрушеніи крестьянскаго хозяйства, гибельномъ не для однихъ только крестьянъ, о трудно поправимомъ упадкѣ народной производительной силы, кажется, еще никого не тревожила и не занимала.

Изъ рѣчей крестьянъ, образчикъ коихъ приведенъ выше, очевидно было, что самую лучшую помощью для нихъ была-бы производительная работа, хорошо оплачиваемая, если-бы такую работу дать имъ своевременно: они и прокормились-бы работой, и не влѣзли-бы въ обременительные долги, и не нуждались-бы въ унижительной даровой кормежкѣ, и не распродали-бы рабочаго скота, не разрушили своего крестьянскаго хозяйства.

Но безъ значительныхъ средствъ объ организаціи такихъ работъ нечего было и думать. А средства, при давнихъ условіяхъ и при холодномъ отношеніи къ крестьянской нуждѣ со стороны горожанъ, собирались туго.

«У насъ и своихъ нищихъ много, всѣхъ не накормишь», отговаривались одни.

— Вѣрно, они у насъ лѣнтяи, работать не хотятъ,—оттого и сидятъ безъ хлѣба, огрызались другіе.

«Да вы дайте имъ работу».

— Ну, вотъ еще: что они, малые ребята что-ли, не могутъ работы найти.

«Да гдѣ-жъ ее найти-то, покажите».

— Это ужъ не наше дѣло. Кто хочетъ работать, тотъ безъ работы не останется. А сидитъ безъ работы,—значить, нужда не большая.

Отдѣливаясь такими отговорками, многіе городскіе капиталисты холодно отворачивались отъ крестьянской нужды безъ зазрѣнія совѣсти.

Надо правду сказать, что въ послѣдствіи этотъ холодъ смѣнился большой теплотой и даже дѣятельнымъ и шумнымъ вниманіемъ городскихъ филантроповъ, и особенно филантропокъ въ деревенскія дѣла,—къ сожалѣнію, не всегда удачнымъ и толковымъ. Не всѣ ограничивались скромной ролью «доброхотныхъ дателей», всѣмъ захотѣлось выступить въ роли дѣятелей-героевъ. Открылась широкая и благодарная арена для мелкаго тщеславія, чтобы въ безгги разбить и земство, и администрацію, яко бы «промигавшихъ» голодовку, на шумѣть на всю губернію и явиться чуть не спасителями отечества на счетъ того же земства, той же администраціи, ни чѣмъ не жертвуя съ своей стороны.

Какъ бы то ни было, нашему попечительству, пожелавшему дѣйствовать задолго до этой смѣны холода тепломъ, тишины шумомъ, спокойствія суетой (эта чудодѣйственная смѣна произошла не раньше декабря, когда крестьяне, пострадавшіе отъ неурожая и без-

работицы, вдоволь наголодались), пришлось приступить къ дѣлу безъ замедленія и почти безъ средствъ, а потому и безъ опредѣленнаго плана, дѣйствуя, такъ сказать, ощупью, нѣскоро удовлетворя очевидныя и неотложныя нужды мѣстнаго населенія и отлагая до благопріятнаго времени болѣе широкія и радикальныя мѣропріятія.

Началомъ этой дѣятельности, какъ уже было сказано раньше—тѣсно связанной съ училищемъ и, можетъ быть, потому получившей нѣкоторый воспитывающій характеръ, или приступомъ къ ней, была рѣчь, съ которою обратился къ крестьянамъ одинъ изъ членовъ попечительства на актѣ училища, 22 октября, послѣ прочтенія отчета и раздачи свидѣтельствъ училищнаго совѣта ученикамъ, окончившимъ курсъ въ истекшемъ учебномъ (1890—91) году.

Этой рѣчью предполагалось и ободрить крестьянъ, которые собираются ежегодно и на сей разъ собрались въ весьма значительномъ количествѣ на обычное школьное торжество, и съ перваго раза установить правильное отношеніе съ ихъ стороны къ той скромной помощи, какой они могутъ ожидать отъ попечительства.

Считаемъ не лишнимъ привести эту рѣчь почти до-словно, впрочемъ по-памятно, но проредактированную тѣмъ лицомъ, которымъ она была сказана.

Почтенные гости!

Выслушавъ отчетъ нашего сельскаго училища, порадуемся на обильные и сладкіе плоды ученія, которые намъ принесъ минувшій годъ,—и да послужать они намъ хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ виду грозящаго намъ тяжелаго бѣдствія.

Восьмой годъ я живу среди васъ, почтенные старожилы села Петяна, раздѣляя съ вами и радости ваши, и горести. Всѣ предъидущіе годы мы, благодаря Бога, пережили благополучно. Конечно, и прежде бывали у насъ невзгоды и огорченія: посредственные урожан то озимыхъ, то яровыхъ хлѣбовъ, скотскіе падежи, пожары,—какъ быть?—безъ этого ни одинъ человѣкъ не проживетъ своего вѣка. Да отъ постоянного благополучія люди, пожалуй, совѣмъ бы избаловались и озвѣрѣли.

Но въ нынѣшнемъ году насъ постигло великое, небывалое бѣдствіе. Минувшее лѣто не дало намъ ни хлѣба, ни каши, ни картофеля, ни капусты и никакихъ овощей, ни соломы, ни сѣна. Пропали прахомъ—и земля, и сѣмена, и работа,—и вотъ теперь надвигается страшная, для многихъ голодная и холодная, зима.

Нельзя не замѣтить, что сельскимъ людямъ овладѣло уныніе и

раздумье. Слышится скорбный рѣчи: за что насъ Богъ наказываетъ? что будетъ съ нами зимой? какъ прокормить семью? что дѣлать съ бѣдной скотиной? какъ уплатить подати?.. и т. п.

Понятно, что въ такую пору нельзя не призадуматься. Но думы думами, заботы заботами; а должно-ли роптать, унывать и падать духомъ?

Какъ постоянный житель села, какъ человѣкъ близкій къ вамъ, я не могу не принимать близко къ сердцу и не раздѣлять вашихъ думъ и скорбей. Но все-таки, по совѣсти скажу: роптать, унывать и падать духомъ намъ не должно!

Во - первыхъ, какая польза отъ этого ропота и унынія? Не облегчатъ они нашего труднаго положенія, а только пуще возмутятъ и безъ того неспокойную душу, усугубятъ ее тревожное состояніе. Поддаваясь ропоту и унынію, человѣкъ только пуще раздражаетъ самъ себя, безъ всякой пользы для дѣла; а чрезмѣрное раздраженіе не приводитъ къ добру. Это все равно, что больному коростами расчесывать свои болячки: не подживутъ онѣ отъ этого, а пуще разболются.

Во-вторыхъ, не безпомощны и покинуты остаемся мы въ трудную годину. Вспомните, что наши озимыя поля, хотя мы нынѣ и сѣмянъ не собрали, засѣяны своевременно и уже мѣсяцъ тому назадъ были покрыты прекрасными, ровными и густыми зелеными. Какъ только обнаружилось, что у многихъ крестьянъ не хватаетъ зерна для обсемененія озимаго поля, наше заботливое земство поспѣшило съ своею помощью. Какъ только обнаружилось, что у крестьянъ, по случаю неурожая, мало соломы для топки, правительство наше распорядилось о бесплатномъ отпускѣ имъ хворосту и валежника изъ казеннаго лѣса. Какъ только обнаружилось, что многимъ крестьянамъ приходится голодать,—и правительство, и земство, и частныя лица стали обдумывать мѣры и собирать средства для продовольствія нуждающихся, для удешевленія хлѣба, для увеличенія заработковъ.

И у насъ въ селѣ устроилось свое попечительство. Оно немедленно откроетъ свои дѣйствія для помощи нуждающимся. Но прошу васъ помнить, почтенные гости, и внушать всѣмъ односельцамъ, что у попечительства нѣтъ средствъ для даровой помощи и даровой кормежки. Да и не подобаетъ человѣку, который можетъ работать, кормиться милостыней. И Господь повелѣлъ человѣку «зарабатывать свой хлѣбъ въ потѣ лица». Всѣ нуждающіеся крестьяне, способные къ работѣ и не пашелшіе такой ра-

боты на сторонѣ, будутъ пользоваться помощью попечительства съ обязательствомъ работать на пользу нашего сельскаго общества. И надо, чтобы никто не уклонялся отъ этой работы, когда она начнется.

Какія именно работы и когда открыть,—объ этомъ мы потолкуемъ сообщая; тутъ понадобится и вашъ голосъ,—«умъ хорошо, а два лучше того», и попечительство пригласить для совѣщанія тѣхъ «стариковъ», поопытѣе и поумнѣ какихъ вы сами выберете.

Но я еще не все сказалъ, почему намъ не должно роптать и унывать.

Въ-третьихъ, рядомъ съ бѣдствіемъ, милосердый Богъ посылаетъ намъ и радости, чтобы мы не поддавались унынію и отчаянію, не падали духомъ. Вотъ, въ нынѣшнемъ году у насъ былъ неурожай въ полѣ, за то—урожай въ школѣ. Нынѣ у насъ особенно велико число дѣтей, окончившихъ курсъ со свидѣтельствомъ. Въ селѣ прибавилось много разумныхъ грамотѣевъ, которые усвоили и Законъ Божій, и грамоту, и счетъ, которые знаютъ, какъ надо жить по Божьи, и многое полезное, что написано въ умныхъ книжкахъ и что пригодится имъ въ жизни. Развѣ это не радость, не утѣшеніе и родителямъ, и всѣмъ жителямъ села? Развѣ за это мы не должны благодарить Бога, въ одно и то же время карающаго и милующаго насъ?

Въ четвертыхъ, будто такъ часто намъ приходится испытывать бѣдствія, подобныя нынѣшнему неурожаю, что мы не можемъ перенести Божіей кары безъ ропота и унынія? За семь лѣтъ, какъ я живу съ вами, не было ничего подобнаго. Да старики говорятъ, что такая голодовка была только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Дѣло въ томъ, что урожай и удачи мы принимаемъ, какъ что-то обыкновенное, должное, заслуженное нами, а всякую бѣду и невзгodu считаемъ несправедливостью, незаслуженной нами обидой. Но полно, такъ ли это? Вотъ о чемъ надо подумать. Не можетъ быть, чтобы бѣдствіе упало на головы наши безъ вины и повода съ нашей стороны. Какъ оглянись на свою прошлую жизнь, да пораскинешь умомъ,—за всякимъ изъ насъ найдется не мало провинностей, достойныхъ наказанія,—вотъ роптать-то намъ и не приходится, а надо призадуматься о томъ, какъ бы самого себя очистить на будущее время отъ прежнихъ провинностей, исправиться и стать на путь истинный. Каждый изъ насъ самъ для себя найдеть и выяснитъ свои личныя провинности, и не подобаетъ намъ копаться въ душѣ ближняго. Но есть провинности общія, къ кото-

рымъ всё мы причастны, которые составляютъ общій нашъ грѣхъ. Объ этихъ надо подумать и потолковать сообща.

Я могу указать на двѣ такія общія наши провинности, отъ которыхъ намъ прежде всего слѣдовало бы очиститься и освободиться для общаго нашего блага.

Первая изъ нихъ—общественная рознь: нѣтъ у насъ въ селѣ единодушія, настоящей человѣческой любви между собою, прочной и разумной общественности. Всѣ врозь, каждый живетъ самъ по себѣ и самъ для себя, пренебрегая мірскими интересами и дѣлами, нерѣдко даже жертвуя мірскимъ общественнымъ дѣломъ и мірской выгодой ради выгоды своей личной.

Другая наша общая провинность—безпечность, влѣдетвіе которой всё мы живемъ безъ заглядки впередъ. Стало бы всего на нашъ вѣкъ, а какъ будутъ жить наши дѣти—о томъ у насъ думы мало. Хватило бы мнѣ хлѣба, сѣна, топки, а тамъ—хоть трава не расти... Мы живемъ такъ, какъ будто бѣлый свѣтъ нами кончается, да недалеко хватаетъ и наша забота о самихъ-то себѣ... Нѣтъ у насъ думы про черный день: какъ-нибудь, молъ, проживемъ, а вась не пропадемъ. Но не всегда вывозитъ насъ «авось», да «какъ-нибудь»,—это друзья ненадежныя, обманчивыя.

Много зла происходитъ отъ этихъ двухъ нашихъ общихъ провинностей, отъ беспечности и общественной розни.

Отъ этого почти пусть оказывается нашъ общественный запасный магазинъ: пришла голодовка, а запаса-то у насъ нѣтъ. Говорятъ: насъ-де не заставляли закладывать зерно въ магазинъ въ урожайные годы,—да сами-то мы ребята малые, что ли? Все насъ заставляй, да понукай! Когда же мы будемъ сами о себѣ заботиться и жить своимъ умомъ-разумомъ?

Отъ этого мы продаемъ свой навозъ въ чужія руки, а наши поля остаются безъ удобренія и съ году на годъ теряютъ свою плодородность.

Говорятъ: мы за навозъ деньги получаемъ. А сколько мы теряемъ отъ того, что земля все меньше, да меньше даетъ намъ хлѣба? Выгодно-ли, полно, продажей навоза замѣнять продажу лишняго хлѣба, или, продавая по ничтожной цѣнѣ навозъ, покупать для себя дорогой хлѣбъ при весьма частой нехваткѣ его для прокормленія семьи? Отъ этого загаженъ нашъ общественный заливной лугъ и не даетъ намъ десятой доли того сѣна, какое давалъ въ старые годы.

Отъ этого у многихъ изъ насъ не взметано съ осени и яровое

поле, да и вообще общественная земля плохо обрабатывается. Она-де не моя, общественная, что я буду хорошо ее обрабатывать,—нынѣ она у меня, а черезъ годъ, Богъ вѣсть, кому достанется!

Отъ этого вырубленный общественный лѣсъ не оберегается и растетъ плохо.

Отъ этого у насъ такой опасный и неудобный вѣздъ въ село по горѣ съ рѣки, крутой, узкій, погубившій не мало крестьянскихъ лошадей, хотя исправить его, скопать крутизну и проложить широкую, удобную и безопасную дорогу очень легко. Но для этого нужна дружная работа всего общества,—ну, а мы къ такой дружной, единодушной работѣ, по своему собственному почину, безъ приказанія и палки, не привыкли,—вотъ и лошадей своихъ мы губимъ, и сами мучаемся, а дороги хорошей, должно быть, до окончанія вѣка не продолжимъ.

Отъ этого у насъ въ селѣ нѣтъ ни общественной бани, ни общественныхъ колодцевъ и прудовъ на случай пожара, ни общественныхъ вѣсовъ, ни хорошаго общественного быка въ стадѣ.

Словомъ, мы ничего не хотимъ дѣлать міромъ и для міра, со-обща и для всѣхъ, на общую пользу: что, молъ, я буду о другихъ заботиться, для міра работать! Свое хозяйство у многихъ ведется добropорядочно, но все общественное—плохо, безпорядочно, безпризорно, начиная общественной землей и оканчивая общественнымъ кладбищемъ, гдѣ по могиламъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ бродятъ лошади, коровы и свиньи.

Все отъ этого-же и большая часть нашихъ дѣтей остается безъ изученія, хотя у насъ въ селѣ даровая школа, которая намъ ничего не стоитъ и ничего отъ насъ не требуетъ и не проситъ.

Эти двѣ наши общія провинности, безпечность и общественная рознь, укоренились въ насъ крѣпко и, конечно, намъ, людямъ пожилымъ, трудно совсѣмъ отдѣлаться отъ нихъ. Все-таки и намъ самимъ надо бороться съ ними, а пуще всего надо позаботиться о томъ, какъ бы да не передать ихъ нашимъ дѣтямъ. Но какъ уберечь дѣтей, если они и дома, и на улицѣ, и у сосѣдей будутъ постоянно видѣть примѣры этой безпечности и розни?

Лучшее средство для этого—книжное ученіе въ школѣ. Здѣсь дѣти воспринимаютъ и усваиваютъ правила и примѣры христіанской любви къ ближнему, христіанскаго единодушія и разумной заботливости о себѣ и другихъ. Отсюда они вступаютъ въ жизнь съ хорошими задатками. Не даромъ Господь въ нынѣшнемъ

году, карая насъ неурожаемъ въ полѣ, порадовать урожаемъ въ школѣ. Не должно ли это служить намъ указаніемъ, чему мы прежде всего, должны научиться изъ постигшаго насъ тяжелаго испытанія?

Отъ всей души желаю вамъ, почтенные гости, бодро, съ должнымъ смиреніемъ и съ необходимымъ терпѣніемъ, безъ ропота и не падая духомъ, пережить предстоящій трудный годъ. Но это не все. Не менѣе того отъ души желаю вамъ воспользоваться тяжкимъ урокомъ этого года на благо себѣ и своимъ дѣтямъ! Рѣчь произвела хорошее впечатлѣніе. Крестьяне ободрились надеждой на скорую помощь и обѣщались исправно работать, какъ только начнутся работы. Мы увидимъ, что они сдержали свое обѣщаніе.

Были приглашены выборные изъ крестьянъ для установленія тѣхъ видовъ помощи, которые наиболѣе необходимы и желательны. Прежде всего надо было рѣшить, какія семьи нуждаются въ немедленной и безплатной помощи, а также, въ какомъ видѣ устроить эту помощь, въ видѣ ли общей столовой, или въ видѣ выдачи пищевыхъ матеріаловъ въ семьи, для прокормленія на опредѣленный срокъ.

— По что столовыя? Это намъ не гоже. Пра, не гоже. Мы привычны—хоть хлѣба сухого съ кваскомъ поѣсть, да дома, въ своемъ семействѣ.

«Топка же у насъ теперича—слава Богу—есть, хлѣбушка дома испечь можно, а за разносоломъ разнымъ мы не гонимся».

— И куда это—хоть бы Егоръ Дочкинъ—потащить въ твою столовую эдакую араву,—вѣдь у него ихъ чуть не двадцать душъ.

— Или Григорій Григорьячъ Сезинъ, у него тоже семья не малая. Человѣкъ онъ древній, привыкъ изстари своимъ домомъ жить, и вотъ тебѣ, на старости лѣтъ—забирай всю семью, да въ застольную на даровую кормежку каждый день тащись,—да онъ отъ одной стыдобушки завсе сляжетъ».

— А за хлѣбомъ-то на чужой дворъ идти—не все ли равно?

«То разъ или два въ мѣсяцъ, а то каждый день срамись, и выходить, не все равно».

— Али, можетъ, вы будете кормить только малыхъ ребятъ да стариковъ?

— Вотъ еще! А другіе-то съ голоду помирай! Ребята да старики будутъ щи съ убойной да кашу съ масломъ ѣсть, а работники лапу сосать? Придумалъ, свать Гаврило! ловко!

Такъ и рѣшили: помогать нуждающимся не внѣ семьи, а въ

самыхъ семьяхъ, улучшая семейное питаніе, приблизительно, до установившейся въ народномъ быту нормы, не отрывая отъ семейнаго очага немногихъ и не оставляя безпомощнымъ большинство,—помогать безъ нарушенія установившагося семейнаго строя, не внося въ семьи поводовъ къ зависти, попрекамъ и разладу. На это рѣшеніе наводили какъ рѣчи крестьянъ, такъ и другія соображенія. Хотѣлось сдѣлать помощь попечительства, по возможности, незамѣтною, наименѣе унизительною для нуждающихся, щадящею ихъ самолюбіе и не притупляющею ихъ застѣнчиваго отношенія къ даровому хлѣбу, которое еще сохранилось въ нашемъ чисто земледѣльческомъ населеніи.

Въ этой формѣ попечительство начало свою помощь и въ этой формѣ продолжало ее до конца, потому что она оказалась наиболѣе соответствующею мѣстнымъ правамъ и желаніямъ нуждающихся, вполне удовлетворяющею ихъ нужды съ наименьшимъ рискомъ.

Правда, удовлетвореніе нуждъ населенія, пострадавшаго отъ неурожая, въ такой формѣ обходится сравнительно дороже, но за то и преимущества его не маловажны, особенно, въ соединеніи съ своевременнымъ началомъ помощи, до наступленія полной голодовки и очевиднаго истощенія силъ.

Выборные отъ крестьянъ добросовѣстно и точно опредѣлили, въ какія именно семьи необходимъ немедленный бесплатный отпускъ пищевыхъ матеріаловъ; составилъ списокъ съ подробнымъ описаніемъ семейнаго и имущественнаго положенія этихъ нуждающихся, а выборнымъ было поручено оповѣстить ихъ, что они могутъ обращаться за помощью къ попечительству.

Одновременно двое изъ членовъ попечительства предложили немедленно устроить на свой счетъ, во первыхъ, раздачу печенаго хлѣба хорошаго качества, тѣмъ учащимся въ школѣ, родители которыхъ бѣдны, не имѣютъ своего хлѣба и принуждены покупать его, во-вторыхъ столовую, съ горячей пищей, для малолѣтнихъ сиротъ и вообще тѣхъ дѣтей, недостигнувшихъ школьнаго возраста, которые живутъ при особенно неблагоприятныхъ условіяхъ.

Съ 1 ноября дѣло было въ полномъ ходу.

Число учащихся въ школѣ въ эту осень осталось прежнее, но увеличилось число дѣвочекъ, потому что дома имъ не было дѣла: конопля не родилась, у большинства крестьянъ вовсе не было пряжи. Изъ этого видно, что сравнительно меньшее число дѣвочекъ въ школѣ обуславливалось не столько предубѣжденіемъ народа противъ обученія ихъ грамотѣ, сколько хозяйственными соображеніями.

Дѣти школы добросовѣстно указали сами, кому изъ нихъ слѣдуетъ получать хлѣбъ, у кого дома довольно, и дѣти зажиточныхъ родителей сами заявили, что у нихъ есть свой хлѣбъ. Были случаи недобросовѣстныхъ претензій на даровой хлѣбъ, но не со стороны дѣтей, а со стороны родителей. Мальчуганъ изъ зажиточной семьи вдругъ исчезаетъ изъ школы; по справкамъ оказывается, что отецъ или мать не пускаютъ его въ школу по той причинѣ, что ему не даютъ хлѣба. Но проходить недѣля, и мальчуганъ снова является: это была угроза и попытка насильственно попользоваться даровымъ хлѣбомъ для сына. Дѣтямъ изъ бѣдныхъ и многолюдныхъ семей выдавалось по двѣ, по три порціи, на братьевъ или сестеръ, не посѣщающихъ школы, и они уносили эти лишнія порціи домой. Нѣкоторые носили домой и свою порцію, чтобы дома съѣсть этотъ хлѣбъ съ горячей похлебкой или квасомъ. Вообще къ хлѣбу относились бережно и даже какъ-то благоговѣйно. Чувство благодарности къ школѣ, ихъ питающей, выражалось на каждомъ шагѣ, но очень наивно, иногда трогательно.

Получали хлѣбъ-солъ отъ 30 до 40 школьниковъ. Санитарное состояніе школы все время было вполнѣ удовлетворительно; заболѣваній въ эту зиму, сравнительно съ прежними, было очень мало, а цынги, которая весной свирѣпствовала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, у насъ вовсе не было. Столовая для дѣтей устроилась въ частномъ помѣщеніи и лежала на исключительномъ иждивеніи одного изъ членовъ попечительства.

Раздача пищевыхъ матеріаловъ въ семью и продажа хлѣба по удешевленной цѣнѣ разросталась, можно сказать, съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ истощенія хлѣбныхъ запасовъ, которыми владѣли крестьяне. Ежедневно все утро, часовъ до 2-хъ, до 3-хъ, уходило на удовлетвореніе толпы мужиковъ и бабъ, приходившихъ за хлѣбомъ. Хлѣбъ отпускали и безплатно, и за деньги послѣ тщательнаго обследованія состоянія семьи, отпускали на опредѣленные сроки, сообразно съ числомъ и возрастомъ ѣдоковъ. Въ первое время сроки соблюдались плохо, потому что крестьяне не привыкли въ прежніе годы къ бережливости и благоразумной распорядительности; крестьянскаго мальчугана, бывало, никогда не увидишь безъ куска хлѣба, который не столько съѣдался, сколько крошился и разбрасывался; но мало по малу, поддаваясь убѣжденіямъ и настояніямъ, почти всѣ стали являться за хлѣбомъ въ срокъ, назначаемый на томъ билетикѣ (по крестьянски—«ерлыкѣ»), который выдавался для полученія хлѣба изъ склада.

Дольше другихъ протестовали противъ сроковъ тѣ, которые брали хлѣбъ на деньги.

«Я вѣдь не даромъ, а за свои деньги, такъ что-ста тебѣ за дѣло? Ты деньги-то получай, а тамъ ужъ не твоя забота, хоть бы я и въ одинъ день все поѣлъ».

— Нельзя, другъ: хлѣба у насъ мало, хлѣбъ дорогой, а народу за нимъ приходится—видишь, сколько! Не беречь его, такъ многимъ отказывать придется. Ну, мы и рассчитываемъ по ѣдокамъ, чтобъ всякій былъ сытъ, да чтобъ и понапрасну, безъ толку и безъ надобности хлѣбъ не пропадалъ.

«А до срока такъ-таки и не отпустишь? А въ лавкѣ-то въ городѣ, что-жъ сроковъ не спрашиваютъ; только бери, сдѣлай милость да денежки подавай?»

— Здѣсь хлѣбъ продается не для барыша, а ради деревенской нужды. Самъ знаешь, половина села безъ хлѣба сидитъ. Барышнику что не больше продать, то лучше, а здѣсь приходится хлѣбъ беречь, чтобы на всѣхъ хватило, никто бы безъ хлѣба не остался. Потому и за деньги приходится отпускать на сроки.

Такія и подобныя объясненія приходилось повторять много разъ, пока удавалось преодолѣть мужицкую привычку не стѣсняться въ расходованіи хлѣба.

Возрастающая нужда заставляла попечительство расходовать свои средства крайне бережно и осмотрительно. Правда, что и средства его стали возрастать по мѣрѣ того, какъ въ городѣ измѣнялось отношеніе къ крестьянской нуждѣ, а измѣняться оно, какъ уже было сказано, стало съ декабря: усилились частныя пожертвованія, поступали пособія благотворительныхъ учрежденій. Но и времени впереди, до новаго урожая, еще было много.

Прискорбнѣ всего, что въ отношенія крестьянъ къ помощи попечительства стали обваруживаться весьма непріятныя измѣненія. Въ первое время замѣчалась большая доля застѣнчивости и совъѣтливости въ пользованіи помощью. Случалось наталкиваться на факты чрезвычайной стойкости въ нуждѣ и деликатности въ исканіи помощи. Случалось, что попечительство вынуждено было брать на себя починъ своевременнаго огражденія крестьянскаго хозяйства отъ разрушенія, когда нуждающіеся рѣшались пожертвовать всѣмъ, лишь бы не подвергаться униженію—протягивать руку за помощью. Воякая въ другое время баба нѣсколько разъ подходитъ къ воротамъ того двора, гдѣ производилось назначеніе пособій, и уходитъ прочь, потому что не въ силахъ преодолѣть чувство стыда, удер-

живающее ее отъ униженія просить о хлѣбѣ, хотя въ хатѣ нѣтъ ни куска. Пожилой мужикъ нѣсколько недѣль живетъ впргоолодь, но не просить помощи, а на совѣты сосѣдей—обратиться къ попечительству, отвѣчаетъ: «пусть сами придуть, а ужъ я не пойду!»—и дѣйствительно, пришлось самимъ идти къ нему. Другой, въ такомъ же положеніи, на вопросъ, почему онъ не просилъ помощи, говорить: «и безъ меня много,—развѣ я не вижу».

Замѣчательно, что такіа и подобныя проявленія стойкости и деликатности преимущественно обнаруживались со стороны самыхъ бѣдныхъ деревенскихъ обывателей. Зажиточные и богатые нерѣдко, къ удивленію, были очень нахальны.

«Другимъ даете, и мнѣ давайте! А это что за порядокъ: одному и хлѣбъ, и шено, а другому ничего?»

— Однѣмъ бѣдный, ему съ голоду приходится умирать безъ помощи, а у другого, слава Богу, непочатая кладушка стоитъ!

«Да у того-то каждый годъ неурожай, такъ ему каждый годъ и помогать, а онъ—лежи себѣ на печи».

— Въ другіе годы никому не помогали, всѣ сами кормились, кто своимъ хлѣбомъ, кто работой, да покупнымъ.

«Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а помогать, такъ всѣмъ помогать, а то никому не надо!»

Случалось, что зажиточные припрятывали зерно, муку, даже овецъ, чтобы казаться немущими и пріобрѣсти видимое право или на помощь попечительства, или на земскую ссуду, въ обязательность возвращенія которой они плохо вѣрили, да едва ли вѣрить и теперь. Проверка подворныхъ списковъ, порученная попечительству Земской Управы, для опредѣленія размѣровъ земской ссуды, была не только тяжелымъ трудомъ, но, главное—источникомъ большихъ непріятностей. Ссуды требовали всѣ, и многіе безъ всякой надобности; обременительность ея и значеніе круговой поруки они плохо понимали, да обязательность-то возвращенія, какъ уже было сказано, имъ казалась болѣе, чѣмъ сомнительною. Весьма немногихъ удалось убѣдить, чтобы они добровольно отказались отъ ссуды на этотъ разъ до слѣдующей (ссуда выдавалась нѣсколько разъ). Большая же часть зажиточныхъ крестьянъ, не нуждающихся въ ссудѣ, послѣ составленія протокола при участіи сельскаго старосты и понятыхъ, приходили упрекать, ругаться и угрожать. А когда получилась ссуда, тотчасъ въ городъ полетѣла жалоба, подъ которой, между другими, оказались имена и тѣхъ, которые добровольно отказа-

лись отъ этой ссуды до слѣдующаго раза. Пришлось писать объясненія и оправданія.

Неосновательность жалобы, которая прежде всего была вызвана жадностью и завистью пяти-шести зажиточныхъ домохозяевъ, къ которой пристали другіе изъ «стаднаго» чувства и подчиненія давящей силѣ первыхъ,—эта неосновательность была очевидна.

Правда, жалоба была оставлена безъ всякаго отвѣта, но, къ сожалѣнію, и безъ надлежащаго объясненія ея неразумности и неосновательности. Когда слѣдующая земская ссуда распространилась на всѣхъ домохозяевъ, потому что къ весѣ, дѣйствительно, всѣ проѣлись, то жалобщики объяснили это обстоятельство именно благотѣльнымъ вліяніемъ ихъ жалобы, откуда возникъ прямой выводъ, что они были правы и своей жалобой сдѣлали благо чуть не для всего села.

Но мало-по-малу почти всѣ теряли застѣчивость и благоразумное отношеніе къ помощи попечительства: просьбы стали замѣняться требованіями, иногда весьма грубыми, умѣренность — жадностью, доброжелательство — завистью и наговорами другъ на друга «на ушко»:

«Вотъ вы даете Кирилу Протопопову, а онъ земское зерно какъ получилъ, такъ и продалъ...»

— Да онъ получилъ полъ-пуда, на мельницу не стоило везти, потому зерно и продалъ, а на эти деньги у насъ купилъ муки: продалъ богатому по хорошей цѣнѣ, а мы продаемъ муку подешевле. У него и лошади нѣтъ, и жена больная!»

«Притворяется! Вы вѣрите, а мы знаемъ, какая она больная».

— Да ее докторъ видѣлъ, его не обманешь.

«А то еще даете Ильѣ Попову, а у него 50 рублей припрятано, — всѣ сосѣди знаютъ, кого спросите».

Попрошайство и лстивыя рѣчи перемѣшивались съ злыми намеками и угрозами: «Мы вами много довольны, вы наши кормильцы, — ужъ ради Бога, отпустите побольше, накиньте пудика два... «Я вѣдь не какъ другіе, въ глаза и то, и другое, а за ворота вышелъ — васъ же ругать или что, — вонъ какъ Кузя. Я за васъ денно и нощно Богу молюсь. Ужъ сдѣлайте божескую милость, отпустите мучицы пудика три да пшеница мѣрочку»...

«Взялись кормить, а сроки пишете да рты считаете, — кормильцы тоже!»... «Такъ не дадите? — ну, видно жалиться надо... Кирилу да Ильѣ есть, а мнѣ нѣтъ? — ну, я и къ начальству дорогу найду»... «Велѣно всѣхъ до-сыта кормить и чаемъ поить

а вы что? Небось чай-то съ сахаромъ для себя оставили, а мужицкимъ-то хлѣбомъ свою дворню откармливаете»... и т. п.

Въ декабрѣ наше село стали посѣщать ребятишки и бабы сосѣдняго села (Устья) съ просьбами о хлѣбѣ. Хотя это село не входило въ районъ нашего попечительства, долгъ человѣколюбія не позволялъ оставить эти просьбы безъ вниманія. Исслѣдованіе на мѣстѣ показало, что крестьяне Устья, бывшіе крѣпостные, обездоленные крайне плохимъ земельнымъ надѣломъ, недавно разоренные пожаромъ и оставленные безъ всякой помощи, страшно бѣдствуютъ. Пришлось оказывать имъ помощь, пока въ Устьѣ не организовалось (къ январю) свое дѣятельное попечительство.

Эта помощь сосѣдямъ тоже вызвала недовольство, ропотъ и упреки. «Своимъ на сроки даютъ, а чужимъ помогаютъ»... «Вамъ на Петино жертвуютъ, а вы въ Устьѣ раздаете»... «Для своихъ не хватаетъ, а для чужихъ есть»... «Чего они лѣзутъ сюда? у насъ хлѣбъ отбываютъ»... и т. п.

Словомъ сказать, чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе сказывалось вліяніе дарового хлѣба, въ соединеніи съ невольной праздностью, обусловливаемой безработицей.

Чтобы остановить это возбужденіе и развитіе челоѣконенавистническихъ и другихъ дурныхъ чувствъ, унижающихъ и искажающихъ челоѣческое достоинство, попечительство рѣшилось принять усиленныя мѣры для организаціи общественныхъ работъ. Въ декабрѣ произошла перемѣна въ настроеніи города по отношенію къ нуждающемуся крестьянину и надо было воспользоваться этой благопріятной перемѣной для приобрѣтенія средствъ на дѣло.

Опять, въ ожиданіи этихъ средствъ, были приглашены для совѣщанія выборные отъ крестьянъ, чтобы рѣшить, какія работы желательны и возможны, съ пользою для сельскаго общества и при готовыхъ, напрасно пропадающихъ, рабочихъ силахъ. Къ счастью, силы и здоровье нуждающихся были сбережены, благодаря своевременному началу помощи, оградившей крестьянъ отъ голодовки и питанія плохимъ хлѣбомъ,

Нечего было и думать о какихъ-нибудь грандіозныхъ работахъ, требующихъ большихъ затратъ, техническихъ познаній отъ руководителей и особыхъ споровокъ отъ рабочихъ. Надо было остановиться на работахъ полезныхъ для общества и навѣрно осуществимыхъ, не требующихъ большихъ затратъ, поспѣльныхъ и для руководителей безъ технической подготовки, и для рабочихъ мѣстныхъ крестьянъ.

Были намѣчены слѣдующія работы, соотвѣтствующія вышесказаннымъ условіямъ:

1. Колодцы въ разныхъ мѣстахъ села, которыхъ въ немъ было недостаточно, такъ что въ случаѣ пожара чувствовался недостатокъ воды, не смотря на близость такого громаднаго резервуара ея, какъ рѣка Донъ. Село расположено на очень высокомъ и крутомъ берегу рѣки, а потому рѣчная вода трудно доступна въ пожарныхъ случаяхъ. Эта полезная общественная работа представляла то удобство, что къ ней можно было приступить зимою. Возникъ вопросъ о срубкахъ, но выборные основательно предложили замѣнить деревянные срубы камнемъ. Правда, что и камень надо было купить у тѣхъ мѣстныхъ крестьянъ, которые наломали, накопили и заготовили его на берегу съ лѣта; но все-таки этимъ затрата на матеріалы удешевилась, да и покупка заготовленного камня у нуждающихся въ хлѣбѣ, при невозможности для нихъ иного сбыта въ данное время, не протворѣчала задачѣ попечительства.

2. Общественная баня, въ быту чернорабочаго люда — крайне необходимая въ санитарномъ отношеніи. Понятно, что зимой можно было заняться только подготовительными работами для этой постройки, которую приходилось отложить до весны.

3. Ограда или глубокій ровъ около кладбища, до сихъ поръ совершенно открытаго для всякой скотины.

4. Удобная и безопасная дорога къ селу отъ Дона, по обомъ берегамъ его, для спуска подъ гору и подъема на гору.

5. Ограда около мѣста, гдѣ прежде была церковь и находится часовенка, тоже совершенно открытаго и доступнаго для телятъ и свиней, которые обыкновенно и пребывали здѣсь лѣтомъ и осенью. Одинъ изъ выборныхъ сказалъ, что на этомъ мѣстѣ хорошо бы развести общественный садъ, и эта мысль всѣмъ понравилась.

6. Мостовая при вѣздѣ въ церковныя ворота, представляющѣмъ низменность, гдѣ застаивается вода и въ дождливую пору стоять непроходимая грязь.

7. Наконецъ и ввозъ, какъ работа необходимо сопровождающая всѣ прочія: надо вывозить съ берега на гору и на мѣста камень, надо везти изъ города разные матеріалы для постройки и т. п.

Представленія попечительства на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ: губернскій благотворительный Комитетъ назначилъ ему пособіе въ 300 руб. на матеріалы для общественныхъ работъ.

Работы начались съ января и продолжались безпрерывно до уборки новаго хлѣба: сперва копанье и обдѣлка колодцевъ, возка

камня и строительных матеріаловъ, потомъ (въ мартѣ) постройка бани и тесоваго забора около будущаго общественнаго сада, окапываніе глубокимъ рвомъ кладбаща, мощеніе въѣзда въ церковныя ворота, проведеніе дороги по крутому берегу Дона, устройство спуска къ рѣкѣ и подъема на гору, проведеніе удобной дороги черезъ логъ, въ которомъ поставлена общественная баня, наконецъ, разведеніе и поливка общественнаго сада, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то была церковь.

Открытіе работъ произвело, вообще говоря, самое благотворное вліяніе на мѣстное населеніе. За работу принялись охотно и усердно. Очевидно было, что безработица томить крестьянъ: «поработать руки чешутся», по выраженію поэта.

Дѣйствительно, русскому земледѣльческому люду свойственна, въ большинствѣ его представителей, нѣкоторая потребность работы: оно тяжеловато на подъемъ, на нововведенія въ своей жизни и своемъ земледѣльческомъ трудѣ, какъ они установились изстари, но не любитъ ни лежать праздно, ни словиться безъ дѣла. Конечно, не безъ исключеній: «въ семьѣ не безъ урода».

Въ зимніе мѣсяцы работы были весьма тяжелы и затруднительны при тѣхъ снѣгахъ и метеляхъ, которыми особенно изобиловалъ февраль. Трудно было и пѣшимъ работникамъ, и коннымъ, лошади которыхъ были крайне изнурены безкормицей. Все-таки уклоненій отъ работы почти не было.

Сперва, пока дѣло только начиналось и требовалось небольшое число работниковъ, попечительство наряджало на работы только тѣхъ крестьянъ, которые наиболѣе пользовались его помощью и получали больше другихъ бесплатнаго хлѣба, а потомъ, когда дѣло стало разрастаться (весной), допускало къ работамъ всѣхъ нуждающихся.

Вызовъ работниковъ, наблюденіе за работами и раздачу билетовъ («ерлыковъ») за рабочіе дни производили сельскія власти: староста, сотскій и десятскіе. Въ лицѣ старосты, Лукьяна Протопопова, честномъ, толковомъ и трезвомъ крестьянинѣ, каковы рѣдко бываютъ сельскіе старосты, попечительство нашло хорошаго исполнителя для своихъ распоряженій. Этой толковой исполнительности его много способствовало то обстоятельство, что его младшій братъ окончилъ курсъ училища, человѣкъ письменный, и постоянно помогалъ старшему брату своею грамотностью.

Тутъ то, въ эту тяжелую пору, умный Лукьянъ Протоповъ оцѣнилъ пользу книжнаго ученія и былъ видимо доволенъ, что

своевременно выучилъ грамотѣ брата: приходилось вычитывать распоряженія и земскаго начальника, и земской управы, и сельскаго попечительства, провѣрять и составлять разные списки, считать, подводить итоги, дѣлать надписи на «ерлыкахъ», выдаваемыхъ за работы и т. п.

«Ну, просто капутъ бы, кабы не Федюха! говорилъ намъ старикъ.

Само собой разумѣется, что работа крестьянъ оплачивается не деньгами, а хлѣбомъ и понемногу усчитывался въ заработную плату тотъ хлѣбъ, который работники брали отъ попечителя бесплатно раньше, до начала общественныхъ работъ.

Вообще говоря, работали безъ отговорокъ, горячо и добросовѣстно. Не только не отговаривались, но то и дѣло приходили за разрѣшеніемъ «поработаться». Мало по малу, даровой хлѣбъ сталъ обращаться въ трудовой. Кто прежде приходилъ за даровымъ хлѣбомъ, теперь приходитъ съ просьбой о работѣ или съ «ерлыками», дающими ему право на полученіе заработнаго хлѣба, — и теперь у него былъ уже другой взглядъ на, другое выраженіе лица, другая манера. Наши крестьяне, пострадавшіе отъ неурожая видимо смотрѣли бодрѣе, разумнѣе, веселѣе, увѣреннѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратались многіе поводы къ раздраженію, къ препирательствамъ и непріятностямъ; притихли и лстивыя рѣчи, и разговоры другъ на друга, и угрозы. Обнаружился замѣтный подъемъ духа, измѣнилось настроеніе, поднялось нравственное достоинство. Работа на общую пользу, хорошо оплачиваемая, какъ будто обрзала, отрезвила крестьянъ. Съ весной открылась работа и для бабъ, которыя, напримѣръ, обмазывали глиной бани, поливали садъ и т. п., и для подростковъ, принимавшихъ участіе въ копаніи рва около кладбища, ямокъ въ саду и пр. Оплачивался трудъ, дѣйствительно, не скупо: рабочій день засчитывался для коннаго работника до 75 коп., для пѣшаго до 50 коп., для работницы и подростка до 30 коп.

Притихшее съ осени село словно пробудилось послѣ временной дремоты, оживилось. Надо сказать, что вся эта зима прошла въ совершенной тишинѣ, даже можно сказать, безъ праздниковъ. Даже въ святки и на масляной не было ни пьяныхъ, ни пѣсенъ, ни гулянья, никакихъ обычныхъ признаковъ «улицы». Теперь же всякому проѣзжему бросалось въ глаза какое то небывалое оживленіе. Кучки рабочихъ сновали и копошились на горѣ (берегъ Дона), у церкви, у кладбища, въ логу, гдѣ строилась баня, у колодцевъ въ

разныхъ мѣстахъ: кто съ ломомъ, кто съ лопатой, кто съ топоромъ или пилой. Весело было смотрѣть на эту дружную, кипучую работу, и пріѣзжіе не на шутку дивились: что молъ это сдѣлалось съ Петинимъ?

Можно было опасаться, какъ и предсказывали нѣкоторые пессимисты, что полученіе очередной земской ссуды,—въ вѣдѣстной мѣрѣ, удовлетворившей нужду въ хлѣбѣ,—повлечетъ за собой охлажденіе къ работѣ и уклоненіе отъ нея. Пессимисты ошиблись. Не произошло ни малѣйшей остановки въ производствѣ работъ, которыя и были доведены благополучно до конца въ маѣ. Не помѣшали и весеннія полевые работы: односемейники дѣлились, одиночки отпрашивались на день, на два въ поле и возвращались. Число желающихъ работать на общество, отработывать и зарабатывать хлѣбъ не уменьшалось, а возрастало. Гораздо болѣе опасными для правильного хода работъ могли быть примѣры сосѣднихъ селеній, гдѣ происходила усердная даровая кормежка, и только чисто земледѣльческимъ складомъ жизни нашего села можно объяснить, что эта опасность миновала насъ. Правда, слышались глухіе толки о томъ, что вотъ, молъ, въ Малышевѣ или Устьѣ «кормятъ въ харчевнѣ даромъ», «барыни чаемъ поятъ», «а у насъ получай хлѣбъ да отработывай»... Но слышались и серьезныя возраженія: «вишь ты, чаю захотѣлъ, да ты его и въ урожайные то годы не пивалъ, смотри—въ голодный то годъ затянешься, а потомъ и будешь мужицкое добро на чайхъ пропивать»... «Не привычны мы къ чаю то, и привыкать не по что, не по карману». «Тебѣ бы лежать, да на даровщинку кормиться... Смотри, языкъ проглотишь, да бока отлежишь»... «И то, ребята, на печкѣ то лежать день деньской—ой напроскучить»... «Съ даровыхъ то харчей все не сытъ, не въ прокъ они, вонъ лезутъ, а трудовой то хлѣбъ—и сладокъ, и спорче... Толки толками, а работа не стояла. Да и толки эти не имѣли характера недовольства или ропота, а больше походили на случайныя обмолвки, на мимолетныя «мысли вслухъ». Конечно, повторяемъ, не обошлось безъ исключеній. Напримѣръ, неприятное впечатлѣніе производилъ здоровенный мужчина, который съ осени выпрашивалъ у попечительства хлѣба, утирая кулакомъ слезы, всхлипывая, какъ баба, валяясь въ ногахъ и обѣщаясь все отработать; но съ открытіемъ работъ онъ сталъ всячески отлынивать отъ нихъ, а въ мартѣ прямо отказался работать съ другими. Это, однако, не удержало его отъ настойчиваго выпрашиванья хлѣба съ тѣми же слезами, земными поклонами и обѣщаніями работать, которыя все-таки не приводились въ исполненіе. Между тѣмъ, по селу передавали

такія нахальныя рѣчи его: «Какъ же, пойду я работать?! Небось и такъ-ста прокормить!» «Въ Малышевѣ да въ Устьѣ почему не работаютъ?.. И мы такіе же мужики, не катаржины, нѣтъ, такъ и къ начальству дорогу то знаемъ тоже.» «Нашему брату хоть бы и кажинный годъ такъ то, мы на неурожай не жалимся, а работать не поидемъ»... «Небось не своимъ хлѣбомъ кормить, жертвеннымъ. Отъ казны нѣтъ указу, чтобъ работать»...

Къ счастью, это былъ единственный случай, въ которомъ обнаружилось злокачественное вліяніе соблазнительнаго примѣра сосѣднихъ селеній. Въ послѣдствіи и тамъ начали толковать о какихъ то работахъ и объ отпускѣ значительныхъ суммъ на это дѣло... Мы не знаемъ, произведены ли эти работы но и толки о нихъ были уже полезны, какъ отпоръ на претензіи въ родѣ вышеприведенной.

Санитарное состояніе населенія у насъ оставалось до конца вполнѣ удовлетворительно. Наблюденія частной лѣчебницы указываютъ, что число заболѣваній вовсе не увеличилось, сравнительно съ соотвѣствующими мѣсяцами прошлыхъ (урожайныхъ) годовъ. Всѣ работали охотно и хорошо. Нашлись свои умѣлые и плотники, и колодезники, и садоводы, и мостовщики, а кто не умѣлъ, тѣ скоро и легко перенимали необходимое умѣнье у другихъ. Только печника пришлось пригласить другого, да кровельщикъ и бондарь, дѣлавшій чанъ для бани, были хоть и мѣстные люди, но не входящіе въ составъ нашего сельскаго общества.

Здѣсь будетъ кстати привести таблицу, выбранную изъ записныхъ книгъ попечительствъ, довольно наглядно показывающую подъемъ и паденіе нужды въ хлѣбѣ за восемь мѣсяцевъ, начиная съ открытія дѣятельности попечительства и оканчивая іюнемъ. Намъ эта таблица представляется очень поучительною:

Мѣсяцы.	Пользовались помощью попечительства:			
	Вообще.		Безвозмездно.	
	Число семей.	Число душъ.	Число семей.	Число душъ.
Ноябрь	44	184	22	52
Декабрь	62	322	34	142
Январь	78	401	54	259
Февраль	80	406	32	124
Мартъ	60	313	11	36
Апрѣль	81	424	15	43
Май	77	401	9	35
Іюнь	102	553	35	147

Здѣсь принята во вниманіе исключительно помощь хлѣбомъ и не включена раздача пшена, мяса, творогу, соли, чаю, сахару, которая производилась, по мѣрѣ надобности и на основаніи непосредственнаго знакомства съ нуждающимися семьями, только безплатно.

Изъ приведенной таблицы видно, что нужда въ хлѣбѣ возрастала съ каждымъ мѣсяцемъ довольно правильно, и нарушение этой правильности замѣчается только въ мартѣ (пониженіе) и въ май (тоже), то есть въ мѣсяцы полученія земской ссуды, что весьма понятно. Наибольшаго напряженія она достигла въ іюнѣ передъ полученіемъ хлѣба новаго урожая, въ пору полного истощенія прежнихъ хлѣбныхъ запасовъ и наибольшей потребности въ готовомъ мѣстномъ хлѣбѣ по случаю полевыхъ работъ, крѣпко привязывающихъ земледѣльца къ мѣсту. А пользованіе даровымъ хлѣбомъ сперва усиливается и въ январѣ достигаетъ наибольшей силы, а съ февраля, т. е. съ открытіемъ общественныхъ работъ, быстро ослабѣваетъ. Правда, и тутъ правильность нѣсколько нарушается въ апрѣлѣ и въ іюнѣ, но это нарушение объясняется очень просто: въ первомъ случаѣ—праздникомъ, во второмъ—сокращеніемъ общественныхъ работъ, такъ какъ почти всѣ начатыя работы были уже окончены. За устраненіемъ указанныхъ и уже объясненныхъ уклоненій, таблица представляетъ два ряда цыфръ: первый, опредѣляющій движеніе и нужды въ хлѣбѣ вообще, графически можно выразить наклонной, идущей снизу вверхъ, а второй, опредѣляющій движеніе и нужды въ даровомъ хлѣбѣ, выражается кривой, сперва поднимающейся, потомъ опускающейся, причемъ начало пониженія, очень крутое, совпадаетъ съ началомъ общественныхъ работъ, а дальнѣйшій наклонъ соответствуетъ постепенному развитію этихъ послѣднихъ; новый подъемъ этой кривой, впрочемъ — далеко не достигающій высоты первого подъема, совпадаетъ съ сокращеніемъ работъ.

Изъ этого вытекаетъ само собой то заключеніе, что самая суть бѣдствія для мѣстнаго населенія заключалась въ безработицѣ,—и вотъ гдѣ слѣдовало своевременно сосредоточить всѣ усилія помощи.

И какъ подумаешь, что для этого требовалось только триста—не тысячъ, а просто рублей,—поневолѣ сдѣлается грустно...

Какъ бы то ни было въ концѣ «голоднаго года» въ селѣ Петинѣ оказались оконченными, къ общей пользѣ и общему удовольствію слѣдующихъ работъ, исполненныя нуждавшимися въ хлѣбѣ крестьянами:

1) Общественная баня, поставленная въ логу между

двумя частями села, старою, главною и новою, выселками, съ жельзною крышею и чаномъ въ ведеръ, съ запрудою и хорошимъ колодцемъ въблизи, съ рощею подъ бокомъ и хорошею дорогою на обѣ стороны луга. Крестьяне очень довольны этимъ общественнымъ приобритеніемъ и охотно пользуются имъ. Ключъ отъ бани хранятся у старосты, который наблюдаетъ за правильностію въ пользованіи ею и за опрятнымъ ея содержаніемъ.

2) Удобный спускъ къ рѣкѣ на одномъ берегу и удобный подъемъ, по широкой дорогѣ, на другомъ. Эта дорога радуетъ не только жителей села, но и проезжихъ, которые, бывало, постоянно бранили нашу «проклятую» гору, одинаково мучительную и для людей, и для лошадей.

3) Общественный садъ рядомъ съ церковью, обнесенный тесовою огорожею, съ приличными воротцами, съ цвѣтникомъ около часовни, обозначающей мѣсто престола прежней церкви, съ широкими дорожками усыпанными пескомъ и обсаженными по сторонамъ кленками, березками и яблонями. За садомъ наблюдаетъ церковный сторожъ, а за поливкой и полкой—крестьянскій мальчишъ, окончившій курсъ училища.

4) Широкий ровъ и валъ около кладбища, съ новыми деревянными воротами, защищающій его отъ нашествія лошадей, коровъ и свиней.

5) Каменная мостовая передъ церковными воротами, облагородившая въѣздъ въ церковную ограду.

6) Нѣсколько колодцевъ, обильныхъ водою, въ разныхъ мѣстахъ села: близъ церкви и общественного сада, на большой улицѣ, у бани, подъ горой на краю села.

Это, конечно, очень немного, но больше сдѣлать было и невозможно на тѣ маленькія средства, какія были въ распоряженіи попечительства, и при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ пришлось начинать работы, по причинѣ довольно запоздалаго поступленія и этихъ маленькихъ денежныхъ средствъ: съ осени была бы возможна болѣе выгодная подготовка къ общественнымъ работамъ, и работы эти было-бы можно предпринять въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Понятно, что трехъ-сотъ рублей, отпущенныхъ попечительству губернскимъ благотворительнымъ комитетомъ, могло хватить только на матеріалы для общественныхъ работъ, но не на оплату труда, которую попечительство и производило (хлѣбомъ) изъ своихъ средствъ, не пользуясь для этого скаванными 300 рублями. Изъ этихъ послѣднихъ, за расходами на матеріалы, на вознагражденіе

сельскимъ властямъ за присмотръ и т. п., осталось только 43 коп., которыя своевременно и препровождены попечительствомъ обратно въ комитетъ, при подробномъ отчетѣ. Для любознательныхъ читателей приводимъ общія цифры расходовъ:

Куплено камня у мѣстныхъ крестьянъ на . . .	27 р. 65 к.
Купленъ срубъ для бани у мѣстнаго крестьянина за	60 » — »
Куплено лѣсныхъ матеріаловъ въ добавокъ къ срубѣ, на огорожу къ саду и на ворота къ кладбищу на	82 » 54 »
Куплено разныхъ другихъ матеріаловъ (кирпича, желѣза, варенаго масла, красокъ, деревьевъ для сада, хлопьевъ и др.) на	72 » 28 »
Уплачено деньгами постороннимъ рабочимъ (кровельщику, печнику, бондарю), не входящимъ въ составъ мѣстнаго сельскаго общества	25 » 45 »
Израсходовано на доставку матеріаловъ изъ города	2 » 65 »
Выдано сельскимъ властямъ за хлопоты и присмотръ, отвлекавшіе ихъ отъ собственнаго хозяйства и отъ работы на себя и свою семью . . .	29 » — »
Возвращено губернскому благотворительному комитету въ видѣ остатка	— » 43 »

Итого 300 р.

Затѣмъ, попечительство оплатило трудъ мѣстныхъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая, хлѣбомъ изъ своихъ средствъ, за 3,107 рабочихъ дней.

Какъ ни скромны были наши общественныя работы, какъ ни ничтожны были средства, отпущенныя попечительству на организацію ихъ изъ средствъ государственной и общественной благотворительности, все-таки, благодаря этимъ работамъ, значительная часть крестьянъ мѣстнаго сельскаго общества, пострадавшихъ отъ неурожая, прокормилась удовлетворительно не даровымъ, а трудовымъ хлѣбомъ, и слѣдомъ «голоднаго» года въ селѣ остались не одни только тягостныя воспоминанія, но и кое-какія полезныя, хотя и весьма маленькія, общественныя пріобрѣтенія.

Уже въ половинѣ іюня попечительство получило на свои нужды еще значительную помощь въ 500 рублей.

Приди такая помощь раньше, она дала бы возможность значи-

тельно расширить общественныя работы, но въ это время было уже поздно предпринимать такое расширеніе, особенно въ виду приближенія новаго бѣдствія — холеры, скорое появленіе которой въ предѣлахъ нашей губерніи тогда уже не подлежало сомнѣнію. А потому пришлось дать этимъ деньгамъ другое назначеніе. Для поясненія послѣдняго, надо перейти въ другую область крестьянскихъ нуждъ, о которыхъ до сихъ поръ почти не приходилось говорить, но удовлетвореніе коихъ было одной изъ существенныхъ заботъ попечительства.

Это—забота о продовольствіи и сбереженіи скота, многими крестьянами вовсе потеряннаго, а у другихъ доведеннаго безкормицей до крайняго истощенія.

Потеря скота въ селѣ началась еще съ осени: продавали прежде всего овецъ, потомъ коровъ и лошадей, чтобы было на что купить хлѣба. Хотя попечительство, помогая нуждающимся, постоянно настаивало на сбереженіи скота, особенно лошадей, все-таки остановить эти потери не было возможности—вслѣдствіе безкормицы, которая, какъ понятно, возрастала съ каждымъ мѣсяцемъ.

Къ счастью, въ январѣ губернскій благотворительный комитетъ открылъ очень разумную и полезную операцію: снабженіе безлошадныхъ крестьянъ лошадьми, посредствомъ работы, и продовольствіе крестьянскихъ лошадей и самихъ крестьянъ-работниковъ за работу. Дѣло въ томъ, что у комитета было много извозной работы по доставкѣ хлѣба въ разныя мѣстности, пострадавшія отъ неурожая,—вотъ онъ и предложилъ безлошаднымъ крестьянамъ зарабатывать лошадей, а лошаднымъ—работать на своихъ лошадяхъ за продовольствіе.

Благодаря этой операціи благотворительнаго комитета, нѣсколько нашихъ безлошадныхъ крестьянъ возвратились домой на весну, къ рабочей порѣ, съ лошадьми и нѣкоторымъ запасомъ сѣна и овса. Надо было видѣть этихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, когда они пріѣхали домой, чтобы понять все значеніе одѣланнаго ими пріобрѣтенія. Пережѣна, происшедшая съ ними, просто била въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, какой ужъ земледѣлецъ, пахарь, безъ лошади! И какими унылыми, пришибленными, выглядывали эти безлошадные пахари раньше! Теперь, возвратившись съ заработанными лошадьми, они ободрились, повеселѣли, словно выросли, и смѣло можно рассчитывать, что губернскій благотворительный комитетъ далъ нашему сельскому обществу нѣсколько хорошихъ, исправныхъ домохозяевъ—земледѣльцевъ.

Нельзя обойти молчаніемъ отношеніе къ этимъ повеселѣвшимся домохозяевамъ односельцевъ—конечно, не всѣхъ, но многихъ. Когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ домой „на побывку“ на праздникъ, пріѣхалъ на своей лошади и въ своихъ санихъ (можно было зарабатывать и сани, и упряжку), веселый и довольный,—не привѣтомъ и лаской встрѣтили его односельцы, а бранью и угрозами: „ребята, смотри-ка, Кирюхѣ-то кривому лошадь дали...“ „ахъ ты кривой чортъ, да мы отнимемъ у тебя и лошадь и сани,—пушай на міръ идти!...“ „пушай и намъ лошадей дадутъ, а то и взаправду отнимемъ!“

А лошадка Кириллу попалась добрая, молодая, бойкая, сильная, хоть немножко и отошавшая. Мысль—отобрать у него лошадь—не на шутку занимала нѣкоторыхъ односельцевъ; пришлось разъяснить всю несправедливость и опасность всякаго насилія съ ихъ стороны по отношенію къ Кириллу, который не на шутку напугался. Зато, когда онъ уѣхалъ къ своей работѣ въ городъ, крестьяне, у которыхъ лошади были плоховаты (а у кого онѣ могли хорошо уберечься при полной безкормицѣ?), толпами стали осаждать попечительство: давай имъ „бумагу“ и посылай въ городъ за новыми лошадьми. „Кирюхѣ одноглазому—и тому хорошую лошадь дали, а мы будемъ почище его!“ Правда, тутъ говорило и горе, принесенное земледѣльческому люду неурожаемъ, дѣйствительная нужда, но была и значительная доля зависти, недоброжелательства, жадности.

Не менѣе важное значеніе для нашего земледѣльческаго села имѣла операція благотворительнаго комитета и по отношенію къ крестьянамъ, которые отправились работать со своими лошадьми.

Безкормица грозила гибелью всему рабочему скоту въ селѣ, да еще въ селѣ чисто земледѣльческомъ! Это было-бы бѣдствіе трудно поправимое. И вотъ, болѣе двадцати пахарей, съ ихъ лошадьми, спаслись благодаря тому, что работали на благотворительный комитетъ. Они возвратились домой съ поправившимися лошадьми и съ запасомъ сѣна и овса на рабочую пору.

Важно, что все это добро досталось крестьянамъ не даромъ, а заработано ими, хотя и на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Но затѣмъ въ селѣ все таки ощущалась большая нужда въ кормахъ для сохранившихся лошадей и коровъ, да и безлошадныхъ оставалось довольно, потому что для благотворительнаго комитета требовалось ограниченное число работниковъ, и оно не могло удовлетворить всѣхъ нуждающихся въ лошадяхъ и кормахъ.

Надо сказать, что крестьяне не съ перваго раза поняли и оцѣ-

нили благотворительное значеніе операціи благотворительнаго комитета съ лошадьми. При началѣ высказывались опасенія, что и лошадей-то дають плохихъ, заморенныхъ, въ 5—10 рублей, а въ книжку за нихъ пишутъ по 30—40, и работа-то трудная, безъ отдыха, такъ что свою лошадь какъ разъ погубишь. Когда-же появился въ селѣ на побывку первый безлошадникъ съ лошадью, полученной отъ комитета, всѣ „ахнули“ и, какъ уже было говорено, азартно толковали о томъ, чтобы отнять у кривого Кирилла „дареную“ лошадь для міра. А когда пріѣхали на побывку работавшіе на своихъ лошадяхъ, которыя видимо отъѣлись и поправились на хорошихъ кормахъ, тогда всѣ пожелали ѣхать со своими лошадьми на работу въ городъ, хотя все-таки не было полного довольства со стороны пріѣхавшихъ. Припоминается оригинальный разговоръ съ однимъ изъ нихъ.

— Ну, что, Борисъ, хорошо работать на комитетъ?

„Лошадямъ ужъ такъ-то хорошо,—и сѣно тебѣ, и овесъ... Очинно хорошо. Ну, а намъ никакого удовольствія нѣтъ...“

— Какъ такъ, голодный ты что-ли пріѣхалъ?

„На обѣдъ тебѣ щи да хлѣбъ, а вечеромъ одинъ хлѣбъ,—вотъ тебѣ и вся недолга, никакого удовольствія...“

— Да вѣдь ты сытъ, слава Богу?

„Ну, еще-бы, вѣстимо сытъ, про это что и говорить...“

— Такъ какое-же тебѣ еще удовольствіе надо,—ты сытъ, лошадь сыта,—и слава Богу...

„Бога надо благодарить, это вѣрно...“

— Лошадямъ—это точно, лучше не надо, ну а намъ...“

Такъ онъ и стоялъ на своемъ, что „нѣтъ ему никакого удовольствія“, но какого именно онъ ожидалъ и желалъ „удовольствія“, этого отъ него добиться не удалось.

Между тѣмъ, подходила весна, время бездорожицы и разлива рѣкъ, когда Донъ обыкновенно отрѣзываетъ наше село и весь край по сю сторону рѣки отъ города, а затѣмъ важная пора пахоты и посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Понятно, что у нашихъ земледѣльцевъ забота о собственномъ продовольствіи какъ-то отошла на второй планъ, тѣмъ болѣе, что для этого послѣдняго продовольствія въ февралѣ получилась земская ссуда, а на первый планъ выдвинулась забота о рабочемъ скотѣ, доведенномъ безкормицей до крайняго истощенія. Скоро пахать, а у многихъ лошади едва ноги волочать, и поправить ихъ нечѣмъ, кормовъ не стало. И въ томъ селѣ сосѣдняго уѣзда (Нижнедѣвицкаго), гдѣ казался неистощимый запасъ ржаной соломы (правда, порядочно дорогой), до 2 руб. за

копну), этому запасу пришелъ конецъ. Съ унылымъ видомъ возвращается нашъ мужикъ изъ этого села и съ какимъ-то ужасомъ извѣщаетъ: «нѣтъ больше соломы и тамъ, ни за какія деньги нѣтъ!»

Оставалась кое-гдѣ старая, полусгнившая солома на дворахъ и на сараяхъ; плохо принимали этотъ кормъ лошади и коровы. Чтобы улучшить питаніе наличнаго крестьянскаго скота, была устроена продажа соли по дешевой цѣнѣ, по 10—12 коп. за пудъ, которую попечительство получало въ кредитъ отъ губернскаго благотворительнаго комитета, уплачивая долгъ по мѣрѣ распродажи. Съ тою же цѣлью было роздано наиболѣе нуждающимся бесплатно: 50 пудовъ подсолнечнаго жмыха и 50 пуд. кавказскаго сѣна, полученнаго отъ уѣзднаго попечительства. Распределение и раздача жмыха и сѣна были произведены при участіи сельскаго старосты и выборныхъ отъ общества, во избѣжаніе претензій и ропота. Но всетаки безъ неудовольствій, безъ попрошайства, завистливыхъ претензій, злыхъ намековъ и дрягъ дѣло не обошлось. Достаточнымъ было предоставлено право покупать сѣно по дешевой цѣнѣ (27 коп. за пудъ) непосредственно въ благотворительномъ комитетѣ, который успѣлъ распорядиться о своевременной доставкѣ его съ Кавказа.

Приближеніе безкормицы и разлива, создающаго всегда изолированное положеніе для всей за-Донской мѣстности, не на шутку пугало наше попечительство. Необходимо было сдѣлать кое-какіе запасы не только для своего района, но и для сосѣднихъ селеній. заботу о которыхъ неоднократно возлагали на него благотворительныя учрежденія, поручая изслѣдованіе ихъ нужды, а также раздачу зерна и муки нуждающимся. Нужны были значительные запасы и для раздачи, и для продажи по удешевленной цѣнѣ, а денегъ не хватало.

Къ счастью, удалось получить отъ губернскаго благотворительнаго комитета въ кредитъ 600 пудовъ соли и 800 пудовъ зерна (пшеницы, ржи и ячменя). Такъ уладилась продажа соли и зерна на все время разлива и бездорожицы.

Въ это-же время попечительство получило значительныя пожертвованія: 150 пудовъ пшеницы изъ Кубанской области, отъ А. Т. Игнатьева, и 600 пудовъ муки отъ комитета британско-американской церкви изъ пожертвованій американскаго народа въ пользу русскихъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Такимъ образомъ оказалось возможнымъ подѣлиться своими

запасами (мукой) и съ селеніями, не входящими въ районъ попечительства.

Трудная пора разлива и бездорожицы, изолированного положенія была прожита благополучно, безъ нужды и безъ болѣзней. Благополучно совершились и яровые посѣвы. Благодаря заботливости земства, ссуда на обмѣненіе, овесъ и просо, была переправлена черезъ Донъ до разлива.

Сѣмяннымъ картофелемъ для наиболѣе нуждающихся попечительство запаслось покупкою еще съ зимы, а другимъ была дана возможность покупать его по дешевой цѣнѣ въ благотворительномъ комитетѣ: время для посѣва было неопоздано и по окончаніи разлива, когда открылся путь въ городъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ наше попечительство получило въ свое распоряженіе 500 р. отъ Московскаго Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Елисаветы Ѳеодоровны, и это полученіе ему дало возможность оказать денежную помощь нуждающимся крестьянамъ для пріобрѣтенія лошадей—въ тѣ семьи, гдѣ имѣются работники, и коровъ, если въ семьѣ работника нѣтъ, а есть работницы и малыя дѣти. Сто рублей оно удѣлило для той-же цѣли въ распоряженіе сосѣдняго сельскаго попечительства (Еманецкаго). Въ своемъ районѣ получили денежную помощь 29 семействъ: только помощь, не свыше 15 рублей, способную возстановить пострадавшее крестьянское хозяйство только при участіи усиленнаго личнаго или семейнаго труда.

Справедливость требуетъ сказать, что и эта помощь, при всей ея умѣренности и осторожности, сопровождалась непріятными и неспмпатичными проявленіями крестьянскихъ нравовъ.

Прежде всего, воѣ пожелали купить новыхъ лошадей и получить помощь,

«Да у тебя есть лошадь, а помогаютъ безлошаднымъ»...

— Да она плохая, отощала дужо, обезсильничала,—я хотѣлъ ее продать, а купить другую.

«Хоть не очень хороша да есть, работать на ней можно,—ну, и благодаря Бога, а выдать тебѣ помощь нельзя, не подходитъ».

— Ну, я къ начальнику пойду...

«Иди, если хочешь,—это твое дѣло».

Приходить другой.

«Что тебѣ?».

— Помогите лошадку купить.

«Да у тебя есть лошадь».

— Есть да одна, а мы другую хотца... Допрежь мы по три держали...

«То было допрежь, а теперь хоть бы у всѣхъ по одной было. Помогаютъ, у кого ни одной вѣтъ, и то на всѣхъ не хватить».

Потомъ пошли сплетни, подвохи, жалобы.

«Вы вотъ помогли Дмитрію, а онъ половину денегъ ужъ промоталь... лучше бы мы дали, я ужъ не промотаю»...

— Вы вотъ дали Аксинѣ на корову, а она телушку купила, остатныя деньжонки пропила, да и телушку-то продавать собирается... все пустое, только деньгамъ переводъ...

«Даете, кому не слѣдуетъ: Андрею Давыдову дали на лошадь, а у него и такъ своя лошадь была... Ѳедоту Поликарпову дали, а онъ и не думалъ лошади покупать, ушелъ себѣ въ Ростовъ и денежки унесъ... Александрѣ Срывкиной дали, а она васъ же на всѣхъ перекресткахъ ругаетъ... Лучше мы помогите, я за васъ весь вѣкъ буду Бога молить»...

И все вздоръ, выдумки, сплетни: Дмитрій полученныя денегъ не проматывалъ, Аксиня телушки не покупала и не продавала, у Андрея Давыдова лошадь была только приторгована, да денегъ нехватило, Ѳедоту Поликарпову (вѣрнѣе его женѣ) деньги были даны не на лошадь, а на корову, онъ точно ушелъ въ Ростовъ, но денегъ не уносилъ, и его баба купила корову, Александра Срывкина, можетъ быть и ругала за глаза того, кто ей далъ деньги, но не въ томъ дѣло: все-таки она купила добрую коровку и повѣтъ молокомъ своего больного «никудышнаго» мужа и цѣлую ораву малыхъ ребятъ.

Вообще этотъ годъ тяжелаго бѣдствія былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, экзаменомъ, испытаніемъ для нравственнаго достоинства нашего крестьянства, обнаружившимъ довольно ярко и его хорошія симпатичныя стороны, и его недостатки, воспитавшіеся въ-ками подъ давленіемъ многихъ вишнихъ обстоятельствъ. Безполезно восхвалять первыя и ругать вторыя, преклоняться и разносить; но очень важно выяснять, опредѣлять тѣ и другіе, освобождающія отъ фантастическихъ и фальшивыхъ представлений, отъ лжи и заблужденій, которыми такъ переполнены наши представленія о родномъ народѣ.

Прежде всего, бьетъ въ глаза неистощимая масса изумительнаго терпѣнія и почти нечеловѣческой выносливости. Нерѣдко замѣчается и большая доля снѣтливости въ исканіи помощи, явное предпочтеніе трудового хлѣба даровому, за весьма немно-

гими исключеніями. А рядомъ—огромная способность къ самому тяжелому труду. Эта добродушная, рѣдко-унылая, а по большей части-почти веселая выносливость, эта нѣсколько грубоватая со-вѣстливость, эта наивная неразборчивость въ работѣ, готовность къ самому грубому воловьему труду изъ-за куска хлѣба,—иногда дивитъ и трогаетъ, иногда возмущаетъ и раздражаетъ...

Съ другой стороны, вы видите полную неумѣлость, да, пожа-луй, и нежеланіе устроить свою жизнь по-человѣчески, отсутствіе всякихъ потребностей и привычекъ самой элементарной человѣческой порядочности. Видите совершенную темноту относительно своихъ правъ и обязанностей. Нѣтъ ничего легче и проще, какъ обидѣть, обокрасть, разорить нашего мужика. Онъ не знаетъ, что ему можно и чего нельзя, въ какихъ случаяхъ, въ какихъ отно-шеніяхъ и въ какой мѣрѣ гарантирована его личность и его ооб-ственность, куда и въ какихъ случаяхъ онъ можетъ обращаться за охраной, защитой, помощью. У него не соединяется никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій съ словами: земство, земскій начальникъ, земская полиція, губернаторъ и т. д. Онъ плохо и смутно понимаетъ сущность «ссуды», «круговой поруки», «мір-скаго приговора», «запаснаго общественнаго магазина», «взаим-наго земскаго страхованія». Въ своемъ хозяйствѣ онъ знаетъ только дѣдовскій обычай и въ предѣлахъ этого обычая часто ве-деть дѣло вполне хорошо, но всякое новое осложненіе, видоизмѣ-неніе условій хозяйства, производительности земли и труда,—ста-вить его въ тупикъ и въ безпомощное положеніе.

Въ связи съ крайней узостью и неизмѣнностью понятій, нахо-дится бѣдность общественнаго чувства, если не называть таковымъ «стадное» чувство, которое иногда влечетъ даже толковаго и добро-нравнаго мужика къ участію въ скверномъ дѣлѣ, не только неспра-ведливомъ и неразумномъ, но часто прямо таки невыгодномъ, и очень слабое развитіе истинно-христіанскихъ чувствованій, любви къ ближнему, доброжелательства, состраданія. Напротивъ, въ немъ очень скоро и легко возбуждается зависть, мелкое себялюбіе, почти чело-вѣконенавистничество—и не только по отношенію къ посто-роннему, «не-мужику», который вообще не пользуется (и не безъ важныхъ причинъ) его расположеніемъ и довѣріемъ, но и къ своему брату-мужику, даже къ своему родному, единокровному и едино-утробному, брату. О недовѣріи его и нѣкоторой враждебности ко всякому «не-мужику» уже было говорено въ этихъ очеркахъ, и

были указаны причины этого явленія, которое въ нашемъ крестьянствѣ очень упорно: какъ быть, «дѣло вѣковъ поправлять не легко».

Все сказанное нѣсколько противорѣчитъ именно тому идеальному представленію о нравственномъ достоинствѣ нашего народа, которое старались и стараются внушить намъ нѣкоторые народопоклонники, но всякое идолопоклонство тѣмъ-то и не хорошо, что въ основѣ его лежитъ ложь и заблужденіе, самообманъ и эгоизмъ, а не истина и любовь.

Помочь намъ можетъ только широкое умственное развитіе, да школа съ общеобразовательной программой и воспитывающимъ характеромъ, обоснованнымъ на той-же общеобразовательной программѣ; нужно беречься формальной религіозности, внутренне пустой, чиновической педагогики съ журналами, свидѣтельствами, похвальными листами и вишней дисциплиной, а также и той лже-педагогики, которая полагаетъ всю суть дѣла народной школы въ грамматику и орфографію родного языка для мнимаго уравнинія ея съ средней классической школой.

Въ іюлѣ у насъ явилась надежда, что бѣдствіе проходить. Виды на урожай были не особенно блестящіе, но—сравнительно съ прошедшимъ годомъ—куда лучше. Во-первыхъ, несомнѣнное обиліе сѣна на заливныхъ лугахъ. Донъ на этотъ разъ разливался два раза и очень широко, трава на лугахъ выросла высокая и густая, а погода, въ половинѣ іюня, вполне благопріятствовала уборкѣ сѣна; по берегу рѣки выстроился длинный рядъ душистыхъ и увѣсистыхъ стоговъ. Дождей было довольно. Правда, для ржи они немножко запоздали, но все таки можно было ожидать не только возвращенія сѣмянъ, а яровые хлѣба, особенно просо, позволяли разсчитывать на доброе вознагражденіе за годовой постъ. При такихъ-то условіяхъ, попечительство, 20 іюля, отслужило торжественный благодарственный молебенъ Господу Богу на сельской площади, противъ церкви и новаго общественнаго сада, съ поднятіемъ святыхъ иконъ и колокольнымъ звономъ.

Труды попечительства казались оконченными, какъ пришли вѣсти о приближеніи новаго бѣдствія: въ предѣлы губерніи уже вступила грозная гостья—холера. Въ виду у попечительства появилась новая забота. Но эта забота и новое народное бѣдствіе—не входить въ «итоги голоднаго года». Подведемъ-же эти «итоги» и постараемся извлечь изъ совокупности изложенныхъ фактовъ, обобщенные заглавіемъ этого очерка, «урока».

А. Сводъ прихода и расхода воѣхъ денежныхъ поступленій.

П р и х о д ъ.

Пожертвовано и собрано частными лицами . . .	808 р. 13 к.
Собрано съ лекцій и спектаклей ¹⁾	105 » 98 »
Отпущено благотворительными учрежденіями . . .	800 » — »
Получено за проданное зерно, муку, соль и пр.	
отъ жителей петинскаго района	868 » — »
Тоже отъ постороннихъ	593 » 48 »
	<hr/>
	3.175 р. 59 к.

Р а с х о д ъ.

Куплено хлѣба (зерна, муки, пшена) на . . .	1.840 р. 83 к.
» мяса	45 » 70 »
» соли	76 » 50 »
» картофеля	40 » — »
» чаю и сахару	3 » — »
» дезинфекціонныхъ и лѣчебныхъ сред.	
въ виду приближенія холеры	14 » 19 »
Издержано на матеріалы и другіе расходы по общественнымъ работамъ	299 » 57 »
Возвращено благотворительному комитету, въ видѣ остатка отпущенныхъ на общественныя работы денегъ	— » 43 »
Выдано крестьянамъ петинскаго района въ помощь на покупку лошадей и коровъ и т. под. . .	338 » 20 »
Отпущено въ помощь сосѣднему сельскому попечительству (Еманецкому)	104 » 50 »
Уплачено священнику за молебствія	15 » — »
Отослано г. американскому консулу на семейство погибшаго машиниста парохода «Индиго» ²⁾ . . .	20 » — »
Расходы по доставкѣ зерна и пр.	9 » 67 »
	<hr/>
	2.807 р. 59 к.
Остатокъ	368 » — »
	<hr/>
	3.175 р. 59 к.

¹⁾ Спектакли были исполнены въ мѣстномъ сельскомъ театрѣ бывшими учениками и ученицами училища.

²⁾ Попечительство сочло нравственнымъ долгомъ принять участіе въ дѣлѣ помощи семейству погибшаго машиниста на томъ пароходѣ, который шелъ въ Россію съ американскимъ хлѣбомъ, и открыло на сей предметъ особую подписку въ своемъ районѣ.

Б. Сводъ прихода и расхода пищевыхъ матеріаловъ.

(въ руб. и коп.).

Приходъ.

Куплено зерна, муки, пшена, мяса, соли, картофеля, чаю, сахару на	2,006 р. 3 к.
Пожертвовано зерна, муки, пшена, творогу на	926 » 16 »
Отпущено бесплатно благотворительными учреждениями:	
для петинскаго района—зерна, муки, сухарей, пшена, соли, чаю, сахару, жмыха, сѣна на	871 » 70 »
Для селеній, не входящихъ въ районъ петинскаго попечительства, — зерна, муки, сѣна: для Еманецкихъ хуторовъ на	66 » — »
для села Дѣвицы на	410 » — »
Налогъ, при продажѣ купленнаго зерна и соли на расходы по доставкѣ и на потери	20 » 91 »
Итогъ	4,300 р. 80 к.

Расходъ

Продано зерна и муки въ предѣлахъ своего района на	800 р. 53 к.
Тоже соли и картофеля на	67 » 47 »
Продано зерна постороннимъ на	558 » 75 »
Тоже соли на	34 » 73 »
Роздано крестьянамъ своего района за работу (за 3167 рабочихъ дней) зерна и муки на	1,478 » — »
Роздано крестьянамъ своего района бесплатно: зерна, муки, сухарей, пшена, соли, мяса, картофеля, творогу, чаю, сахару, сѣна, жмыха на	674 » 9 »
Роздано бесплатно постороннимъ крестьянамъ: въ село Устье — муки, мяса, соли, чаю, сахару, на	63 » 69 »
въ Еманецкіе хутора зерна и муки на	117 » 15 »
въ село Дѣвицу зерна и муки на	461 » 26 »
въ хуторъ Голосеевку муки на	33 » — »
Осталось зерна, муки, сухарей на	39 » 13 »
Итогъ	4,300 р. 80 к.

В. Общій сводъ прихода и расхода всѣхъ пожертвованій и пособій, полученныхъ попечительствомъ.

(въ руб. и коп.).

Приходъ.

Пожертвованій денежныхъ	914 р. 11 к.
Пожертвованій пищевыми матеріалами на . .	956 » 16 »
Помощи денежной отъ благотворительныхъ учрежденій	800 » — »
Помощи пищевыми матеріалами отъ благо- творительныхъ учрежденій:	
собственно на Петинскій районъ на	871 » 70 »
на Еманецкіе хутора и село Дѣвицу на	476 » — »
Пожертвованіе двухъ членовъ на кормленіе дѣтей въ школъ и въ особой столовой	115 » 20 »
Налогъ, при продажѣ соли, зерна и муки, на расходы по доставкѣ и потери	20 » 91 »
<hr/>	
Итогъ	4,124 р. 8 к.

Расходъ.

Расходы пищевыми матеріалами въ предѣлахъ Петинскаго района	647 р. 9 к.
Расходы деньгами	377 » 6 »
Расходы на матеріалы и пр. по общественнымъ работамъ	299 » 57 »
Возвратъ въ благотворительный комитетъ изъ денегъ, отпущенныхъ на работы	— » 43 »
Расходы хлѣбомъ на вознагражденіе за работы крестьянамъ своего района	1,478 » — »
Кормленіе дѣтей въ школъ и въ особой столовой . .	115 » 10 »
Расходы пищевыми матеріалами внѣ своего района	675 » 10 »

Расходъ деньгами на Еманецкое попечительство	104 р. 50 к.
Расходъ на помощь семейству погибшаго ма- шиниста парохода «Индиго»	20 » — »
Остатокъ пищевыми продуктами	39 » 13 к.
Остатокъ деньгами ¹⁾	368 » — »
<hr/>	
Итогъ	4,124 р. 8 к

«Голодный» годъ пережить. Оглядываясь назадъ, подводя итоги подъ этимъ тяжелымъ годомъ, съ его бѣдствіями, нельзя не задуматься о будущемъ и не постараться извлечь для него нѣсколько уроковъ изъ пережитыхъ испытаній и затрудненій. Такой именно смыслъ будутъ имѣть предлагаемые заключительные выводы этого очерка. Само собой разумѣется, что вовсе не предполагается придавать этимъ выводамъ какое-то рѣшающее и общее значеніе, но думается, что они и безъ такой претензіи будутъ не бесполезны, въ случаѣ повторенія (весьма возможнаго) у насъ неурожая, хотя и не тѣхъ размѣрахъ, какіе онъ принялъ въ послѣдній разъ.

1. Безхлѣбцу, грозящую голодовкой, всегда можно и должно предвидѣть и опредѣлить заблаговременно, а скрывать (маскировать) вѣроятность ея постыдно, неблагоразумно и опасно.

2. Опредѣливъ приближеніе безхлѣбцы, обязательно, безъ замедленія, обезпечить крестьянство продовольствіемъ, отнюдь не допуская его до голодовки, до питанія суррогатами и хлѣбомъ дурного качества, съ подмѣсями, до истощенія физическихъ силъ и упадка духа.

3. Лучше помогать крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, — не внѣ семьи, а въ самыхъ семьяхъ, улучшая семейное питаніе, приблизительно, до установившейся въ народномъ быту нормы, не отрывая отъ семейнаго очага немногихъ и не оставляя безпомощнымъ большинство, — безъ нарушенія установивша-

¹⁾ Этотъ остатокъ хранится въ видѣ запаса на предстоящую зиму. Каковъ бы ни былъ урожай этого лѣта (а въ общемъ онъ, вѣроятно, будетъ только средній), все-таки онъ не дастъ возможности поправиться всему мѣстному населенію послѣ тяжелаго «голоднаго» года. Помощь еще понадобится, и попечительство не можетъ не радоваться, что въ его распоряженіи остается небольшой запасъ для оказанія этой помощи.

гося семейнаго строя, безъ поводовъ къ зависти, попрекамъ, разладу.

4. Необходимо, рядомъ съ заботой объ удовлетворительномъ питаніи, всячески противоѣдствовать разрушенію крестьянскаго хозяйства, соединяемому съ продажей скота, особенно лошадей, съ залогомъ земли, съ передачей посѣвовъ кулакамъ и т. под.

5. Слѣдуетъ избѣгать, кромѣ крайнихъ случаевъ, даровой помощи и даровой кормежки, въ какомъ бы то ни было видѣ, а для этого можно и должно: во-первыхъ, противоѣдствовать возвышенію цѣнъ на хлѣбъ посредствомъ организаціи на мѣстѣ торговли зерномъ или мукой, хорошаго качества, по удешевленной цѣнѣ, во-вторыхъ, противоѣдствовать безработицѣ, обыкновенно слѣдующей за безхлѣбницей, посредствомъ организаціи общественныхъ работъ на мѣстѣ, съ хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ—не деньгами, а зерномъ и мукой.

6. Объ организаціи общественныхъ работъ возможно и должно позаботиться заблаговременно, какъ только опредѣлилась вѣроятность безхлѣбницы и безработицы, чтобы своевременно сдѣлать необходимыя приготовленія и выработать планъ. Обдумывая планъ работъ, надо, прежде всего, имѣть въ виду такія потребности и пользы мѣстнаго общества, которыя остаются безъ удовлетворенія по необходимости его, по недостаточной культурности нашего крестьянства и за отсутствіемъ въ немъ разумной общественности. Пользуясь напрасно пропадающими рабочими силами, въ одинъ такой тяжелый годъ, доставляя крестьянству возможность прокормиться своимъ трудомъ, можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, много упорядочить и облагодѣлать наши безпорядочныя русскія села и деревни, а потому деньги, затраченныя на общественныя работы, разумно поставленныя, будутъ затрачены съ двойной пользой. Само собой разумѣется, что организація общественныхъ работъ должна также имѣть въ виду наличныя рабочія силы, чтобы руководители ихъ обладали достаточными техническими знаніями для руководства ими, а мѣстные работники—необходимыми споровками и умѣньемъ для выполненія ихъ.

О необходимости и громадномъ значеніи хорошо поставленной народной школы, съ широкой общеобразовательной программой и разумнымъ воспитывающимъ характеромъ, объ этомъ самомъ существенномъ изъ всѣхъ итоговъ и уроковъ «голоднаго» года,—уже было говорено нами раньше, и нѣтъ неудобности здѣсь повторять этотъ безспорный выводъ.

ХІІІ.

Крестьянство и крестьянская школа на мѣстной сельско-хозяйственной выставкѣ.

Осенью 1894 года въ Воронежѣ происходила большая сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка, продолжавшаяся съ 8 до 26 сентября. Она была устроена по весьма широкой программѣ, которая обнимала и земледѣліе, и животноводство, и садоводство, и лѣсоводство, и кустарные промыслы, и земское дѣло. Въ составъ земскаго отдѣла, по программѣ, входило и народное образованіе.

Для выставки были отведены: обширный залъ дворянскаго дома, съ хорами и примыкающими къ нему комнатами, просторный садъ при дворянскомъ домѣ и двѣ большія площади.

Въ общемъ выставка удалась. Экспонентовъ и экспонатовъ явилось очень много—не только изъ Воронежской, но и изъ другихъ губерній и городовъ, даже весьма отдаленныхъ, какъ напримѣръ: извѣстный Тверской дѣлатель по животноводству г. Верещагинъ, экипажи изъ Минской губерніи, земледѣльческія орудія Лингардта изъ Москвы, издѣлія Пермскихъ, Вятскихъ и Вологодскихъ кустарей. Было понастроено не мало очень красивыхъ павильоновъ, со вкусомъ декорированныхъ. Оркестръ духовой музыки чередовался съ весьма музыкальнымъ звономъ отлично подобранныхъ колоколовъ мѣстнаго колокольнаго завода Д. Г. Самофалова. Все это придавало выставкѣ какой-то праздничный и торжественный характеръ.

Выставку ежедневно посѣщала масса любопытныхъ. Бывало до шести тысячъ посѣтителей въ день, кромѣ безплатныхъ, которыхъ не считали. Общее число платныхъ посѣтителей за все время было 38.568 человекъ и сборъ достигъ 8.231 руб.; билеты продавались нѣсколько дней по 50 к., а потомъ по 20 коп.

Само собою разумѣется, что въ городѣ выставка возбудила большое оживленіе привлекла большой пріѣздъ и взбудоражила вялую и тихую мѣстную жизнь провинціального общества.

При комитетѣ выставки все время происходили доклады, велись бесѣды по разнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства и выходилъ ежедневный «Листокъ» съ извѣстіями о выставкѣ, спеціальными статьями, объявленіями.

Наиболѣе интереснымъ и богатымъ оказался отдѣлъ «животноводства», такъ какъ Воронежская губернія изобилуетъ конскими за-

водами, хорошими лошадьми и превосходными образцами всякаго домашняго скота.

Хорошо было представлено «садоводство» и «лѣсоводство».

Былъ очень остроумный домикъ, построенный изъ песку (съ известкой). Были очень интересныя произведенія кустарной промышленности, но преимущественно не Воронежскія... Прекрасныя работы выставило мѣстное училище слѣпыхъ, которые тутъ же, на глазахъ публики, и производили свои работы: шили, визали, плели и т. п., а публика дивилась и ахала, волухъ выражая недоумѣнiе, какъ это могутъ «слѣпеньки» такъ хорошо работать, и свои сожалѣнiя, что Богъ не далъ зрѣнiя этимъ «несчастливымъ дѣтямъ». Иногда эти «аханья» и сострадательныя рѣчи становились ужъ слишкомъ наивными и безцеремонными... Думается намъ, что не слѣдовало бы «выставлять», на ряду съ неодушевленными экспонатами, несчастныхъ слѣпыхъ дѣтей. Какъ хотите, это немножко жестоко и можно было ограничиться выставкой ихъ работъ. Кстати сказать, какъ разъ во время выставки этихъ несчастныхъ дѣтей зачѣмъ-то приводили, какъ «зрителей», на публичный вечеръ—смотреть картины волшебнаго фонаря: что это, недомыслие, или легкомысленное гауменiе надъ дѣтьми, обиженными природой?

Думается, что не было надобности выставлять и сиротъ, для которыхъ въ Саратовской губернiи устроенъ прiютъ однимъ изъ земскихъ начальниковъ; достаточно было выставить ихъ работы.

Любуясь красивой выставкой, съ ея павильонами и прекрасными экспонатами, съ ея колокольнымъ звономъ, съ пестрой многолюдной толпой посѣтителей, неторопливо переходящихъ отъ павильона къ павильону и, видимо, болѣе всего тяготеющихъ къ буфету и кондитерской Гроссмана въ дворянскомъ саду, въ то же время нельзя было не обратять вниманiя на то прискорбное обстоятельство, что среди этой многочисленной публики, посѣщавшей выставку, почти вовсе отсутствовали крестьяне.

Сколько намъ извѣстно, и въ прiемѣ экспонатовъ, и въ назначенiи премiй крестьянству не было оказано должнаго вниманiя. Напримѣръ, запаздываетъ со своими экспонатами свой крестьянинъ,—отказъ, поворачивай оглобли, вези назадъ! Запаздываетъ богатая иногородная фирма,—мялости просимъ. Приноситъ крестьянка свою нехитрую, но безспорно полезную и хорошую работу,—отказъ, подѣлѣмъ предлогомъ, что въ этой работѣ нѣтъ ничего «особеннаго», самая обыкновенная хорошая работа. Присылаетъ богатый баринъ нѣсколько крупныхъ перонокъ, послѣвшихъ въ его оранжереѣ, или

выписную іоркширскую свинью, или скаковую лошадь,—пожалуйте. На долю богатыхъ фирмъ и крупныхъ землевладѣльцевъ достались и высшія преміи...

Да, распорядительный комитетъ выставки совсѣмъ упустилъ изъ виду крестьянство, для котораго эта выставка могла быть наиболѣе полезной. Напримѣръ, не озаботились своевременно ни оповѣстить крестьянъ о выставкѣ—хоть бы черезъ волостныя правленія или черезъ земскихъ начальниковъ, ни, по возможности, сдѣлать какъ можно свободнѣе для нихъ доступъ на выставку. Слѣдовало бы разослать черезъ волостныя правленія бесплатные билеты для крестьянъ, хоть по 200, по 300 на волость. Наше крестьянство, въ большинствѣ, такъ бѣдно деньгами, что и самая умѣренная плата, особенно въ соединеніи съ расходомъ на поѣздку въ городъ, для него обременительна. вмѣстѣ съ тѣмъ, оно такъ запугано, что боится всякой барской затѣи, а выставка въ домѣ и въ саду дворянства не премѣнно должна была ему представляться такой затѣей, на которой ему нѣтъ мѣста. Своевременное оповѣщеніе и раздача бесплатныхъ билетовъ, въ извѣстной мѣрѣ, могли парализовать такое опасеніе и привлечь крестьянъ къ выставкѣ, что было бы весьма и весьма полезно. Для нихъ тутъ нашлось бы не мало поучительнаго,—и въ отдѣлѣ земледѣлія, и въ отдѣлѣ животноводства, и у кустарей. Выставка могла бы для нихъ имѣть значеніе нѣкоторой наглядной школы—если не чисто практической, въ смыслѣ немедленныхъ нововведеній и улучшеній крестьянской промышленности и крестьянскаго быта, то во всякомъ случаѣ—школы, возбуждающей мысль, расширяющей умственный кругозоръ, вызывающей новыя и благотворныя потребности и стремленія.

Главная черта, задерживающая движеніе впередъ нашего крестьянства, именно—его чрезвычайная косность, происходящая вслѣдствіе изолированности, оторванности отъ широкаго Божьяго міра, отъ его разнообразной природой, его многообразной жизнью, промышленностью, искусствомъ и наукой, вслѣдствіе крайней узости и бѣдности умственнаго кругозора. Эта косность совершенно парализуетъ его природную даровитость, которая потому пропадаетъ бесплодно и только иногда прорывается случайно въ единичныхъ явленіяхъ, въ родѣ Кулибина и ему подобныхъ,—явленіяхъ, которыя представляются болѣе удивительными, нежели полезными. Даровитость нашего крестьянства, неосомѣнная для всякаго, кому приходилось близко стоять къ нему, это—данные Богомъ таланты, зарытые въ землю.

Крестьянству-то и надо было дать первое мѣсто на выставкѣ— и какъ экспоненту и какъ зрителю. Для него-то и надо было при каждомъ отдѣлѣ организовать правильныя и популярныя объясненія въ опредѣленные часы. Тогда Воронежскую выставку можно было бы признать истинно полезнымъ и плодотворнымъ дѣломъ; а въ томъ видѣ, какъ она происходила, это вышло простое гулянье съ красивой обстановкой, развлеченіе для окучающаго городского населенія и пріѣзжаго богатаго люда.

Возвращаясь къ существу выставки, приходится сказать, что самымъ слабымъ ея отдѣломъ, къ сожалѣнію, оказался земскій отдѣлъ вообще, а особенно его 5-ая группа, т. е. народное образованіе.

Надо сказать, что мѣстное крупное землевладѣніе, конечно, не дало въ этотъ отдѣлъ никакихъ экспонатовъ, и что экспонаты земскаго отдѣла, безъ всякаго разумнаго основанія, были лишены права на премірованіе. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство и составляло главную причину неполноты и безцвѣтности земскаго отдѣла, который былъ обставленъ небрежно и бѣдно. Вѣроятно, заранѣе многимъ было извѣстно, что преміровать экспонаты земскаго отдѣла не предполагается, и знавшіе это рѣшили, что хлопотать не изъ-за-чего, «игра-де не стоитъ свѣчъ». Явились только простаки, которые или добродушно вѣрятъ въ людскую справедливость, или вовсе не гонятся за наградами и преміями.

Земская школа, можно сказать, на выставкѣ вовсе не была представлена, и тотъ, кому вздумалось бы здѣсь познакомиться съ ней, съ ея статистикой, ея положеніемъ и дѣятельностью, нашелъ бы на выставкѣ очень недостаточно матеріаловъ для этого: не было свѣдѣній ни о количествѣ школъ, ни о числѣ учащихся, ни о затратахъ и расходахъ земства на народную школу, ни объ участіи въ содержаніи ея крестьянскихъ обществъ.

Обойдемъ и рассмотримъ всю эту группу земскаго отдѣла по уѣздамъ.

Вотъ Воронежскій уѣздъ.

Здѣсь находимъ планы двадцати земскихъ школъ, начерченные довольно мелко на одномъ листѣ, безъ всякихъ объясненій. На другомъ листѣ начерченъ боковой видъ классныхъ ученическихъ столовъ 25 школъ, тоже безъ всякихъ объясненій. Сколько можно судить по этимъ чертежамъ, большая часть школьныхъ помѣщеній очень тѣсны и неудобны, а классная мебель, за небольшими исключеніями, построена неправильно. Обстоятельныя свѣдѣнія

находимъ о двухъ частныхъ школахъ, въ содержаніи которыхъ земство принимаетъ только нѣкоторое участіе: о Петинской, существующей десять лѣтъ, и о Макарьевской, открытой въ 1893 году. Первая школа представила подробную картограмму подъ заглавіемъ «Десятилѣтіе Петинской народной школы». Здѣсь въ серединѣ мы находимъ планъ просторнаго школьнаго помѣщенія, по сторонамъ—рисунки, изображающіе: фасадъ дома съ лица и съ боковой стороны, рамы школьнаго помѣщенія, правильную школьную мебель, съ надлежащими объясненіями. Вокругъ чертёжей, на той-же картограммѣ, помѣщены подробныя данныя о расходахъ на содержаніе школы, о движеніи учащихся, съ учебныхъ пособійхъ и т. п. Извлекаемъ изъ этой картограммы нѣкоторыя свѣдѣнія о школѣ.

По обилію и достоинству учебныхъ пособій эта школа, безъ сомнѣнія, самая богатая въ уѣздѣ. Она владѣтъ: народно-учебной библіотекой, заключающей въ себѣ до 800 экз., большимъ волшебымъ фонаремъ, съ коллекціей картинъ до 250, большимъ собраніемъ лучшихъ наглядныхъ пособій по всемъ предметамъ обученія.

Макарьевская школа представила на выставку прекрасную модель школьнаго дома съ обстоятельнымъ объясненіемъ.

По удобствамъ и правильному устройству помѣщенія и классной мебели, эта школа, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто между школами Воронежскаго уѣзда, и этимъ превосходнымъ помѣщеніемъ она обязана извѣстному писателю А. И. Эртелю, который состоитъ ея попечителемъ. Вѣшніе размѣры школьнаго зданія таковы: длина 33 аршина, ширина 15 аршинъ, высота отъ фундамента до крыши 5½ аршинъ. На постройку зданія, съ классной мебелью и другими классными принадлежностями, издержано 5.482 р. 90 к., а эти деньги получены изъ слѣдующихъ источниковъ:

Отъ В. А. Морозовой изъ Москвы . . . 3.300 р. — к.

» С. В. Алексѣева » » . . . 1.300 » — »

Изъ суммъ бывшаго Макарьевскаго попечительства прибыли отъ продажи

крестьянамъ хлѣба въ 1892—93 г. 868 » 95 »

Отъ продажи оставшихся матеріаловъ. . 18 » 95 »

5.482 р. 90 к.

Воронежское уѣздное земство, участвуя въ содержаніи этихъ двухъ школъ, расходуетъ: на Петинскую 314 р. въ годъ, а на Марьяевскую 420 р.

Еще по Воронежскому уѣзду находимъ картограмму подъ заглавіемъ «Опытъ народнаго театра при Петинской сельской школѣ». Она даетъ планъ театра съ объясненіями, его лѣтопись, съ 1888 по 1894 годъ включительно, и разныя свѣдѣнія о немъ. Исполнителями въ театрѣ являются бывшіе ученики и ученицы школы, зрителями, вносящими въ пользу исполнителей самую умеренную плату (отъ 20 к. до 1 коп.), мѣстные и окрестные крестьяне, по преимуществу.

Рядомъ съ Воронежскимъ стоитъ Землянской уѣздъ. Здѣсь находимъ такіе же планы и чертежи, какъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, безъ всякихъ объясненій: планы помѣщеній 36 школъ, чертежи ученическихъ столовъ, между которыми правильныхъ и сколько-нибудь удовлетворительныхъ нѣтъ ни одного изъ 16-ти школъ. Еще здѣсь находимъ экзаменныя письменныя работы учениковъ, окончившихъ курсъ въ 1893 году: диктовки и ариметическія задачи. Работы не важныя. Написаны онѣ по линейкамъ, вопреки требованію, чтобы оканчивающіе курсъ умѣли писать безъ линейки. Диктовки не только съ грубыми ошибками, но и съ искаженіемъ текста. Умалчиваемъ о томъ, что диктовка—неудачный выборъ для экзаменной письменной работы, и если необходимо считать ее обязательной, то, во всякомъ случаѣ, ограничиваться ею не слѣдовало-бы.

Пропускаемъ пока Нижнедѣвицкій уѣздъ, который къ концу выставки выдвинулся передъ всѣми замѣчательной работой, заслуживающей особеннаго вниманія.

Острогожскій уѣздъ далъ только планы двухъ хорошо устроенныхъ школъ,—вѣроятно, не единственныхъ, но лучшихъ въ уѣздѣ, хотя объ этомъ можно только догадываться.

Коротоякскій уѣздъ далъ планы 15-ти школъ и рисунки классной мебели изъ 13-ти школъ,—все такіе же, какъ и въ другихъ уѣздахъ, безъ надлежащихъ объясненій; классную мебель, судя по рисункамъ, можно признать удовлетворительною только въ трехъ школахъ. Еще здѣсь находимъ экзаменныя работы за 1894 годъ, лучшія изъ всѣхъ, какія намъ пришлось видѣть на выставкѣ. Хотя эти работы тоже ограничиваются диктовкой и ариметической задачей и написаны по линейкамъ, но достоинствомъ своимъ превосходятъ все другія. Особенно пріятно видѣть толковое и

дѣльно написанное рѣшеніе ариметическихъ задачъ, съ планомъ рѣшенія, а у нѣкоторыхъ учениковъ и съ объясненіемъ, изложеннымъ отчетливо, дѣльно и складно: это, въ вѣкоторомъ родѣ, сочиненіе, на основаніи котораго можно судить о познаніяхъ и успѣхахъ учениковъ не только по ариметикѣ, но и по родному языку—гораздо вѣрнѣе, нежели по диктовкѣ.

Павловскій уѣздъ далъ планы 12 школъ и 29 рисунковъ учебныхъ столовъ, изъ которыхъ можно признать удовлетворительными не болѣе восьми.

Валуйскій уѣздъ далъ 19 плановъ и 34 рисунка классной мебели, которая здѣсь, за исключеніемъ 4, отличается особеннымъ безобразіемъ и нарушеніемъ всѣхъ требованій школьной гигиены: совершенно крутая покатошь верхней доски стола, положительная дистанція до полу-аршина и т. п.

Новохоперскій уѣздъ, единственный изъ всѣхъ, по школьному дѣлу не представилъ ровно ничего, какъ будто народная школа въ немъ совсѣмъ отсутствуетъ. «Хвастать-то, говорятъ, не чѣмъ», какъ будто цѣль и задачи выставки — хвастать, а не просто—представить положеніе дѣла таковымъ, каково оно есть, и воспользоваться указаніями на его несовершенство для улучшенія его.

Бобровскій уѣздъ выставилъ 40 школьныхъ плановъ и 19 рисунковъ классной мебели, которая тоже представляетъ крупныя уродства въ родѣ аршинной дистанціи, а удовлетворительна только въ 5—6 школахъ.

Богучарскій уѣздъ далъ только 22 рисунка классной мебели, которая удовлетворительна только въ 5 школахъ.

Бирюченскій уѣздъ далъ 40 школьныхъ плановъ и 29 рисунковъ классной мебели. Удовлетворительна мебель въ 3 школахъ.

Задонскій уѣздъ далъ 17 плановъ и 17 рисунковъ мебели тоже въ большинствѣ, за исключеніемъ 2 — 3, неудовлетворительной.

Вотъ и все, что можно было найти на Воронежской выставкѣ для ознакомленія съ народной школой губерніи.

Эта скудность матеріаловъ производила досадливое впечатлѣніе не только потому, что не даетъ возможности познакомиться съ положеніемъ дѣла народного образованія въ губерніи, но еще болѣе потому, что въ ней сквозитъ равнодушное отношеніе къ этому важному дѣлу тѣхъ общественныхъ учрежденій, которыя вѣ-

даютъ его,—равнодушное отношеніе въ то время, когда вопросъ о народномъ образованіи и о народной школѣ круто выдвинула впередъ сама жизнь, когда онъ сдѣлался жгучимъ и первостепеннымъ вопросомъ для Россіи и вызвалъ даже серьезные толки о введеніи обязательнаго обученія. Прошелъ даже слухъ, что именно Воронежская губернія попала въ тотъ районъ, гдѣ предполагается сдѣлать опытъ примѣненія обязательнаго обученія. Можетъ быть, этотъ слухъ и лишень основанія, но все же онъ не могъ пройти безъ впечатлѣнія на общественныя учрежденія, вѣдающія мѣстную народную школу, и тѣмъ болѣе странно равнодушное и апатичное отношеніе ихъ къ ней, выразившееся на выставкѣ. И вдругъ нашелся одинъ уѣздъ, обнаружившій живое и теплое отношеніе къ народной школѣ, много смягчившій вышесказанное досадливое впечатлѣніе.

Это и есть тотъ Нижнедѣвицкій уѣздъ, мимо котораго мы прошли съ тѣмъ, чтобы къ нему возвратиться въ концѣ и обратить особенное вниманіе на его замѣчательную работу, появившуюся къ концу выставки.

До появленія этой работы въ земскомъ отдѣлѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда по народному образованію были выставлены: 20 плакатовъ школьныхъ помѣщеній, 20 рисунковъ, изображающихъ боковой видъ ученическихъ столовъ, въ большинствѣ довольно-таки безобразныхъ, и экзаменныя и письменныя работы за 1892—1893 и 1894 годъ, написанныя по линейкамъ, состоящія не то изъ диктовки, не то изложенія прочитаннаго своими словами (для изложенія—онѣ слишкомъ однообразны, для диктовки представляютъ различія, которыя пришлось-бы принять за грубыя искаженія текста) и арифметической задачи. Впрочемъ, за одинъ годъ письменной работой по русскому языку была несомнѣнно диктовка, и намъ показалось довольно страннымъ, что для экзаменной диктовки было выбрано стихотвореніе.

Въ этомъ видѣ Нижнедѣвицкая выставка народной школы не представляла ничего особеннаго и мало отличалась отъ другихъ. Но вотъ къ концу выставки здѣсь появились: брошюрка «Долго ли помнятъ грамоту крестьяне, прошедшіе начальную школу, читаютъ-ли они по выходѣ изъ школы и что по преимуществу, гдѣ берутъ книги?», печатный листокъ подъ заглавіемъ «Училищное дѣло» и письменныя работы провѣрочнаго испытанія, произведеннаго для бывшихъ учениковъ земскихъ школъ за 18 лѣтъ. Брошюрка и листокъ разда-

вались бесплатно всѣмъ интересующимся дѣломъ; письменныя работы предлагались для просмотра всѣмъ желающимъ. Вотъ это именно и есть та работа, которая выдвинула Нижнедѣвицкій уѣздъ на выставкѣ изъ ряда вонъ, обнаружившая живое и теплое отношеніе его общественныхъ дѣятелей къ вопросу о народномъ образованіи и къ народной школѣ.

Оказывается, что Нижнедѣвицкій совѣтъ, въ засѣданіи 13 января 1894 года, поручилъ тремъ членамъ своимъ: П. И. Ткачеву отъ Министерства Народн. Просв., А. П. Иванъшину—отъ Мин. Внутр. Дѣлъ и Я. А. Харькѣвичу отъ земства, произвести повѣрочное испытаніе знаній бывшихъ учениковъ всѣхъ начальныхъ школъ уѣзда, получившихъ свидѣтельства. Цѣлю этого порученія, какъ говорится въ «Докладѣ» означенныхъ трехъ лицъ, было желаніе совѣта получить достаточно обстоятельный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

«Остается-ли что нибудь въ памяти прошедшихъ начальную народную школу черезъ 5, 10 лѣтъ по полученію свидѣтельства, и если остается—что именно? Поддерживаютъ-ли они чтеніемъ знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ, и что читаютъ, и откуда пріобрѣтаютъ книги, или-же, оставляя школу почти еще дѣтьми въ 11, 12 лѣтъ, и живя затѣмъ общею крестьянскою жизнью, совершенно забываютъ грамотность и не носятъ на себѣ никакого отпечатка школьнаго обученія?»

Означенныя лица превосходно выполнили возложенное на нихъ порученіе. Они произвели испытанія преимущественно во время Великаго поста, когда крестьяне наиболѣе свободны, и представили отлочно обработанный и очень интересный докладъ, снабженный подробными табличками, который и напечатанъ въ видѣ особой брошюрки, представленной на выставку. Упомянутый-же выше листокъ содержитъ краткое извлеченіе изъ этого доклада о результатахъ сдѣланнаго испытанія. Вотъ сущность этихъ результатовъ.

Въ начальныхъ народныхъ училищахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, содержимыхъ земствомъ, за 18 лѣтъ съ 1876 г., окончило курсъ и получило свидѣтельствъ 1914 человекъ. Изъ нихъ явилось въ 1894 году на повѣрочное испытаніе 1038 человекъ. Изъ этихъ послѣднихъ по испытанію оказались имѣющими очень хорошія знанія, оцѣенныя пятью баллами: по Закону Божію 160, по русскому чтенію 187, по славянскому 156, по письму 103, по арифметикѣ 180; имѣющими удовлетворительныя знанія,

оцѣненные баллами четыре и три: по З. Божію 718, по русск. чтенію 725, по сл. чтенію 715, по письму 688, по ариметикѣ 754; имѣющими знанія неудовлетворительныя, оцѣненные двумя баллами: по З. Божію 160, по русск. чтенію 126, по сл. чтенію 164, по письму 247, по ариметикѣ 104. «Ни одного человѣка, разучившагося читать или писать, не оказалось» прибавляетъ исполнительная коммиссія.

Дополнимъ это извлеченіе нѣкоторыми подробностями изъ «Доклада».

На испытаніе явилось 54,7% всего числа окончившихъ курсъ съ того времени (1876 г.), какъ всѣ школы уѣзда начали производить постоянные, регулярные выпуски и выдавать ученикамъ установленныя свидѣтельства. Изъ общаго числа подвергавшихся испытанію 7% окончили курсъ 15 лѣтъ тому назадъ (до 1880 г.), 20% окончили курсъ не менѣе 10 лѣтъ тому назадъ (1881—1885), 40% окончили курсъ не менѣе 5 лѣтъ тому назадъ (1885—1890), и 33% окончили курсъ въ послѣдніе три года (1891—1892—1893).

Какъ программа для испытанія, такъ и способы его исполненія и оцѣнки обнаруженныхъ познаній и умѣній, выработанныя и принятыя на практикѣ коммиссіей, надо признать вполне разумными и достойными подражанія.

По Закону Божію испытуемые говорили молитвы, разсматривали событія изъ Священной Исторіи ветхаго и новаго заветъ, объясняли заповѣди Моисея и заповѣди о блаженствахъ, а также изложенныя въ притчахъ главнѣйшія ученія Христа, передавали содержаніе Символа вѣры и молитвы Господней. «Мѣстами,—говорится въ «Докладѣ»,—особенно лучшія ученики, показали достаточныя понятія о богослуженіи и общее знакомство съ содержаніемъ Евангелія, очевидно вынесенное изъ чтенія его».

Средній баллъ по Закону Божію для всей массы подвергшихся испытанію 3,3 или не отличается рѣзко отъ средняго балла другихъ предметовъ обученія: по чтенію онъ выше на 0,1, по письму ниже на 0,1, по ариметикѣ выше на 0,3.

Чтеніе на испытаніи оцѣнивалось двумя способами: балломъ и опредѣленіемъ числа строкъ, прочитанныхъ въ минуту. Коммиссія полагаетъ, и не безъ основанія, что баллы находятся въ зависимости отъ субъективнаго впечатлѣнія экзаменатора, потому и ввела независимую отъ такого впечатлѣнія оцѣнку, по крайней мѣрѣ,—скорости чтенія. «Быстрота чтенія, говорится въ «Докладѣ»,

сама по себѣ, конечно, не даетъ еще всѣхъ основаній для заключенія о томъ, насколько вообще хорошо чтеніе; достаточно скорое чтеніе можетъ быть недостаточно понятнымъ не только для слушающаго, но и для самаго читающаго; кромѣ того, быстрота чтенія вообще довольно измѣничивый непостоянный элементъ; она много зависитъ отъ содержанія читаемаго: постоянно приходится наблюдать, производя испытанія, что одинъ и тотъ-же ученикъ читаетъ весьма различно, въ особенности относительно скорости, понятный для него бытовой рассказъ, или, напримѣръ, разсужденіе; крайнюю трудность составляютъ для всѣхъ въ начальной школѣ художественныя описанія; здѣсь быстрота чтенія уменьшается чуть-ли не вдвое».

Кромѣ содержанія читаемаго, замѣтимъ мы, бѣглость или быстрота чтенія, какъ выражается «Докладъ», зависитъ и отъ изложенія, языка читаемаго текста, и даже отъ шрифта, какимъ онъ напечатанъ, да и отъ большой или меньшей, такъ оказать храбрости читающаго (особенно на испытаніи).

«Но, дѣлая эти оговорки,—продолжаетъ «Докладъ»,—нельзя не признать за всѣмъ тѣмъ, что всетаки быстрота чтенія, въ общемъ, можетъ служить въ извѣстной степени вѣрнымъ и ужъ во всякомъ случаѣ достаточно объективнымъ, и самымъ удобнымъ показателемъ количества чтенія для того, кто самъ не слышалъ его, но желаетъ составить себѣ о немъ понятіе».

Въ этихъ разсужденіяхъ коммиссія безъ сомнѣнія, есть много справедливаго, совершенно оправдывающаго два способа оцѣнки чтенія, посредствомъ балловъ и посредствомъ точнаго измѣренія его быстроты, и, во всякомъ случаѣ, вторая оцѣнка, поставленная рядомъ съ первой и независимо отъ нея, отнюдь не мѣшаетъ дѣлу. Для чтенія на испытаніи была взята книга доктора Вишневекаго «О сохраненіи здравія», по чтенію славянскому—Евангеліе.

Средній баллъ всей массы за чтеніе—3,4. Средняя быстрота чтенія колебалась отъ 8 до 13 строкъ въ минуту, а по славянски отъ 6 до 12 строкъ.

«Сами мы экзаменаторы,—говорится въ «Докладѣ»,—читаемъ только около 20 строкъ въ минуту изъ тѣхъ статей, какія давались для чтенія при испытаніяхъ,—и поэтому чтеніе, при скорости отъ 8 до 13 строкъ въ среднемъ, должно быть признано вполне удовлетворительнымъ,—тѣмъ болѣе, что бывшіе школьники читали такимъ образомъ не легкую статью, не бытовой раз-

скажъ, а сравнительно съ ихъ пониманіемъ серьезное, по своему содержанію, изложенію».

При оцѣнкѣ чтенія баллами, принималось въ расчетъ какъ бѣглость, такъ и осмысленность чтенія и умѣнье изложить прочитанное.

Сравненіе чтенія прежнихъ и позднѣйшихъ выпусковъ, по балламъ, показываетъ, что бывшіе ученики земской школы, черезъ 10, 15 и болѣе лѣтъ послѣ выхода, не только не забываютъ чтеніе, но начинаютъ читать лучше (средній баллъ 3,7), чѣмъ читаютъ выпускные изъ школы (средній баллъ 3,5): «чтеніе ихъ,—говорится въ «Докладѣ»,—становится болѣе выразительнымъ и осмысленнымъ, потому, что, вошедши въ полный разумъ, они легче улавливаютъ читаемую мысль, чѣмъ это дѣлали въ школѣ, бывши тогда въ сравнительно дѣтскомъ возрастѣ».

По писъму у комиссіи предложила на испытаніе не диктовку а писаніе отвѣтовъ на вопросы: о лѣтахъ, о составѣ семьи, о времени окончанія курса въ училищѣ, вообще о занятіяхъ по выходѣ изъ школы и въ частности о томъ, часто ли читалъ и писалъ по выходѣ изъ училища, какія книги читалъ, гдѣ бралъ ихъ и какія изъ нихъ болѣе понравились. Исполненіе этой писъменной работы заняло времени отъ 10 до 40 минутъ, въ среднемъ 25 минутъ.

Средній баллъ всей массы подвергавшихся испытанію по писъму получился низшій изъ всѣхъ предметовъ, именно 3,2. При оцѣнкѣ писъменныхъ работъ наиболѣе вниманіе было обращено «на смыслъ отвѣтовъ, на самое изложеніе ихъ и въ меньшей уже мѣрѣ на правописаніе; на красоту писъма приходилось обращать еще менѣе вниманія, потому что его, очевидно, нельзя требовать отъ людей, вообще очень рѣдко имѣющихъ перо въ рукахъ». Какъ выборъ матеріала и формы для писъменныхъ испытательныхъ работъ, такъ и основные принципы оцѣнки ихъ, установленные комиссіей, нельзя не признать вполне правильными. Мы постоянно выражали ту мысль, что и на обычныхъ школьныхъ испытаніяхъ давно бы пора замѣнить диктовку «сочиненіями», а уровень требованій по правописанію значительно понизить. Тогда измѣнилась бы въ нашей народной школѣ и преобладающій нынѣ характеръ текущихъ годовыхъ писъменныхъ работъ, потому что главной задачей ихъ одѣлалось бы не тщетная и ненужная погоня за правописаніемъ, а писъменное изложеніе своихъ знаній, фактовъ, мыслей, чувствъ и желаній настолько толковое, складное и правильное, чтобы оно было понятно всякому неглупому грамотному русскому человѣку. Красоту писъма,

конечно, школа должна имѣть въ виду, впрочемъ—тоже безъ преувеличеній, разумѣя подъ «красотой» только благообразіе и четкость письма—не болѣе, потому что для достиженія «изящной каллиграфіи» у нашей народной школы рѣшительно нѣтъ времени, да и средствъ недостаточно: вѣдь успѣхи въ каллиграфическомъ искусствѣ много зависятъ и отъ достоинства бумаги, пера и чернилъ, а нашей народной школѣ, при ея крайней бѣдности, приходится довольствоваться самой плохой бумагой и самыми плохими перьями, да и то въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Легко оказать: надо, чтобы ученики народной школы преуспѣвали въ каллиграфіи, но не только не легко, а просто невозможно этого достигнуть, когда въ школѣ нѣтъ для каллиграфическихъ упражненій ни времени, ни бумаги ни перьевъ. Тѣмъ болѣе было бы трудно ожидать красивой каллиграфіи отъ людей, вышедшихъ изъ школы 10—15 лѣтъ тому назадъ и прожившихъ эти годы при обыкновенныхъ жизненныхъ условіяхъ нашего крестьянства.

По содержанію и изложенію письменныя работы бывшихъ учениковъ нижедѣвицкихъ земскихъ школъ весьма недурны и очень интересны. Всѣ эти работы, вмѣстѣ съ рѣшеніямъ арифметическихъ задачъ, были приложены къ «Докладу» и представлены на выставку въ земскомъ отдѣлѣ нижедѣвицкаго уѣзда.

Не можемъ отказаться отъ удовольствія привести и здѣсь нѣсколько изъ этихъ письменныхъ работъ.

Крестьянинъ Михаилъ Филипповичъ Чужиковъ, выпуска 1883 года. «Любимымъ занятіемъ во время лѣта было садоводство. Любилъ читать такія книги, въ которыхъ говорилось объ какой нибудь работѣ. Благодаря такимъ книгамъ, я самоучкой вышелъ переплетчикомъ; когда же я началъ переплетать, то въ книгахъ для чтенія недостатка не имѣлъ, читалъ и духовныя. Книги свои, бралъ у священника и въ школѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ открылся въ нашемъ селѣ хоръ, я состою въ этомъ хорѣ пѣвчимъ. Въ прошломъ году я выписалъ фотографическій аппаратъ со всеми принадлежностями и руководствомъ и занялся сей работой; но за немѣнѣемъ оредотвъ въ данное время, я не работаю, хотя и очень желаю продолжать эту работу».

Крестьянинъ Митрофанъ Федотовъ Сорокинъ, выпуска 1884 года. «Семья наша не велика и вся почти рабочая. По выходѣ изъ школы я занимался тѣмъ, чѣмъ занимаются другіе, а особенно мои товарищи: бился на кулачки, опустошалъ огороды, и все то, что способны дѣлать неразумныя дѣти; послѣ сего меня приотавили

исполнять всё крестьянскія работы, отъ сего шалоости мои прекратились; я началъ сильно скучать,—и что же, чуть было не огрубѣлъ и не сталъ мужикомъ, способнымъ на всякія погрѣшности. На долю мою выпало много свободнаго времени, я началъ заниматься чтеніемъ, и читать больше всего сказки, которыхъ было достаточно. Оперившись, я теряю свое первобытное и неопредѣленное состояніе, я началъ читать книги болѣе полезныя, какъ, напримѣръ, Исторію Государства, Пѣсни Кольцова. Люблю я больше всего книги ученыя, особенно гдѣ много всего хорошаго, люблю и Божественныя. Пишу не часто, и если пишу, то большею частью стихи, хотя и не совсѣмъ основательные».

Крестьянинъ Яковъ Михайловичъ А в с ѣ в ѣ, выпуска 1885 года.
«Читалъ я не очень часто и не рѣдко, и писалъ я тоже не часто за крестьяновскими дѣлами. Книги я бралъ въ училищѣ, часто покупалъ и часто бралъ у товарищей для чтенія. Читалъ книги всякія. Изъ нихъ мнѣ нравились: Ученіе Іисуса Христа, и какъ жили люди за тысячу лѣтъ назадъ, и какъ много было на Руонъ разбойниковъ. Читалъ я про шайку Пугачева, Ермака Тимофенча и другихъ пмѣ подобныхъ. Отъ роду мнѣ 21 годъ».

Крестьянинъ Яковъ Михайловичъ Деяновъ, выпуска 1888 года. «Книги я читаю постоянно въ праздники, а иногда въ простые дни для чтенія книги я бралъ въ школѣ, а покупалъ у разносчиковъ. Часто становлюсь на клирость, знаю пѣть. А лѣто я хожу на покось для заработка денегъ, для подати и на хлѣбъ, на одежду и на обувь вообще на все хозяйское употребленіе, потому что мы живемъ при великой бѣдности, и потому я разучился писать. По выходѣ изъ училища я много перечиталъ книгъ и Божественныхъ, и свѣтскихъ, и у меня есть своя собственныя книги; я ихъ люблю читать, и Божественныя, и свѣтскія. Мастерства я особеннаго никакого не имѣю кромѣ черной работы».

Крестьянка Прасковья Андреевна Холѣва въ выпуска 1889 года. «Окончила курсъ въ Роговатскомъ училищѣ. Поступала въ школу въ 1885 году, а вышла 1889 г. Люблю я читать священные книги и сказки. Брала я книги въ училищѣ. Вышла изъ школы,—занималась въ полѣ; я полола, вязала, а зимою вышиваю по канвѣ, шью и вяжу. Писать я малость пишу, а читать я каждый праздникъ читаю».

*Крестьянинъ Иванъ Анисимовичъ Павловъ, выпуска 1892 г.
«Отъ роду 20 лѣтъ. Жена. Жену звать Евдокія, дѣтей нѣтъ. Ра-
ботаю дома и хожу на заработки, и занимаюсь пѣть; я книга люблю

читать всякія, коли придется праздничные дни и въ будни; книги покупалъ въ Воронежѣ и тутъ на базарѣ, на пору берешь читать у пріятеля и въ школѣ. Мы рѣдко пишемъ, потому что у насъ нѣтъ чернила и перьевъ, и потому мы забыли писать».

Крестыяннѣ Константинъ Ивановичъ Емельяновъ, выпуска 1893 года. «Книжечка мнѣ понравилась лучше всѣхъ адъ и рай. Я читалъ въ ней, чтобы не ругаться, потому что ругаться грѣхъ. А звать меня Константинъ Ивановичъ Емельяновъ».

Крестыяннѣ Григорій Ильичъ Дорохинъ, выпуска 1894 года. «Книги прочитывалъ рѣдко лѣтомъ, а зимою читалъ чаще. Писалъ рѣдко; кромѣ письма къ брату, я къ прочимъ писалъ,—ну, да мало; книги есть свои, купленные, Божественныя и простыя, о домашнемъ хозяйствѣ, какъ обрабатывать землю и какъ водить скотину, и какъ за нею ходить: нужно ихъ любить и не бранить. Книги мнѣ покупалъ братъ солдатъ фельдфебель. Писать я попортился: рука дрожить отъ работы».

Очень сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности увеличить эту выписку испытательныхъ работъ; мы безъ выбора взяли по одной работѣ разныхъ выпусковъ, начиная съ 1883 года. Повторяемъ, работы, по содержанію и изложенію, весьма удовлетворительны. Это именно то самостоятельное изложеніе фактовъ и собственныхъ мыслей, простое, достаточно складное и понятное, какъ можно желать отъ учениковъ начальной школы съ трехгодичнымъ курсомъ, по 24 недѣли въ году.

По арифметикѣ подвергавшіеся испытанію рѣшали задачи письменно и устно и давали объясненія по поводу этихъ рѣшеній. Задачи предлагались въ такомъ родѣ: «у крестьянина было столько-то мѣръ овса; извѣстную часть этого овса онъ продалъ, другую потравилъ своими лошадьми, а оставшійся овесъ посѣялъ; урожай получился самъ семь,—околько четвертей овса собралъ крестьянинъ?» и т. п.,—словомъ, содержаніе задачъ было приспособлено къ условіямъ крестьянскаго быта. Очень жаль, что испытательная комиссія упустила изъ виду торговые счета и устные бѣглыя вычисленія. То и другое очень важно въ жизни. На то и другое слѣдовало бы побольше обращать вниманія и въ школѣ. Познанія по арифметикѣ оказались «наилучшими противъ всѣхъ предметовъ въ среднемъ для всей массы подвергавшихся испытанію»; они опредѣляются балломъ 3,6.

По вопросу о томъ, занимаются ли бывшіе школьники чтеніемъ и письмомъ, что читаютъ и гдѣ берутъ книги,—письменные работы

даютъ слѣдующіе отвѣты: изъ 1.038 подвергавшихся испытанію, дали отвѣтъ на этотъ вопросъ 869. Писали часто 90, читали рѣдко 289; читали часто 232, рѣдко 406. Изъ читавшихъ читали: по преимуществу книги религіознаго и религіозно-нравственнаго содержанія 630, рассказы и сказки 280, историческія книги 58, хозяйственныя и т. п. книги 21. Брали книги у священника 16, въ училищѣ 822, у товарищей 155, покупали 244.

Въ концѣ концовъ испытаніе дало весьма утѣшительные результаты, вполне оправдывающіе расходы земства и его благородную заботу о школѣ и народномъ образованіи, которую нельзя не вѣнчать ему въ великую заслугу. Скажутъ, что на испытаніи было только 54% общаго числа окончившихъ курсъ въ школѣ, а вотъ остальные-то 46% и оказались бы ничего не вынесшими изъ школы, а о тѣхъ, которые вышли изъ нея до окончанія курса, молъ, и говорить нечего.

Въ отвѣтъ такимъ отчаяннымъ песоимистамъ приводимъ слѣдующія слова доклада:

«По тѣмъ познаніямъ, которыя показала эта половина (явившаяся на испытаніе) учившихся, можно, конечно, съ полнымъ основаніемъ заключить, что и другая половина — отсутствующихъ и вообще по разнымъ причинамъ не явившихся на испытаніе, — имѣетъ, въ общемъ, тѣ-же среднія познанія, какъ и подвергавшіеся испытанію. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы собирали по нѣкоторымъ школамъ о грамотности отсутствующихъ, заключая о ней отзывамъ товарищей, по тѣмъ письмамъ, которыя отъ нихъ имѣются, частью по должностямъ и занятіямъ ихъ въ настоящее время (служить учителемъ, писаремъ, его помощникомъ, письмоводителемъ, въ писарскомъ классѣ, приказчикомъ въ лавкѣ и т. п.), вполне подтверждаютъ такой выводъ».

Что касается школьниковъ, оставившихъ школу до окончанія курса, испытательной комиссіи удалось случайно собрать ихъ въ числѣ около 20 человекъ, изъ двухъ большихъ селъ, которые и были подвергнуты испытанію: окавалось, что всѣ они удовлетворительно читаютъ и пишутъ, хотя многіе изъ нихъ уже давно оставили школу и между ними есть 30-лѣтніе.

Нельзя не поблагодарить Нижнедѣвнцкихъ земскихъ дѣятелей за превосходную работу, ими исполненную. Она украсила весь земскій отдѣлъ Воронежской выставки. Вотъ это трудъ, который заслуживалъ самой высшей преміи. Но распорядительный комитетъ не признавъ нужнымъ премировать экопонаты земскаго отдѣла.

IV.

О результатах обученія въ нашихъ народныхъ школахъ.

Въ 1894 году Воронежскій уѣздный училищный совѣтъ просилъ меня произвести выпускные экзамены, въ качествѣ председателя экзаменной комиссіи, въ пяти сельскихъ училищахъ Воронежскаго уѣзда, находящихся за рѣкою Дономъ, въ не дальнемъ разстояніи отъ мѣста моего постоянного жительства. Это обстоятельство дало мнѣ случай наблюдать результаты обученія крестьянскихъ ребятъ за три года, вѣрнѣе—за три зимы, потому что учебный сезонъ въ нашемъ, чисто земледѣльческомъ, утолѣ начинается въ октябрѣ и оканчивается въ апрѣлѣ. Конечно, я наблюдалъ результаты обученія въ этомъ случаѣ лишь настолько, насколько они могли обнаружиться на экзаменахъ.

Вотъ я и хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, какими мнѣ показались эти результаты, чего въ нихъ не достаетъ, на мой взглядъ, и какъ бы восполнить замѣченные недостатки.

Прежде всего замѣчу, что число учениковъ, а особенно ученицъ, выпущенныхъ съ правомъ на свидѣтельство объ окончаніи курса, почти во воѣхъ пяти училищахъ, по моему мнѣнію, весьма недостаточно: оно не соотвѣтствуетъ ни общей массѣ населенія, ни затратамъ на содержаніе училищъ, при всей оскромности этихъ затратъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Костенское училище выпустило только четырехъ учениковъ, трехъ мальчиковъ и одну дѣвочку; а населеніе села Костенки, по переписи 1884 года, состояло изъ 4.414 душъ обоого пола; теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, оно, конечно, значительно возрасло.

Гремяченское училище выпустило только 9 мальчиковъ. Населеніе же села Гремячяго съ прилежащими къ нему селеніями, входящими въ районъ этого училища, 5.066 душъ *).

Дѣвицкое училище выпустило 10 учениковъ, 8 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ; а населеніе села Дѣвицы 5.296 душъ.

Васильевское училище выпустило 5 мальчиковъ. Населеніе же хуторовъ, расположенныхъ около и составляющихъ районъ этого училища, 1.261 душа.

Петинское училище выпустило 12 учениковъ, 8 мальчиковъ

*) Воѣ свѣдѣнія о населеніи показаны по переписи 1884 года.

и 4 дѣвочекъ. Населеніе села Петина съ выселками и деревней Орловской, составляющимъ районъ этого училища, 955 душъ.

Въ общемъ, населеніе въ 16.992 душъ обоого пола дало только 40 дѣтей, окончившихъ курсъ начальнаго училища съ правомъ на свидѣтельство, 33 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Безъ сомнѣнія, это мало: отношеніе между окончившими учебный курсъ и общей массой населенія, какъ 1:424.

По училищамъ это отношеніе далеко не одинаково и представляется въ такомъ видѣ:

Костенское, какъ	1:1104.
Гремяченское »	1: 563.
Дѣвицкое, »	1: 529.
Васильевское »	1: 252.
Петинское »	1: 79.
<hr/>	
Среднее »	1: 424.

Наиболѣе благоприятно отношеніе оказывается въ двухъ послѣднихъ училищахъ. Изъ нихъ о Васильевскомъ слѣдуетъ замѣтить, что оно много страдаетъ отъ сравнительной разборчивости своего района. Какъ осенняя и весенняя бездорожца, такъ зимніе снѣга и метели, затрудняя посѣщеніе училища дѣтьми отдѣльныхъ хуторовъ, разбросанныхъ по берегамъ рѣчки Еманчи, нерѣдко лишаютъ учителя возможности не только приготовить учениковъ къ окончанію курса, но и собрать ихъ къ экзамену, почти всегда совпадавшему съ весенней бездорожицей.

О Костенскомъ училищѣ, представляющемъ самое неблагоприятное отношеніе, замѣтимъ, что здѣсь учительница, окончившая курсъ восьмиклассной женской гимназіи, служитъ только первый годъ.

Отношеніе окончившихъ учебный курсъ къ общему числу дѣтей школьнаго возраста представляется въ такомъ видѣ:

Костенское, какъ	1:194.
Гремяченское »	1: 94.
Дѣвицкое »	1: 86.
Васильевское »	1: 35.
Петинское »	1: 13.
<hr/>	
Среднее »	1: 70.

Судя по выставленнымъ на экзаменѣ балламъ, представляющимъ средній выводъ изъ отмѣтокъ всѣхъ членовъ экзаменной комиссіи,

наилучшими оказываются успѣхи по Закону Божію: 25 отвѣтовъ отличныхъ, 11 хорошихъ и 4 удовлетворительныхъ. Второе мѣсто принадлежитъ чтенію: 20, 15, 5; третье—арифметикѣ: 17, 15, 8; послѣднее — письму: 12, 19, 9. По училищамъ этотъ порядокъ успѣшности разнообразится. Чтеніе занимаетъ первое мѣсто только въ одномъ Гремяченскомъ, а письмо въ Петинскомъ училищѣ, и Законъ Божій въ нихъ стоитъ на второмъ мѣстѣ.

Но это опредѣленіе результатовъ и успѣшности обученія экзаменными баллами, какъ обыкновенно бываетъ, даетъ весьма смутное, неопредѣленное, и, пожалуй, неполное вѣрное понятіе о дѣйствительной цѣнности для жизни тѣхъ знаній и умѣній, какія вынесены учениками изъ школы. А потому я рѣшаюсь дополнить это опредѣленіе кое какими моими личными замѣчаніями.

Отвѣты по Закону Божію на экзаменахъ, съ формальной экзаменной точки зрѣнія были, дѣйствительно, хороши: ученики бойко и твердо говорили всѣ молитвы, всѣ рассказы изъ священной исторіи, бойко и твердо давали объясненія, бойко и твердо отвѣчали на вопросы по богослуженію,—словомъ, твердо знали все, что требуетъ программа. Но въ ихъ отвѣтахъ, рассказахъ и даже объясненіяхъ, къ сожалѣнію, была въ глаза очевидная заученность, и стояло только прервать отвѣтъ какимъ нибудь вводнымъ вопросомъ, прямо къ нему относящимся, ученикъ уже сбивался, его надо было устанавливать на путь, какъ поѣздъ желѣзной дороги, соскочившій съ рельсовъ, а то и возвращать къ началу, какъ заводной органикъ. Поэтому, въ отвѣтахъ не было той жизненности и душевной теплоты, которыя особенно важны и цѣнны въ дѣлѣ религіознаго обученія и въ религіозныхъ собесѣдованіяхъ. Видны напряженія памяти, видно усиленное стремленіе угодить вопрошающему, удовлетворить его своимъ отвѣтомъ, но не видно ни участія сердца, ни проблесковъ дѣйтельной и убѣжденной мысли. Конечно, это много зависѣло отъ экзаменнаго характера отвѣтовъ и отъ обычной экзаменной обстановки, но я имѣю въ виду тѣ невольныя проявленія сердечнаго участія въ отвѣтахъ и убѣжденности, которыя вырываются наружу независимо отъ обстановки, когда ученикъ говоритъ не механически зазубренный, а сознаваемый и прочувствованный отвѣтъ. Конечно, уроки Закона Божія не могутъ обойтись безъ заучиванія наизусть: многое по Закону Божію необходимо заучить на память слово въ слово. Но такое заучиванье не исключаетъ ни сознательности, ни сердечнаго участія въ изученіи предмета; напротивъ, какъ извѣстно, тѣмъ и другимъ оно много облегчается,—тѣмъ

и другимъ уоугубляется значеніе, польза и прочность заучиванья. Отсутствіемъ же сознательности, и сердечнаго участія значеніе, сила и прочность заучиваемаго знанія много ослабляются.

Вотъ почему, не смотря на твердые и бойкіе экзаменныя отвѣты, не смотря на высокіе баллы, поставленные за нихъ, невольно сомнѣваешься въ прочности тѣхъ знаній и вліяній, какія вынесены учениками изъ уроковъ Закона Божія за три года обученія. Дай Богъ, чтобы эти невольныя, но отнюдь не злонамѣренныя, сомнѣнія оказались ошибочными!

Думается, что за три зимы едва ли и возможно полное и прочное воспитательно-религіозное обученіе. Возможно только формальное приготовленіе учениковъ къ экзамену по установленной программѣ.

Замѣчу, что менѣе заученнымъ, болѣе живымъ характеромъ отличались отвѣты учениковъ именно въ одномъ изъ тѣхъ училищъ, гдѣ Законъ Божій, по экзаменнымъ балламъ, занимаетъ не первое, а второе мѣсто, потому что съ формальной точки зрѣнія эти отвѣты были слабѣе. Не указываетъ ли это, что обученіе приводитъ къ болѣе цѣннымъ результатамъ для жизни тамъ, гдѣ оно имѣетъ въ виду приготовленіе учениковъ не столько къ экзамену, сколько именно къ жизни, ближе къ основной задачѣ разумной общеобразовательной школы?

Чтеніе, какъ гражданской и церковно-славянской печати, такъ и рукописи, вообще говоря, на экзаменахъ тоже оказалось достаточно бойкимъ, твердымъ и толковымъ, почему и заняло, по балламъ, второе мѣсто послѣ Закона Божія. Слабую сторону русскаго чтенія почти во всѣхъ училищахъ составляетъ грубое мѣстное произношеніе и недостатокъ самой примитивной выразительности. Тоже самое замѣчалось и въ манерѣ говорить наизусть выученныя стихотворенія. Стихотворенія знали и говорили на память ученики всѣхъ пяти училищъ, но далеко не всѣ обнаружили пониманіе ихъ, а безъ сознательнаго отношенія къ заученному тексту, конечно, невозможно и выразительное чтеніе его. Церковно-славянское чтеніе во всѣхъ училищахъ безусловно хорошо; но не надо думать, что училища обязаны этимъ оо. законоучителямъ. На урокахъ Закона Божія у насъ, къ сожалѣнію, церковно-славянское чтеніе совершенно отсутствуетъ: не читаются ни книги ветхаго заветъа, ни святое Евангеліе, подъ предлогомъ недосуга. Говорятъ, будто все время необходимо для прохожденія курса въ томъ видѣ, какъ онъ сдается на экзаменѣ. Еще говорятъ, что выполненіе экзаменной программы (формальное?) вовсе и не требуетъ чтенія священныя книгъ, о

которомъ и говорится-то не въ самой программѣ, а только въ «объяснительной запискѣ» къ ней. Поэтому, твердое, правильное и толковое церковно-славянское чтеніе въ нашихъ училищахъ достигается только посредствомъ особыхъ уроковъ церковно-славянскаго языка, которые начинаются во второй половинѣ перваго же учебнаго года, какъ только дѣти научились читать по русски, и продолжаются до конца курса.

Въ концѣ концовъ, результаты обученія чтенію, въ смыслѣ умѣнья разбирать и произносить печатный текстъ, во всѣхъ пяти училищахъ все же можно назвать хорошими.

Но съ вопросомъ о чтеніи, на мой взглядъ, неразрывно связанъ важный вопросъ о томъ, какія пріобрѣтенія одѣланы учащимися посредствомъ чтенія, которое должно быть не только «искусствомъ для искусства», чтеніемъ для процесса, какъ у Гоголевскаго Петрушки, а орудіемъ для расширенія знаній и понятій. Говоря откровенно, на экзаменѣ ученики только одного училища обнаружили, что чтеніе служило для нихъ источникомъ для расширенія понятій, для пріобрѣтенія знаній. Эти ученики пріобрѣли посредствомъ чтенія кое какія знанія о природѣ, о сельскомъ и волостномъ управленіи и довольно полныя знанія объ отечествѣ и о прошедшемъ отечества. Въ другихъ училищахъ, повидимому, не было обращено вниманія на то, чтобы научить и приучить учащихся пользоваться книгой для пріобрѣтенія знаній.

Объединяя все сказанное о чтеніи, приходится сказать, что успѣхи по этому предмету, довольно высоко оцѣненные баллами на экзаменахъ, едва ли можно считать настолько прочными и плодотворными, какъ этого можно желать отъ народной школы, если смотрѣть на чтеніе, какъ на орудіе для пріобрѣтенія знаній, для расширенія понятій, для нравственнаго воздѣйствія, а не просто какъ на процессъ, какъ на «искусство для искусства».

Рядомъ съ чтеніемъ по успѣхамъ, какъ они выражаются въ экзаменныхъ баллахъ, стоитъ арифметика. Только въ одномъ училищѣ, по балламъ, она занимаетъ послѣднее мѣсто. Но за то именно только въ этомъ училищѣ курсъ арифметики былъ пройденъ съ надлежащей полнотой по отношенію къ потребностямъ жизни: учащіеся получили понятіе о квадратныхъ и даже кубическихъ мѣрахъ и о простѣйшихъ дробяхъ, рѣшали задачи на квадратныя и кубическія мѣры и на дроби и научились достаточно бойко владѣть торговыми счетами. Въ другихъ училищахъ все это оказалось совершенно упущеннымъ изъ виду, хотя для жизни очень важно, чтобы

ученики свободно владѣли торговыми сче́тами, имѣли понятіе о квадратныхъ мѣрахъ, особенно въ приложеніи къ измѣренію земли, и хотя о простѣйшихъ дробяхъ и о способахъ вычисленій съ такими дробями. Замѣчу еще, что не во всѣхъ училищахъ учащіеся приучены къ такому письменному изложенію рѣшенія задачъ, которое давало бы возможность легко провѣрять планъ и послѣдовательность этого рѣшенія; въ одной школѣ даже оказались написанными на экзаменныхъ листкахъ только условія задачи и отвѣтъ.

Въ общемъ, и успѣхи по ариметикѣ, не смотря на удовлетворительность ихъ съ формальной экзаменной точки зрѣнія, едва ли можно признать соответствующими потребностямъ народной школы которая, прежде всего, должна имѣть въ виду не столько приготавленіе учениковъ къ экзамену, сколько жизнь съ ея потребностями.

На послѣднемъ мѣстѣ, какъ по экзаменнымъ балламъ, такъ и по дѣйствительной цѣнности успѣховъ, стоитъ письмо, кромѣ одного училища, гдѣ оно занимаетъ первое мѣсто.

Надо сказать, что у насъ, въ Воронежскомъ уѣздѣ, изстари установился одинъ общій способъ испытанія учениковъ въ письмѣ и одна письменная экзаменная работа по родному языку: это—диктовка. Я зналъ объ этомъ и всегда считалъ такой способъ испытанія совершенно неудовлетворительнымъ и даже вреднымъ для общаго направленія дѣла въ нашихъ школахъ. Этимъ способомъ испытанія какъ бы опредѣляется для учащихся лицъ и задача, и содержаніе, и способъ обученія письму въ народной школѣ. Установилась исключительная и преувеличенная погоня за правописаніемъ, устраняющая другія, болѣе важныя для жизни, цѣли,—при томъ за правописаніемъ, такъ сказать, только «диктовочнымъ». Установилась почти единственная письменная работа—письмо подъ диктовку, работа утомительная, скучная и малопроизводительная.

По моему же убѣжденію, которое я постоянно высказывалъ и въ жизни, и въ литературѣ, задача обученія письму въ народной школѣ, кромѣ удовлетворительной вѣрности (въ смыслѣ правильности начертанія буквъ, четкости и бѣглости рукописи), заключается не столько въ безукоризненномъ правописаніи по Гроту, сколько въ сообщеніи учащимся важнаго въ жизни умѣнья свободно и толково излагать письменно свои знанія, мысли, чувства, желанія, т. е. умѣнья «сочинять» на родномъ языкѣ. Да говори откровенно, безукоризненное правописаніе по Гроту едва ли и достижимо въ шко-

лѣ, гдѣ учатся дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ только въ продолженіе трехъ зимъ, гдѣ невозможно основательное прохожденіе курса русской грамматики. Понятно, что въ такой школѣ не приходится думать о красивыхъ «литературныхъ» сочиненіяхъ, но нужно и возможно достигать самостоятельнаго толковаго изложенія, понятнаго всякому грамотному и неглупому русскому человѣку. Это — потребность жизни; бывшему ученику народной школы въ жизни едва ли когда нибудь придется писать подѣ диктовку, но придется «сочинять», напримѣръ, письма съ изложеніемъ фактовъ, нуждъ и потребностей семьи и вообще крестьянской жизни. Отъ этого изложенія «письменнаго» грамотѣя, прежде всего и болѣе всего, потребуется совершенная понятность его простымъ неглупымъ русскимъ людямъ, которой нисколько не помѣшаютъ нѣкоторыя противорѣчія съ правописаніемъ Грота.

Само собой разумѣется, что упражненіе учениковъ въ «сочиненіи» отнюдь не исключаетъ со стороны учащихся заботы о возможномъ совершенствѣ правописанія. Я настаиваю только на томъ, во-первыхъ, чтобы это было правописаніе не исключительно «диктовочное». Извѣстно, что часто ученикъ, пишущій довольно правильно подѣ диктовку, дѣлаетъ множество грубыхъ ошибокъ въ простой запискѣ къ товарищу, состоящей изъ трехъ-четырехъ строкъ, которую онъ «сочиняетъ», а не подѣ диктовку пишетъ: вотъ результаты «диктовочнаго» правописанія, вообще весьма распространеннаго у насъ не только въ начальной, но и въ средней школѣ. Во-вторыхъ, я еще настаиваю на томъ, чтобы забота о возможномъ совершенствѣ правописанія не стояла на первомъ планѣ на письменныхъ упражненіяхъ учениковъ народной школы. Надо, чтобы она не исключала болѣе важной заботы объ умѣнн «сочинять», т. е. толково и для всѣхъ понятно излагать письменно свои знанія, мысли, чувства, желанія.

Для этого, по моему мнѣнію, упражненія въ «сочиненіи» необходимо сдѣлать обязательными въ народной школѣ, а уровень требованій по правописанію значительно понизить, принимая за оущественное и обязательное только то, отчего зависитъ правильное пониманіе смысла изложенія. Напримѣръ, съ этой точки зрѣнія, весьма существенное значеніе имѣютъ толковая постановка знаковъ препинанія, но далеко не такъ важно, е или ѣ написано въ словѣ дверь: такъ или иначе, все будетъ дверь, а не окно.

Производя экзамены, я и предлагалъ, кромѣ диктовки, какъ изстаріу установившейся испытательной письменной работы, задать

ученикамъ «сочиненіе» съ даннымъ содержаніемъ,—наприм., письмо съ описаніемъ своего семейнаго положенія и домашняго быта, или изложеніе знаній объ отечествѣ, о прошедшемъ отечества и т. п.

Но предложеніе это оказалось осуществимымъ только въ одномъ училищѣ, гдѣ ученики и написали сочиненія по отечественной исторіи. Я выбралъ двадцать темъ, по числу учениковъ, и для каждой темы написалъ планъ изложенія. Каждый ученикъ писалъ сочиненіе по данному плану на ту тему, какая кому досталась. Такъ какъ упражненія въ «сочиненіи» въ этомъ училищѣ вошли въ обычай и практиковались постоянно, то получились экзаменныя сочиненія, на мой взглядъ, вполне хорошія для учениковъ народной школы съ трехгодичнымъ курсомъ и съ учебнымъ годомъ въ 24 недѣли. Привожу для примѣра нѣсколько изъ этихъ сочиненій, съ присоединеніемъ данныхъ мною плановъ. По моему мнѣнію, сочиненія учениковъ этого училища наглядно доказываютъ, что въ народной школѣ, даже и съ теперешнимъ трехгодичнымъ курсомъ, можно достигнуть толковаго и грамотнаго изложенія своихъ мыслей; все дѣло въ упражненіи, которое должно начинать—если не съ перваго, то непременно со втораго года обученія, но вести въ опредѣленной послѣдовательности.

Экзаменное сочиненіе ученика Тимофея Дочкина.

Основаніе Русскаго государства.

Планъ.

1. Неурядица у Славянъ. 2. Варяги. 3. Дума о князѣ. 4. Призваніе князей. 5. Государство.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, у сѣверныхъ Славянъ не было единой власти, а потому не было и порядка. Они между собою соорились. Ихъ сосѣди обижали, брали съ нихъ дань. Болѣе всѣхъ Славянъ обижали Варяги; этотъ народъ былъ удалой; они жили за Балтійскимъ моремъ; они переплывали черезъ Балтійское море и грабили Славянъ. Вотъ славяне и задумали, какъ бы имъ выбрать князя, который бы ими управлялъ и велъ бы порядки; сперва они думали выбрать князя изъ себя, а потомъ одумались, что народъ не будетъ своему князю повиноваться. Вотъ Славяне и порѣшили выбрать князя изъ варяговъ.

Славяне, которые жили по берегамъ озера Ильменя и въ Новгородѣ, выбрали изъ себя лучшихъ людей и послали ихъ къ Варя-

гамъ. Эти люди пришли къ Варягамъ и говорятъ: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите къ намъ и управляйте нами!» Тогда пошли къ славянамъ три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; они взяли съ собою все племя, а это племя называлось Русь.

Такъ-то началось Русское государство въ 862 году.

Экзаменное сочиненіе ученика Михаила Протопопова.

Мининъ и Пожарскій.

П л а н ъ.

1. Дмитрій Царевичъ. 2. Самозванцы. 3. Поляки. 4. Патріархъ Гермогенъ. 5. Дѣло Минина. 6. Побѣда Пожарскаго.

Послѣ царя Ивана Васильевича Грознаго царствовалъ его сынъ Ѳеодоръ. Онъ былъ больной, а царствомъ управлялъ его шуринъ Борисъ Годуновъ. Наслѣдникомъ былъ братъ Царя, Дмитрій Царевичъ, и онъ съ матерью жилъ въ городѣ Угличѣ. Дмитрія царевича убили злые люди, и царскій родъ прекратился. Послѣ царя Ѳеодора Ивановича духовенство и бояре выбрали на царство боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова. Онъ управлялъ хорошо, но на Русь пошли самозванцы; они называли себя царевичемъ Дмитріемъ и хотѣли завладѣть царствомъ. Пошла на Русь неурядица.

Сосѣди воспользовались неурядицей и напали на Русь. Польскій король задумалъ поставить на царство своего сына, королевича Владислава, и его войско завладѣло Москвою. Патріархъ Гермогенъ сталъ разсылать грамоту, чтобы русскіе не сдавались полякамъ, а собирались воевать и спасали Москву и отечество. Такія же грамоты разсылали монахи Троице-Сергіевой Лавры.

Въ Нижнемъ Новгородѣ поднялъ народъ Козьма Захаревичъ Мининъ. Онъ сказалъ народу: «продадимъ дома и дворы, заложимъ женъ и дѣтей и спасемъ отечество». Собрали большое ополченіе, а начальникомъ надъ войскомъ избрали князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій пришелъ съ войскомъ къ Москвѣ въ 1612 году, побилъ враговъ и очистилъ Москву. Въ Москвѣ въ 1613 году собрался соборъ, который избралъ на царство молодого боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Родъ Романовыхъ царствуетъ и теперь.

Экзаменное сочиненіе ученика Александра Кривоногова.

Отечественная война.

Планъ.

1. Наполеонъ Бонапартъ. 2. Императоръ Александръ Павловичъ. 3. Нашествіе Наполеона. 4. Бородино и Москва. 5. Бѣгство Наполеона.

Былъ во Франціи генералъ Наполеонъ Бонапартъ, который умѣлъ хорошо воевать. Онъ былъ рода не царскаго, а самовольно вступилъ на престолъ и назвался императоромъ. Онъ завоевалъ почти всю западную Европу; его всѣ слушались и боялись.

Только одинъ Россійскій Императоръ Александръ Павловичъ не боялся Наполеона. При немъ у насъ была война со Шведами и съ Турками; шведы уступили намъ Финляндію, а турки Бессарабію.

Наполеону было досадно, и захотѣлось ему завоевать Русское государство; онъ набралъ большое войско изъ двѣнадцати народовъ и въ 1812 году вступилъ въ Москву. Онъ шелъ на Смоленскъ и на Москву, а русское войско все отступало: оно заманивало Наполеона подалѣе въ Россію, чтобы вѣрнѣе погубить его.

Не доходя 100 верстъ до Москвы, русскій генералъ Кутузовъ остановился у села Бородина, и на Бородинскихъ поляхъ было большое сраженіе. Послѣ этого русское войско опять отступило, а Наполеонъ занялъ Москву, на погибель себѣ. Жители Москвы богатые уѣхали съ своимъ добромъ, а побѣднѣ зажгли городъ. У французовъ не было ни крова, ни хлѣба, ни дровъ, ни корма для лошадей. Наполеону пришлось уходить изъ Москвы, а русскіе преслѣдовали его войско. Самъ Наполеонъ усакалъ въ городъ Парижъ, а войско его или погибло, или осталось въ плѣну въ Россіи. Такъ въ 1812 году Россія избавилась отъ нашествія Наполеона съ двѣнадцатію народами, и это избавленіе ежегодно празднуетъ 25 декабря.

Въ другихъ училищахъ пришлось ограничиться письменнымъ изложеніемъ коротенькаго разсказа, прочитаннаго мною вслухъ; но и это изложеніе все-таки получалось довольно плохое; а въ орфографическомъ отношеніи оно оказалось гораздо ниже диктовки,—значитъ, и правописаніе у этихъ учениковъ—только «диктовочное».

Приходится и про удовлетворительные успѣхи въ письмѣ, выразившіеся въ экзаменныхъ баллахъ, сказать все то же: они едва ли могутъ быть признаны прочными и соответствующими потребностямъ жизни.

Вотъ и всѣ мои личныя замѣчанія, какія я хотѣлъ высказать о результатахъ обученія въ пяти народныхъ училищахъ, какими она показали мнѣ на экзаменахъ.

Съ формальной экзаменной точки зрѣнія, они весьма хороши, но съ внутренней, со стороны ихъ видимой прочности и значенія для народной жизни, едва ли удовлетворительны. Я указывалъ въ своемъ мѣстѣ возможность восполненія ихъ недостатковъ и въ отдѣльных случаяхъ.

Въ заключеніе укажу нѣкоторыя общія причины этой неудовлетворительности и общія средства для желательнаго улучшенія дѣла:

1. Первая причина—краткость учебнаго курса нашей народной школы, которая не даетъ возможности придать обученію надежную прочность и лишаетъ его серьезнаго и глубокаго воспитывающаго воздѣйствія на учащихся. При совершенной невозможности распространить учебный годъ безъ противорѣчія съ условіями народнаго быта, помочь дѣлу можно только расширеніемъ курса школы: сдѣлать его четырехгодичнымъ, или даже пятигодичнымъ.

2. Вторая причина заключается въ томъ, что нынѣ все обученіе въ нашей народной школѣ имѣетъ въ виду не жизнь съ ея потребностями, а только экзаменъ съ его формальными требованіями, и устраненіе этой причины гораздо труднѣе. Оно возможно только въ томъ случаѣ, если всѣ дѣятели народной школы проникнутся истинно-педагогическимъ духомъ. Я не берусь указывать въ моихъ бѣглыхъ замѣткахъ, какъ этого достигнуть, но замѣчу, что въ этомъ направленіи много могли бы сдѣлать для народной школы наши училищные совѣты, если бы они относились къ дѣлу народнаго образованія и къ народной школѣ тепло и дѣлательно, а также хорошо поставленные и достаточно свободные учительскіе съѣзды.

Еще отмѣчу три необходимыя условія для достиженія цѣли по отношенію къ учителямъ и учительницамъ народной школы:

Во-первыхъ, для нихъ необходимо болѣе широкое и основательное общее образованіе, сравнительно съ тѣмъ, какимъ обладаетъ въ настоящее время большинство ихъ, включая въ это число и учителей, окончившихъ курсъ учительской семинаріи. Изъ теперешняго учительскаго состава, по качеству общаго образованія, приходится, по справедливости, предпочитать учительницъ, окончившихъ курсъ восьмиклассной женской гимназіи. Безъ широкаго и основательнаго общаго образованія трудно разсчитывать на упроченіе въ учительствѣ необходимыхъ идеальныхъ стремленій, а безъ нихъ немислимо господство въ немъ истинно-педагогическаго духа.

Во-вторыхъ, для учителей и учительницъ народной школы желательнѣе болѣе самостоятельное и независимое положеніе сравнительно съ теперешнимъ, чтобы они могли всегда сохранять свое нравственное достоинство и не поступаться своими педагогическими идеалами изъ-за низменныхъ побужденій угодничества и подслуживанья.

Въ-третьихъ, для нихъ совершенно необходимо лучшее матеріальное обезпеченіе, чтобы они не только не бѣдствовали, какъ бѣдствуютъ теперь, получая 15—20 рублей въ мѣсяцъ, но имѣли бы возможность жить вполне здоровою жизнью и удѣлять кое что изъ своихъ средствъ на самообразование и удовлетвореніе умственныхъ потребностей развитаго человѣка.

Пока у насъ учительскій трудъ будетъ цѣниться такъ низко, какъ цѣнится теперь, пока на учителя и учительницу будутъ смотрѣть свысока, какъ нѣкое начальство, даже волостной старшина, пока въ основу учительской дѣятельности не будетъ положено широкое общее образованіе, до тѣхъ поръ учитель у насъ не будетъ вліятельной и уважаемой личностью, высоко держащей знамя учительства, и учителя съ благотворными идеально-педагогическими стремленіями въ нашихъ школахъ будутъ рѣдкими исключеніями, а обученіе въ народной школѣ останется непрочнымъ, лишеннымъ воспитывающей силы и мало благотворнымъ для народной жизни.

XV.

Десятилѣтній юбилей сельской школы и обязательное обученіе.

Когда люди горячо, съ увлеченіемъ и нѣкоторымъ самозабвеніемъ отдаются какому нибудь дѣлу во имя идеи, они невольно, въ пылу увлеченія и въ горячкѣ работы, становятся... какъ бы это сказать?... ну, нѣсколько близорукими, что ли. Они видятъ окружающую ихъ дѣйствительность недостаточно ясно и отчетливо, въ нѣкоторомъ фальшивомъ освѣщеніи, не вполне такую, какова она есть на самомъ дѣлѣ, а такую, какою они ее желаютъ видѣть. Результаты работы, увлекающей и отманивающей ихъ, кажутся гораздо значительнѣе, сама работа гораздо плодотворнѣе, успѣшнѣе; промахи и ошибки, даже весьма грубые, не замѣчаются; истинное отношеніе къ ихъ работѣ окружающей среды представляется не такимъ, каково оно въ дѣйствительности, и т. п.

Поэтому, когда подходит какое нибудь обстоятельство, застав-

ляющихъ этихъ людей отрезвиться отъ опьяненія увлекающей работой, спокойно и критически оглянуться назадъ и вокругъ себя, тогда этимъ людямъ приходится испытывать нѣкоторое разочарованіе. Многое въ собственной работѣ и въ отношеніяхъ къ ней окружающей среды въ это время представляется совсѣмъ не такимъ, какъ думалось; ея достоинство и плодотворность чувствительно убавляются; многое оказывается самообманомъ, невиннымъ и ненамѣреннымъ, но очень досаднымъ и даже обиднымъ. Да, переживается тяжелый моментъ горькаго разочарованія. Но если при этомъ не утрачивается вѣра въ идею, убѣжденіе въ идею, убѣжденіе въ полезности дѣла, то «разочарованіе» легко обращается въ «отрезвленіе», полезное для дѣла въ будущемъ. У кого же отъ этого «разочарованія» окончательно опускаются руки, утрачивается способность или охота дѣлать начатое, во имя идеи, дѣла,—тотъ напрасно и принимался за него: «для чего было огородъ городить? зачѣмъ было капусту садить?»

Такое именно чувство «разочарованія» испытывали основатели и дѣятели нашей сельской школы въ декабрѣ 1894 г., празднуя десятилѣтіе своего дѣтища. Десять лѣтъ полнымъ ходомъ, безъ передышки, безъ оглядки, безъ всякихъ сомнѣній шла работа въ этой школѣ. Казалось, что всѣ ученики выносятъ изъ нея не только прочныя знанія, но и крѣпкую любовь къ занятію, къ книгѣ, къ самой школѣ. Казалось, что грамота и просвѣщеніе быстро распространяются въ селѣ, что чуть ли не вся мѣстная молодежь и грамотна, и читаетъ, и любитъ школу, не разрывая нравственной связи съ нею. Казалось, что и взрослое, неграмотное населеніе, посѣщая и чтенія, и вечера съ свѣтовыми картинами, и народные спектакли, прониклось уваженіемъ къ наукѣ и школѣ, пониманіемъ необходимости учить дѣтей.

Когда же были подведены итоги десятилѣтія, произведена была повѣрка всему этому «казалось», повѣрка фактическая,—то обнаружилось, что во всемъ этомъ большая доля «самообмана», невольнаго и наивнаго преувеличенія.

Собственно говоря, десятилѣтіе окончилось 22 октября: это день открытія и ежегоднаго школьнаго акта, о которомъ было рассказано въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ. На этотъ разъ, и актъ, а вмѣстѣ съ нимъ и празднованіе десятилѣтія, все было отложено до Рождественскихъ праздниковъ, чтобы имѣть въ распоряженіи больше времени для приготовленія; да въ праздники и удобнѣе было выполнить нѣкоторыя части задуманной программы. Въ эту

программу входили: повѣрочное испытаніе всѣхъ бывшихъ учениковъ и ученицъ школы, окончившихъ курсъ за десять лѣтъ, отчетъ о дѣятельности школы за все десятилѣтіе для прочтенія на актѣ, рѣчь по поводу отчета, съ выясненіемъ выводовъ изъ него и того впечатлѣнія, которое онъ производитъ на дѣателей школы, ученическое сочиненіе по поводу десятилѣтія школы, угощеніе для учащихся послѣ акта для бывшихъ учениковъ и ученицъ, послѣ повѣрочнаго испытанія, народный спектакль съ апофеозомъ школы:

Сообразно съ такимъ содержаніемъ, была установлена такая программа десятилѣтняго юбилея школы:

1. Декабря 27 — повѣрочное испытаніе бывшихъ учениковъ и ученицъ, устное и письменное, съ угощеніемъ.

2. Декабря 29—актъ, съ чтеніемъ отчета, съ раздачей свидѣтельствъ и наградъ, съ чтеніемъ ученическихъ сочиненій, съ рѣчью попечителя, съ хоровымъ пѣніемъ и съ угощеніемъ для учащихся.

3. Декабря 30 — народный спектакль съ апофеозомъ школы.

Думая, что на повѣрочное испытаніе, о которомъ всѣ были увѣдомлены своевременно посредствомъ особаго объявленія съ приложеніемъ программы по всѣмъ предметамъ, соберутся всѣ бывшіе ученики и ученицы. Казалось, что между ними и школою существуетъ достаточно крѣпкая и живая связь. Казалось, что изъ школы они вынесли достаточно полныя и прочныя знанія и умѣнія, которыя при томъ поддерживались постояннымъ чтеніемъ и сношеніями съ школою, двери которой всегда открыты для нихъ, а потому не могутъ бояться повѣрочнаго испытанія. Думали, что и родители, относясь къ школѣ съ уваженіемъ и довѣріемъ, будутъ содѣйствовать, чтобы ея призывъ не прошелъ мимо ея бывшихъ учениковъ и ученицъ. Значеніе этого испытанія, какъ простой повѣрки безъ всякихъ послѣдствій для испытуемыхъ, кромѣ общаго угощенія, независимо отъ достоинства отвѣтовъ, тоже было разъяснено всѣмъ.

На самомъ дѣлѣ къ испытанію явились въ школу далеко не всѣ, а именно изъ общаго числа окончившихъ курсъ за десять лѣтъ, изъ 101, явилось только 46, т. е. менѣе половины, а не являлось 55, и многіе изъ этихъ не явились безъ всякой уважительной причины.

Явившіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мужского пола 38, женскаго пола 8, женатыхъ 5, холостыхъ 33, дѣвицъ 8; выпуска 1886 г. 1, 1887 г. 2, 1888 г. 9, 1889 г. 5, 1890 г. 5, 1891 г. 4, 1892 г. 6, 1893 г. 3, 1894 г. 11.

Испытаніе началось въ 9 часовъ утра и продолжалось до 4 часовъ вечера.

Оно состояло въ слѣдующемъ:

Прежде всего всѣ испытуемые писали нѣчто въ родѣ сочиненія: о своемъ домѣ, о семьѣ, о хозяйствѣ, о своихъ занятіяхъ, а также письменно рѣшали ариметическую задачу. Первая письменная работа должна была показать и дать матеріалъ для оцѣнки, на сколько молодые люди владѣютъ письменно языкомъ, на сколько сильны они въ правописаніи. Рѣшеніе задачи, кромѣ специально ариметической цѣли, имѣло цѣлью и повѣрку умѣнья списывать данный текстъ, такъ какъ испытуемые, прежде всего должны были переписать съ розданныхъ листовъ на свои листки данныя задачи. Задачи были выбраны незамысловатыя, несложныя, приспособленныя къ условіямъ и потребностямъ крестьянскаго быта. Вотъ, для примѣра, нѣсколько изъ этихъ задачъ:

1. Барышникъ купилъ 15 овецъ по 3 р. 60 к. за овцу и 12 свиней по 4 р. за свинью. Всѣхъ овецъ и свиней продалъ за 117 р. Сколько онъ взялъ на этомъ товарѣ барыша?

2. Кухарка жила 3 года на одномъ мѣстѣ, по 3 р. за мѣсяць. За все время она взяла у хозяевъ только четвертую часть своихъ денегъ. Теперь она уходитъ. Сколько денегъ ей слѣдуетъ получить?

3. Крестьянинъ снялъ 3 десятины земли по 15 руб. за каждую. Онъ получалъ съ этой земли 27 четвертей ржи и 40 копѣй соломы. Рожь онъ продалъ по 3 руб. за четверть, а солому по 25 к. за копну. Сколько досталось ему за хлопоты и за работу?

4. Въ амбаръ привезли рожь на 9 подводахъ, по 15 пудовъ на каждой, потомъ еще на 10 подводахъ, по 18 пудовъ. Всю рожь посѣяли по 9 пудовъ на десятину. Сколько десятинъ засеяли?

5. На одномъ лугу поставили 75 копѣй сѣна, на другомъ въ 5 разъ больше. Все сѣно сметали въ стоги, по 50 копѣй въ стогъ. Сколько поставили стоговъ?

Конечно, задачи довольно пустыя, но жизнь нашему крестьянину и не ставитъ задачъ труднѣе и сложнѣе этихъ. Если крестьянскій парень умѣетъ, черезъ 5—10 лѣтъ по окончаніи курса въ народной школѣ, рѣшать толково, сознательно и бойко подобныя задачи изъ крестьянскаго быта, этого достаточно.

Устное испытаніе состояло въ слѣдующемъ:

1. По Закону Божію разсказывали событія Священной исторіи, объясняли праздники, говорили и объясняли молитвы, а также читали по церковно-славянски Святое Евангеліе, съ переводомъ на русскій языкъ.

2. Читали по-русски, излагая и объясняя прочитанное, преимущественно разсказы небольшого объема.

3. Говорили наизусть и объясняли стихотворенія, кто какое запомнилъ.

4. Отвѣчали на вопросы по отечественной географіи и исторіи, показывали на картѣ.

5. Производили вычисленія въ умѣ и на торговыхъ счетахъ рѣшали устные задачи.

Результаты испытанія оказались весьма удовлетворительными и нѣсколько сгладили непріятное впечатлѣніе неполнаго состава явившейся къ испытанію массы бывшихъ учениковъ и ученицъ. Съ другой стороны, удовлетворительность результатовъ обученія, которое оказалось и достаточно содержательнымъ, и достаточно прочнымъ, усиливала досаду на очевидное равнодушіе къ школѣ мѣстнаго населенія: «старики» не только не постарались, чтобы всѣ бывшіе ученики и ученицы явились на испытаніе, но и сами не заинтересовались этимъ испытаніемъ. Всѣ были такъ увлечены праздничнымъ пьянствомъ, что ни одинъ не вздумалъ заглянуть въ школу 27 декабря, да и послѣ ни одинъ не заинтересовался результатами испытанія.

Отвѣты по Закону Божію вообще были весьма удовлетворительны и обнаруживали сознательное проникновеніе духомъ православнаго христіанскаго вѣроученія.

Русское чтеніе, по бойкости и сознательности, не оставляетъ желать ничего лучшаго; церковно-славянское—слабѣе. Сохранились кое какія знанія по географіи и исторіи. У многихъ сохранились въ памяти стихотворенія Пушкина, Кольцова, Некрасова. Не забыли ни мѣръ, ни таблицы умноженія; не разучились пользоваться торговыми счетами, производить вычисленія и рѣшать практическія задачи, какъ устно, такъ и письменно. У многихъ стало хуже письмо, какъ по внѣшнему виду, въ смыслѣ безобразія, такъ и по правописанію, которое вообще оказалось слабватымъ.

На первомъ мѣстѣ, по достоинству результатовъ и по балламъ, оказалось чтеніе, въ смыслѣ бѣглости, бойкости и сознательности, 27 отличныхъ балловъ (5), 16 хорошихъ (4) и 3 удовлетворительныхъ; средній баллъ 4,5.

На второмъ мѣстѣ стоитъ Законъ Вожей: отличныхъ 22, хорошихъ 18, удовлетворительныхъ 6; средній баллъ 4,3.

Третье мѣсто принадлежитъ ариметикѣ, имѣя въ виду и письменное рѣшеніе задачи, и устное счисленіе въ умѣ и на торговыхъ счетахъ; отличныхъ 21, хорошихъ 17, удовлетворительныхъ 7 и 1 неудовлетворительный (2); средній баллъ 4, 2.

Послѣднее мѣсто занимаетъ письмо, причемъ берется во вниманіе и вѣдѣность письма, и правописаніе, и полнота изложенія, а также большая или меньшая складность его: отличныхъ 18, хорошихъ 17, удовлетворительныхъ 7 и 1 неудовлетворительный (2); средній баллъ 3,8.

Значительная разица между чтеніемъ и письмомъ (на 0,7 въ ореднемъ баллѣ), которая вовсе не замѣчалась на экзаменѣ каждаго отдѣльнаго выпуска (иногда письмо на этихъ экзаменахъ занимало даже первое мѣсто, т. е. стояло выше чтенія), объясняется очень просто. Бывшіе ученики и ученицы постоянно практикуются въ чтеніи, пользуясь библіотекой училища, которая открыта для нихъ каждое воскресенье. Нерѣдко они читаютъ дома и вслухъ для своихъ односемейниковъ. Поэтому, и механизмъ, и сознательность чтенія у нихъ не только не ослабѣваютъ, но совершенствуются. Совсѣмъ не то съ письмомъ: писать многимъ и нечего, и неначеъ, и нечѣмъ. Практики почти совсѣмъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, у большинства, а потому пріобрѣтенное въ школѣ умѣнье постепенно умалается, причемъ особенно страдаютъ тѣ стороны письма, которыя больше зависятъ отъ большаго или меньшаго упражненія: правильность начертанія буквъ и правописаніе, но не изложеніе; удовлетворительность послѣдняго поддерживается чтеніемъ и умственнымъ развитіемъ. Въ виду этого обстоятельства, наше училище рѣшило: чтобы поддерживать умѣнье писать въ бывшихъ ученикахъ практическими упражненіями, раздавать имъ бесплатно бумагу, перья и чернила. Три—четыре стопы бумаги, сотни три—четыре стальныхъ перьевъ да нѣсколько бутылокъ чернилъ—расходъ не большой, и во всякомъ случаѣ онъ окупится той пользой, которую долженъ принести дѣлу поддержанія письменной грамотности въ народѣ. Надо привести нѣсколько образчиковъ письменныхъ изложеній, полученныхъ на испытаніи,—хоть по одному изъ каждаго выпуска, съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

1) Николай Ларіоновъ, выпуска 1886 года.

За неимѣніемъ своего дома, я живу въ настоящі(е)е время у

хозяина, добываю себѣ кусокъ хлѣба трудами своихъ рукъ. Мое занятіе, преимущественно, у хозяина при должности ключника. Чтеніе и писаніе повторяю часто, даже по необходимости хозяйскаго дѣла. Сѣ(е)мья моя состоятъ изъ пяти душъ(,) изъ которыхъ мать и отѣ(е)цъ тоже живутъ у хозяина и двѣ сестры, которыя за малолѣтствомъ живутъ съ родителями.

2) Варвара Сезина, выпуска 1887 года.

Мой дворъ находится на большой улицѣ села Петина(,) пятый домъ отъ кладбища. Мой дворъ кругомъ огороженъ. Изба каменная(,) покрыта соломой под(ъ)глину. Семья моя небольшая: дѣдушка, бабушка и бати съ женой, да насъ четверо. Въ праздничные дни и когда дѣла нѣтъ, читала книги(,) святаго и сказочныя: про Юрія Милославскаго, о Бовѣ королевичѣ и портупей-порпорщикѣ. Писала пис(ъ)ма: Федору Давыдову и Ефрему Григорову.

3) Василій Давыдовъ, выпуска 1888 года.

Нашъ домъ стоитъ недалеко отъ лѣса и обгороженъ хорошо. У насъ ныне(ѣ) лѣтомъ помѣ(е)рло 11 человекъ: 10 въ дифтеритной болѣзни и одинъ утонулъ. Онъ насъ свиней, а въ это время грѣ(е)бли сѣно за Дономъ, и его перевѣ(е)зли въ лодкѣ обѣдать. Онъ пообѣдалъ, и повѣ(е)зли его опять на е(а)тотъ бѣ(е)регъ(,) а такъ какъ лодка была плохая, они отѣ(ѣ)хали отъ бѣ(е)рега не болѣе дв(е)се(я)ти сажень, какъ вдругъ лодка оказалась полна водой; лодка перевалилась(,) и двое утонули, а двое влѣзли на дно лодки и спаслись.

Послѣ ученія я занимался хлѣбопашествомъ и пасъ своихъ лошадей. Я читалъ и писалъ(,) а книги бралъ въ нашемъ училищѣ.

4) Петръ Тищенко вѣ, выпуска 1889 года.

Мы ран(ѣ)ше занимались землѣ(е)де(ѣ)ліемъ, а потомъ раздѣлились; послѣ раздѣленія дома, мой отецъ поступилъ въ лѣсники въ село Петино. Здѣсь мѣ(е)ня отдали въ школу для образованія, для обученія грамотѣ(,) и я кончилъ курсъ 1889 года. По окончаніи курса мѣ(е)ня отдали въ городъ для рѣ(е)месла; послѣ того я поступилъ въ садовники.

5) Андрей Бухоновъ, выпуска 1890 года.

Мой дворъ стоитъ на большой улицѣ(ѣ), седьмой домъ отъ кладбища; хата дубовая, крыта соломой; дворъ разгороженъ съ запада, а съ востока хоть не весь, да загороженъ; огородъ у меня сажень 40 будетъ долины и 15 саж. шир. Вотъ въ но(ы)не(ѣ)шнемъ году мы на этомъ огородѣ накопили 160 мѣръ картофеля. У насъ въ домѣ семьи 3 человека: мать да братъ да я, Андрей Бухоновъ.

6) Иванъ Протопоповъ, выпуска 1891 года.

Дворъ нашъ не особенный, две(ѣ) избы, обнесенъ дворъ плетнями. Семья наша состоитъ изъ двадцати трехъ душъ, шесть мужиковъ, пять бабъ, пять дѣвокъ, семь малыхъ. Моего отца Гаврила выбрали старостой въ міръ(,) а кой кто хвалять его, что хорошо вид(е)тъ порядки. Я лѣтомъ пасъ скотину, овецъ; а зимой, когда погода, молотимъ, по вечерамъ лапти плетемъ; а то ворка чистимъ. Иногда я читалъ. Писать—записываю отцу оп(б)щественный доходъ и расходъ.

7) Иванъ Сезинъ, выпуска 1892 года.

Домъ нашъ не богатъ и не бе(ѣ)денъ, все-таки слава Богу. Ска(о)тины 8 лошади, 20 овецъ, 3 коровы; а хлѣба 60 копенъ ржи, 30 копенъ овса, 20 копенъ проса. Наша сѣ(е)мья не очень велика, 9 челове(ѣ)къ: де(ѣ)душка, бабушка, бати, мама, 3 сестры, братъ мален(ѣ)кій и я. Я все время зай(ни)мался разными де(ѣ)лами(;) пасъ овецъ, мола(о)тилъ хлѣбъ, вилъ оборки. Я и читалъ законъ Божій и прочіи(я) книги и писалъ что мнѣ было нужно.

8) Петръ Сезинъ, выпуска 1893 года.

Нашъ домъ посреди большой улицы. Покрытъ соломой. Онъ самъ деревянный. У насъ есть сарай, двѣ лошади.

Семьи у насъ мало, всего четверо: отецъ, мать, сестра и я. Живемъ мы ладно. Я занимаюсь вотъ чѣмъ: вью веревочки, ухаживаю за лошадьми. Читать я очень люблю и писать тоже. Я читалъ книги: святае Евангеліе, священную исторію, Пушкина, Лермонтова, Кольцова.

9) Тимофей Дочкинъ, выпуска 1894 года.

Нашъ домъ бѣдный. У насъ двѣ лошади и двѣ свиньи, да тридцать куръ. Въ домѣ живутъ: бабушка, отецъ мой, два дяди, две(ѣ) тетки, да два брата и четырь(е) сестры. И все(ѣ)мъ этимъ домою и народомъ управляетъ отецъ мой. Отецъ ходитъ з(с)борщикомъ мірскимъ. Я съ весны жилъ пастухомъ у Павла Ника(о)лаевича три ме(ѣ)сяца, а потомъ заболѣлъ и меня свели.

По окончаніи испытанія всѣмъ собравшимся молодымъ людямъ было предложено угощеніе: чай съ булками и лакомства. Каждый получалъ кружку, которую имѣлъ право унести домой на память и располагался за столомъ пить чай, сколько хочется. Передняя комната школы, гдѣ обыкновенно ученики отдыхаютъ въ промежуткахъ между уроками, въ это время представляла веселую, оживленную картину. Вокругъ столовъ расположилась группа наша грамотная молодежь, занимаясь чаепіемъ и разговорами. Очевидно

было, что всѣмъ весело, всѣ чувствуютъ себя вполне хорошо, всѣ довольны и очастливы.

По окончаніи чаепитія, всѣ получили по кружкѣ, по пакету съ лакомствами и по билету на народный спектакль. Кроме того, были прочитаны и результаты испытанія, которыми всѣ очень интересовались; во время чаепитія возможно было ихъ привести въ порядокъ и выяснить.

Получили полное 5 по всѣмъ предметамъ 8: 1 выпуска 1886 г., 1—1887 г., 1—1888 г., 1—1892 г., 1—1893 г., 3—1894 г., болѣе 18% общаго числа подвергавшихся испытанію. Получили не менѣе четверки по всѣмъ предметамъ 25, почти 60%. Получили не менѣе тройки по всѣмъ предметамъ 45, т. е. всѣ, за исключеніемъ одного. Получилъ двѣ двойки, по письму и по ариметикѣ, при пятеркѣ изъ закона Божія и тройкѣ изъ чтенія, одинъ выпуска 92 года, самаго слабаго изъ всѣхъ девяти выпусковъ; это былъ выпускъ голоднаго года, тогда ученики ходили въ школу не столько для того, чтобы учиться, сколько для того, чтобы покормиться.

Черезъ день послѣ испытанія, 29 декабря, проходилъ актъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Хоръ: «Царю Небесный»...
- 2) Чтеніе отчета за все первое десятилѣтіе.
- 3) Раздача свидѣтельствъ и наградъ.

Хоръ: слава юному грамотею.

4) Ученикъ Федоръ Протопоповъ читаетъ свое сочиненіе «Кольцовъ про лѣниваго мужика» и стихотвореніе Кольцова «Что ты спишь, мужичекъ?»...

5) Ученица Дочкина читаетъ свое стихотвореніе „Десятилѣтіе нашей школы“.

6) Рѣчь попечителя объ итогахъ десятилѣтія.

На актахъ присутствовали родители учащихся, молодые люди, подвергшіяся испытанію 27 декабря, и многія пріѣзжія лица, интересующіеся дѣломъ народнаго образованія. Вотъ извлеченіе изъ отчета.

Училище основано въ 1884 г. частнымъ лицомъ, которое состоитъ его попечителемъ, и содержится на его средства, съ участіемъ въ расходахъ уѣзднаго земства. За всѣ десять лѣтъ расходы земства составляютъ 2.988 р., а расходы учителя-попечителя, со включеніемъ затраты на постройку зданія и классной мебели, на бібліотеку и наглядныя пособія, составляютъ 12012 р. 60 к. Въ распоряженіи училища имѣются: народно-учебная бібліотека, заключающая въ

себѣ до 800 № книгъ; педагогическая библіотека для учащихся; большой волшебный фонарь и къ нему до 250 картинъ; большое собраніе лучшихъ наглядныхъ пособій по всѣмъ предметамъ обученія. Учащихся за 10 лѣтъ было принято 289, мальчиковъ 189, дѣвочекъ 50, и состояло: въ 1884/85 учебномъ году 44, почти 30% общего числа дѣтей школьнаго возраста въ селѣ, въ 1885/86—67, почти 44%, въ 1886/87—70, 46%, въ 1887/89—60. т. е. 40%, въ 1888/80—66, т. е. 44%, въ 1889/90—68, т. е. 45%, въ 1890/91—70, т. е. 46%, въ 1891/92—56, т. е. 37%, въ 1892/93—49, т. е. 32%, въ 1893/94—56, т. е. 37%. Въ продолженіе десяти лѣтъ сдѣлано 9 выпусковъ и окончило курсъ со свидѣтельствомъ 101, м. п. 83, ж. п. 18. Изъ общаго числа принятыхъ дѣтей окончило курсъ 42%, вышло до окончанія курса менѣе 40%, остальные, слишкомъ 18%, къ началу 1894—5 учебного года числились по спискамъ, состоящими въ числѣ учащихся. Между окончившими курсъ было: крестьянъ 89, другихъ сословій 12; мѣстныхъ 76, чужихъ, изъ другихъ селеній, даже другихъ уѣздовъ, 25. По поводу чужихъ дѣтей въ отчетѣ говорится:

„Пришлыя дѣти, обучаясь въ нашемъ училищѣ, жили на квартирахъ у мѣстныхъ жителей, и это, конечно, соединялось съ значительными расходами для родителей. Несмотря на то, эти пришлыя дѣти составляютъ почти четвертую часть общаго числа окончившихъ курсъ. Само собой разумѣется, что училище открывало свои двери для чужихъ дѣтей только по той причинѣ, что въ немъ было достаточно свободныхъ мѣстъ. Такъ какъ въ немъ не обучалось и половины мѣстныхъ дѣтей школьнаго возраста, то очевидно, что мѣстное населеніе не умѣетъ или не желаетъ въ полной мѣрѣ пользоваться благами безплатнаго обученія, не оооданеннаго для него ни съ какими расходами. Это подтверждается и неисправнымъ посѣщеніемъ училища мѣстными учениками, часто пропускающими учебные дни, съ вѣдома родителей и безъ всякихъ уважительныхъ причинъ. А для училища все равно, откуда бы не пришли къ нему русскія дѣти, жаждущія науки и просвѣщенія; оно будетъ одинаково охотно обучать и снабжать учебными пособіями какъ мѣстныхъ такъ и пришлыхъ дѣтей, безъ различія пола, состоянія и мѣста рожденія или приписки“.

Каждый окончившій курсъ въ училищѣ со свидѣтельствомъ, за десять лѣтъ въ совокупности, стоитъ: земству—29 р. 58 коп. попечителю-учредителю 68 р. 53 коп., считая всѣ текущіе расходы за все десятилѣтіе, но не считая единовременной затраты на постройку

зданія и на обзаведеніе училища бібліотекой, учебными принадлежностями и наглядными пособиями.

Ученье обыкновенно начиналось во второй половинѣ сентября, а оканчивалось въ концѣ апрѣля. Годовое число учебныхъ дней, за десять лѣтъ, колебалось отъ 141 до 173; среднее число 153, т. е. 25 шестидневныхъ недѣль.

Въ программу обученія, кромѣ обязательныхъ предметовъ, постоянно входили: сообщеніе свѣдѣній о природѣ, краткій курсъ родиносвѣдѣнія, отечествосвѣдѣнія, и міровѣдѣнія, краткій очеркъ отечественной исторіи: все это въ связи съ чтеніемъ и при помощи наглядныхъ пособій; краткій курсъ русской грамматики, основанный на разборѣ живой рѣчи, предложеній и словъ, соединенный съ словесными упражненіями; упражненія въ сочиненіи, т. е. въ самостоятельномъ изложеніи своихъ знаній, мыслей, чувствъ, желаній; вычисленія съ квадратными и кубическими мѣрами и съ простѣйшими дробями; упражненія торговыми счетами.

Дополненіемъ къ учебнымъ занятіямъ служили: вечера съ свѣтовыми картинами, внѣклассное чтеніе и народные спектакли.

Вечера съ свѣтовыми картинами устраивались 10—12 разъ въ зиму; показаніе картинъ соединялось съ чтеніями, разсказами и бесѣдами повторительнаго содержанія въ связи съ текущими классными занятіями.

Книги для внѣкласснаго чтенія выдавались и обмѣнивались разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

Народные спектакли исполнялись въ помѣщеніи, нарочно для того приспособленномъ, бывшими учениками и ученицами училища, зимой, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Цѣлью ихъ было не только удовольствіе, но и благотворное нравственное воздѣйствіе на зрителей; возбужденія въ нихъ сочувствія къ разумному, доброму и прекрасному, отвращенія къ глупому, злему и порочному. Сообразно съ тѣмъ, выбиралось и содержаніе для спектаклей: они возбуждали сочувствіе къ подвигу Сусанина, съ проявленіемъ самопожертвованія, братской любви и т. п.; они возбуждали отвращеніе или презрѣніе—къ разгулу, пьянству, жадности, мошенничеству и т. под.

Къ домашнему чтенію, на вечера съ свѣтовыми картинами и на спектакли привлекались не только учащіеся и учившіеся, но также ихъ родители и родственники, вообще взрослое населеніе нашего села и частью окрестныхъ селеній. „Вечера съ картинами и

народный театр, какъ воспитывающія средства, по мнѣнію, высказанному въ отчетѣ, имѣютъ то преимущество передъ книгой, что они понятны и для неграмотныхъ, которымъ недоступна книга».

Выпускные экзамены въ училищѣ, по назначенію училищнаго совѣта, происходили въ концѣ апрѣля или въ первой половинѣ мая; крайними числами были: 24 апрѣля и 17 мая.

Ежегодно 22 октября, въ день открытія училища, происходилъ актъ, на которомъ прочитывался годовой отчетъ, раздавались свидѣтельства и награды, произносились рѣчи, а ученики и ученицы читали свои сочиненія, заблаговременно для того приготовленные, и пѣли. За десять лѣтъ приготовлены были для акта слѣдующія ученическія сочиненія: «Наше село и волость», «Нашъ уѣздъ», «Мужъ и жена», стихотвореніе, «А. С. Пушкинъ» (1887 г.). «О земледѣльческомъ трудѣ», «Нашъ храмовой праздникъ», «Жизнь за Царя», «Наша рѣка въ русской исторіи», «Моя родина», стихотвореніе «Зима 1890 г.», стихотвореніе «Чему научились мы въ училищѣ», «Что дѣлаетъ женщина въ крестьянскомъ быту», «Бабыя доли», стихотвореніе «Голодный годъ» (1891 г.), «Про А. В. Кольцова» (1892 г.), «Въ людяхъ и дома». стихотвореніе «Наша церковь и нашъ церковный садъ», «Послѣднія слова Іоанна Богослова», стихотвореніе «Кольцовъ про лѣниваго мужика», «Десятилѣтіе нашей школы», стихотвореніе (1894 г.).

Послѣ прочтенія отчета вызывались тѣ ученики и ученицы, которымъ слѣдовало получить свидѣтельства и награды. Каждому выходящему хоръ пѣлъ «славу».

Кромѣ свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ отъ училищнаго совѣта, всѣ окончившіе курсъ получили подарки на память отъ училища, отъ попечителя и отъ учительницы: книги, Священную исторію, сочиненія Лермонтова и стихотворенія Кольцова (изданія для народно-учебной бібліотеки), картины, тетради, ручку съ перьями, почтовую бумагу и конверты, а за особые успѣхи въ сочиненіи—два мальчика по красной рубахѣ и двѣ дѣвочки по нарядному платку.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе ученическихъ сочиненій, изъ которыхъ больше понравилось стихотвореніе «Десятилѣтіе нашей школы». Стихотвореніе написано на данную тему и по данному плану. Поэтому въ немъ отчасти выразилось то горькое разочарованіе, какое испытывали дѣтели школы по поводу повѣрки результатовъ своей

десятилѣтней дѣятельности. Сочиняли 12 конкурентовъ и сообща выбрали для чтенія на актѣ то, что показалось, сравнительно, лучше. Конечно, въ этомъ стихотвореніи данное содержаніе выразилось въ формѣ довольно грубоватой, но все-таки получилось стихотвореніе довольно цѣльное, связанное и складное, а въ чтеніи даже и эффектное. Вотъ оно:

1.

Десять лѣтъ тому назадъ,
Здѣсь училище открыли;
Десять лѣтъ у насъ ребятъ
Уму-разуму учили:
И молиться, и считать,
Книжки умныя читать,
И рассказывать толково,
Письма складныя писать.
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

2.

Наша школа и тепла,
И доступна, и просторна
Для ребятъ всего села,
Да и учать въ ней проворно.
Всѣмъ даетъ она добро,
Всѣмъ и книжку, и перо.
А посмотришь: все въ ней пусто,
Хоть бы сотня набралась;
А посмотришь: все не густо
Грамотеями у насъ.

3.

Плохо наши мужики
Пользу школы понимаютъ;
Неохотно старики
Насъ въ науку отпускаютъ:
«Для-ча-моль наука намъ,
«Черпосошнымъ мужикамъ?
«Наши дѣды не читали,
«Не учились письменамъ,
«Только ѣли, пили, спали
«И служили господамъ».

4.

Десять лѣтъ еще пройдутъ,—
Дѣло двинется живѣе:
Въ эту школу набѣгутъ
Дѣти нашихъ грамотеевъ.
Тотъ, кто грамоту позналъ
И свѣтъ Божій увидалъ,
Тотъ не будетъ безъ причины,
Какъ упрямый дуракомъ,
Оставлять родного сына
Безъ науки слѣвышемъ.

5.

Наконецъ, пора придетъ,
Благотная настанетъ:
Просвѣтится весь народъ,
Всѣ крестьянки и крестьяне,—
Вотъ тогда-то мужики
Жизнь наладятъ по-людски:
Честно, дружно и толково
Будутъ жить и работать,
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

Послѣднимъ дѣйствіемъ десятилѣтняго юбилея былъ народный спектакль для молодыхъ людей, подвергавшихся повѣрочному испытанію, на который собралось не мало и родственниковъ ихъ.

Для этого спектакля была выбрана очень живая и прекрасная по идеѣ пьеса «Бобыль», передѣланная изъ печатной пьесы того же имени г. Круглополова, автора совершенно неизвѣстнаго. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ Рождественскіе праздники: въ 1-мъ дѣйствіи—колядованія, знахарь и гаданье, во 2-мъ—ряженые, въ 3-мъ—посидѣлки и сговоръ, съ народными свадебными обрядами. Въ пьесѣ много движенія, разнообразія и народныхъ пѣсенъ; смѣшное и забавное переплетается съ трогательнымъ и печальнымъ. Содержаніе пьесы состоитъ въ томъ, что бѣднякъ-бобыль великодушно жертвуетъ своимъ личнымъ счастьемъ ради счастья любимой дѣвушки.

Заключеніемъ спектакля былъ красивый апофеозъ школы: живая картина съ чтеніемъ стихотворенія и хоровымъ пѣніемъ, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ.

Къ какимъ же выводамъ приводитъ этотъ десятилѣтній юбилей одной изъ русскихъ народныхъ школъ?

Мѣстное населеніе все еще не убѣдилось въ необходимости посылать дѣтей въ школу, даже безъ всякихъ затратъ со стороны родителей, а тѣмъ болѣе—чѣмъ либо жертвовать ради обученія не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ. До сихъ поръ сильна мысль что-молъ „наши дѣды и отцы не знали грамоты, не читали, не писали, и сами мы не учились,—ну, значить, и дѣтямъ нашимъ не зачѣмъ учиться,—и такъ проживутъ не хуже грамотныхъ“.

Но въ этомъ упорномъ равнодушіи его къ грамотѣ и школѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Во-первыхъ, „дѣло вѣковъ поправлять не легко“, какъ выразился поэтъ! Во-вторыхъ, еще умный сербъ Юрій Крижановичъ мѣтко сказалъ, что рускіе люди „суть коснаго разума“.

Но чѣмъ менѣе воспримчиво населеніе, чѣмъ оно грубѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ больше въ немъ косности и упорства въ невѣжественныхъ понятіяхъ, тѣмъ нужнѣе среди него школа съ энергическими и убѣжденными дѣятелями. Тутъ-то и настоящая работа для такихъ дѣятелей. Тутъ-то они и должны не падать духомъ, не опускать рукъ, мириться съ крайней умѣренностью результатовъ, съ тугой воспримчивостью среды, съ медленностью работы. Рано или поздно истина и благо свое возьмутъ.

Правда, за десять лѣтъ школа немного дала селу грамотеевъ: всего 76 на тысячу душъ населенія. Но зато обученіе школы оказалось достаточно прочнымъ, а это много значить. При прочности обученія, которое даетъ школа, можно надѣяться, что ученики ея, сдѣлавшись современемъ домохозяевами и отцами, будутъ относиться къ школѣ и къ обученію иначе, нежели ихъ отцы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что смѣна одного поколѣнія другимъ привнесетъ въ село иную жизнь, иные понятія и нравы—и, конечно, неизмѣримо лучшаго качества.

Въ ожиданіи же этой смѣны поколѣній,—что бы ни толковали сторонники „добровольнаго“ народнаго образованія, либерально возстающіе противъ всякаго „насилія“ въ этомъ дѣлѣ—нельзя не пожелать скорѣйшаго введенія у насъ „обязательнаго“ обученія. Нѣтъ надобности, да нѣтъ возможности, вводить его разомъ повсемѣстно во всей обширной и разнообразной территоріи нашего отечества. Но возможно и должно немедленно установить обязательность всеобщаго обученія тамъ, гдѣ имѣется возможность помѣстить въ существующихъ школахъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, принимая за таковой трехлѣтіе отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ настоящее время, благодаря земству, а отчасти духовному вѣдом-

ству, съ его церковно-приходскими школами, такихъ мѣстностей у насъ найдется не мало, а обязательность обученія можно вводить не цѣлыми губерніями, даже не цѣлыми уѣздами или волостями, но и отдѣльными селеніями: гдѣ существующая школа можетъ вмѣстить и обучать всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, какъ въ нашемъ селѣ, какого бы вѣдомства эта школа ни была, тамъ обученіе и должно быть объявлено обязательнымъ, съ извѣстной отвѣтственностью родителей, или даже всего общества, за уклоненіе отъ этой обязательности.

Право, противъ такого „насилія“ трудно что нибудь сказать. Вѣдь отъ невѣжества и косности родителей, которые признають излишнимъ обучать дѣтей грамотѣ въ силу того, что сами не учились,—вѣдь отъ этой ихъ косности страдаютъ ни въ чемъ неповинныя дѣти, которыя нерѣдко рвутся въ школы и не учатся только по волѣ родителей. Вѣдь отъ этого страдаетъ будущее поколѣніе, и всякій, кто убѣжденъ въ томъ, что ученіе—благо для народа, не можетъ возставать противъ такого „насилія“, какъ обязательность обученія. Наконецъ, совершенно непонятно, почему воинская повинность должна быть общею и обязательною, а обученіе дѣтей не должно быть таковымъ. Вѣдь это обученіе тоже потребность государственная, да вмѣстѣ съ тѣмъ—и общественная, и личная потребность современнаго человѣка,—слѣдовательно, ему принадлежить, такъ сказать, тройное право на обязательность. Каждый разъ, когда у насъ возникаетъ вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, кромѣ либеральныхъ фразъ о „несправедливомъ насиліи“ такого обученія, появляются запугивающія вычисленія огромныхъ затратъ, для этого потребныхъ. Но указанное постепенное примѣненіе обязательности обученія только въ тѣхъ мѣстностяхъ, уѣздахъ, волостяхъ, селеніяхъ, гдѣ она возможна при наличныхъ школахъ, совершенно устраняетъ необходимость всякихъ новыхъ затратъ. Пожалуй, чтобы удвоить производительность и работу существующихъ школъ, возможно устроить въ нихъ двѣ смѣны учащихся,—конечно, при удвоеніи учащаго персонала: одна смѣна учится до обѣда, другая послѣ обѣда. Расходъ на второй комплектъ учащихся будетъ, конечно, не такъ великъ, какъ на другую школу, а между тѣмъ число учащихся можетъ удвоиться, и число мѣстностей для установленія обязательнаго всеобщаго обученія значительно увеличится, безъ значительнаго увеличенія расходовъ. Установленное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, всеобщее обязательное обученіе, какъ нѣкоторая зараза, будетъ сама собою за-

хватывать соседнія мѣстности и распространяться. Все дѣло въ томъ, чтобы отбросивъ опасенія, сомнѣнія и колебанія, немедленно положить начало, отъ обсужденій въ кабинетѣ перейти къ практическому осуществленію, хотя бы въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ.

XVI.

О повторительныхъ занятіяхъ съ бывшими учениками.

На всѣхъ съѣздахъ и курсахъ, собирающихъ народныхъ учителей и учительницъ, однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ являлся вопросъ о повторительныхъ занятіяхъ съ бывшими учениками народной школы. Вопросъ этотъ обыкновенно является не извнѣ, а изъ среды самого учительства, но встрѣчаетъ поддержку и со стороны училищной инспекціи, и со стороны земскихъ людей и учреждений.

По поводу этого вопроса, прежде всего, присутствующими выясняются фактическія данныя, его касающіяся.

Оказывается, что уже давно и всѣми сознается потребность въ такихъ занятіяхъ, что на организацію ихъ обращено вниманіе и учебной администраціи, и земскихъ учреждений, и учащихся лицъ.

Оно и понятно. Обученіе въ нашей народной школѣ, при трехлѣтнемъ курсѣ, по 20—25 учебныхъ недѣль въ году, при неаккуратномъ посѣщеніи дѣтьми уроковъ и при малолѣтнемъ возрастѣ учащихся, представляется торопливымъ, недодѣланнымъ, недостаточно прочнымъ и, увы, весьма мало влияющимъ на жизнь, въ смыслѣ улучшенія народныхъ понятій и нравовъ. Еще покойный Н. А. Корфъ, много лѣтъ тому назадъ, настаивалъ на организаціи повторительныхъ занятій, чтобы, какъ онъ выражался, «увѣичать знаніе», т. е. дѣло народной школы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что опыты повторительныхъ занятій уже производились и производятся во многихъ земскихъ губерніяхъ при нѣкоторой поддержкѣ земства вознаграждающаго учащихся за этотъ добавочный и необязательный для нихъ трудъ.

Но рядомъ съ такими данными оказывается, что занятія съ бывшими учениками почти нигдѣ не имѣютъ желательнаго успѣха, въ смыслѣ привлеченія къ нимъ слушателей: молодые люди собираются плохо, посѣщаютъ уроки неаккуратно, относятся къ занятіямъ довольно апатично, назначаемыхъ на домъ работъ не исполняютъ или исполняютъ ихъ кое-какъ. Въ общемъ, результаты оказываются или весьма неопредѣленными или довольно ничтожными.

Приблизительно то же самое наблюдалось и у насъ. Мы дѣлали попытки повторительныхъ занятій еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ и прекратили ихъ, какъ неудачныя, усиливъ, вмѣсто того, развитіе бібліотеки, раздачу книгъ для чтенія на домъ и чтенія съ свѣтовыми картинами. Года три тому назадъ наше земство заявило мѣстному учительству о желательности повторительныхъ занятій съ бывшими учениками школы и назначило учащимъ лицамъ особое вознагражденіе за нихъ, обусловивъ полученіе его сообщеніемъ свѣдѣній о постановкѣ и ходѣ этихъ занятій. Сдѣлана была новая попытка, но результаты получились тѣ же.

Въ первое время являлось нѣсколько человекъ, но скоро эта немногочисленная аудиторія начала таять, посѣщенія становились все менѣе и менѣе аккуратными, такъ что составъ аудиторіи не только уменьшался, но и постоянно измѣнялся, отчего правильность занятій становилась все менѣе и менѣе возможной. Они поневолѣ получали безсвязный, беспорядочный, бессистемный характеръ, видимо начинали тяготить и учениковъ и учителей, какъ работа какая-то подневольная, несимпатичная и... ненужная... Какъ ненужная? А «жажда знаній», замѣчаемая въ русскомъ народѣ, о которой такъ много было говорено и писано? А «увѣнчаніе зданія», о которомъ провозглашала Н. А. Корфъ? А пугало «рецидивизма безграмотности», будто-бы парализующаго всѣ заботы земства о народномъ образованіи? Что-то выходитъ какъ будто неладно. Невольно возникаютъ вопросы: полно, всякія ли «повторительныя занятія» ведутъ къ «увѣнчанію зданія»? Полно, подъ угрозой ли только «рецидивизма безграмотности» нужны эти, такъ называемыя, «повторительныя занятія», рецидивизма, кстати сказать, уже достаточно опровергнутого многочисленными повѣрочными изысканіями бывшихъ учениковъ и ученицъ народныхъ школъ? Полно, удовлетворяютъ ли эти занятія въ томъ видѣ и съ тѣмъ содержаніемъ, какъ они ведутся и рекомендуются, хоть-бы тѣмъ же Н. А. Корфомъ, «жажду знанія», замѣчаемую въ народѣ? Я думаю, что они вовсе не удовлетворяютъ и не могутъ удовлетворять таковой жажды, не ведутъ и не могутъ вести къ «увѣнчанію знаній» и именно по той причинѣ, что не къ тому направлены, имѣя въ виду исключительную борьбу съ воображаемымъ «рецидивизмомъ безграмотности», дѣйствуя, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ опасенія этого рецидивизма, педагогически придерживаясь буквального смысла усвоеннаго ими несчастнаго названія («повторительными») и упорно стараясь ограничиваться «задами». Вѣдь еще умный сержантъ Фонвизина, обучавшій Митрофанушку, основательно говорилъ: «все

зады да зады, ваше благородіе! вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься». Что же удивительнаго, если бывшіе ученики народной школы, смышленные и дѣловитые крестьянскіе ребята, не желаютъ «вѣкъ на задахъ оставаться», а такъ какъ впередъ ходу имъ не даютъ, то начинаютъ манкировать предлагаемыми имъ «задами» и вовсе расходятся по домамъ къ своему крестьянскому дѣлу или къ своимъ обычнымъ деревенскимъ удовольствіямъ, сумма которыхъ въ послѣднее время, во многихъ селеніяхъ, увеличилась пока только однимъ приобрѣтеніемъ—картами, видимо вторгающимися въ ваши села и деревни изъ городовъ, этихъ минимыхъ умственныхъ нечистотъ, съ населеніемъ, недалеко ушедшимъ отъ временъ Гоголевскаго «Ревизора».

— Что-же ты не ходишь на вечернія занятія въ школу?—спрашиваю у бойкаго малаго, пришедшаго въ воскресенье, послѣ обѣда, за книжкой въ школьную бібліотеку.

— Да чего ходить-то?—Скучно тамъ!..

— Какъ скучно? почему?

— Да мы все это уже знаемъ: книжки даютъ все тѣ же, что мы и въ школѣ читали. Онѣ ужъ надоели намъ и такъ... Опять та же диктовка, существительныя, да прилагательныя... Задачки тоже старыя...

— Старыя, старыя, небось ты ужъ забылъ ихъ рѣшать,—ну, и надо повторить! Пишешь тоже съ ошибками...

— Въ диктовкѣ дѣлаю ошибки, это что и говорить... Да я и въ школѣ ихъ дѣлалъ не меньше, это, небось, не бѣда, съ насъ не взыщутъ, лишь бы разбирать было можно. А задачи рѣшать я не забылъ. Развѣ потрудиѣе, такъ вѣдь такихъ то намъ все равно не даютъ.

— Священную исторію повторить, про русскую землю, про старое время.

— Да что, все одно и то же повторять! Вотъ, кабы что-нибудь новенькое! А то все одно и то же, все старое, знакомое,—ну, тогда оно было нужно для экзамена, а теперь на что оно нужно? Скука! Лучше я хорошую книжку возьму да дома почитаю. Дома-то лучше, свободнѣе, никто на тебя не зыкается, какъ на мальчишку. Сколько хочешь, столько и посидишь, ты никому не мѣшаешь, и тебѣ никто не мѣшаетъ.

— Эхъ, братъ, нельзя же въ школѣ всякому волю давать,—что хочетъ кто, то, молъ, и дѣлай. Васъ-то много, а учительница-то одна.

— Такъ-то такъ, ну, для чего насъ и собирать? Ребятишки

ходить учиться, какъ ходили и мы,—ну, и пусть, а намъ ужъ съ ними равняться—дѣло неподходящее; мы свое отбыли, выучились, экзаменъ сдали, свидѣтельства получили, опять запрягаться, въ школьники идти не желаемъ.

— Ну, дѣло ваше: не хотите... и не надо, намъ-же легче.

— Да кабы что новое, да позанятіе, да кабы насъ опять за школьниковъ не принимали, мы-бы съ охотой.

Вотъ и толкуйте: ходили бы и учились-бы съ охотой, а на «задахъ» сидѣть не желаютъ, не желаютъ и опять обращаться въ «школьниковъ». Что-жъ, въ этомъ нежеланіи есть смыслъ. Надо попробовать поставить дѣло иначе.

Попробовали,—и вотъ результаты.

Занятія начались 24 ноября при 6-ти слушателяхъ, но въ слѣдующій же разъ, 27 ноября, число ихъ увеличилось до 14, а 17-го января ихъ было уже 20. Ходили на занятія охотно, слушали съ большимъ интересомъ и вниманіемъ, вели живыя бесѣды, ставили вопросы, свободно высказывали свои заявленія и сами предлагали исполнять разныя письменныя работы и въ классѣ, и внѣ класса, на дому. Занимались два раза въ недѣлю, вечерами. Занятія обыкновенно начинались, приблизительно, съ 6-ти часовъ и продолжались часа 2—3, съ перерывами, съ раздѣленіемъ этого времени на два или на три урока. Последнимъ днемъ занятій было 7 марта, когда большинство посѣтителей заявило, что больше ходить, по домашнимъ обстоятельствамъ, до будущей осени не имѣетъ возможности, но съ осени непременно возобновить свои посѣщенія. Общее число вечеровъ, когда происходили занятія, было 23: въ ноябрѣ (начиная съ 24-го—2; въ декабрѣ (кончая 18-мъ)—5; въ январѣ (начиная 8-мъ)—8; въ февралѣ 5; въ мартѣ (кончая 7-мъ)—3. Всего за 23 вечера сдѣлано уроковъ 41, да на дому исполнено, по собственному желанію, тогда 20-ти письменныхъ работъ (сочиненій).

Изъ общаго числа посѣтителей было: мужского пола 25; женскаго—3; женатыхъ—7; замужнихъ—2; холостыхъ—18; дѣвицъ—1; выпуска 1900 г.—3; выпуска 1899 г.—4; 1898 г.—4; 1897 г.—4; 1896 г.—2; 1895 г.—2; 1894 г.—4; 1893 г.—1; 1890 г.—1; 1889 г.—1; 1888 г.—2.

Словомъ сказать, послѣ прежнихъ неудачныхъ опытовъ, на этотъ разъ результаты превзошли всѣ наши ожиданія. Отчего же такъ случилось? Чѣмъ отличались эти занятія отъ прежнихъ? Въ чемъ заключалась ихъ привлекающая сила?

Собственно говоря, въ нихъ можно было замѣтить только два

существенныя отличія, сравнительно съ прежними, безрезультатными занятіями, на которыхъ я остановилъ вниманіе читателей.

Во-первыхъ, они вовсе не имѣли шаблоннаго школьнаго характера. Слушателей не только не третировали, какъ школьниковъ, но давали имъ право—сидѣть, гдѣ кто хочетъ, ставить вопросы, дѣлать заявленія, принимать или непринимать на себя какія либо работы для домашняго исполненія, приходить или неприходить въ назначенный заранѣе вечеръ. Не приходилось даже наблюдать за порядкомъ, чтобы слушатели не мѣшали учительницѣ или другъ другу, не производили шума и какого бы то ни было безчинства, потому что они сами наблюдали за порядкомъ и въ случаѣ нарушенія его—сами просили удалить безпокойнаго или празднаго товарища. Вообще занятія были совершенно свободны отъ всякой обязательности, отъ всякаго насилія, и посѣтителі, дѣйствительно, не чувствовали себя школьниками.

Во-вторыхъ, содержаніе занятій не имѣло узко-повторительнаго характера, имѣло въ виду не исключительно повтореніе «задовъ», а было направлено къ тому, чтобы вести слушателей дальше, возбуждать ихъ мысль, удовлетворять ихъ любознательность, давать имъ новыя и разнообразныя впечатлѣнія, расширить ихъ умотвенный кругозоръ. Собственно говоря, занятія были начаты безъ определенной, заблаговременно и основательно выработанной программы, были начаты, такъ сказать, экспромтомъ, такъ что для основательной выработки программы и времени не было; да и выработать такую программу возможно только въ свободное время и послѣ ряда опытовъ. За недостаткомъ времени и определенной программы, не было подготовлено и никакихъ новыхъ пособій, кромѣ тѣхъ, какія имѣются въ распоряженіи школы; къ счастью, въ этомъ отношеніи наша школа довольно-таки богата, а потому не встрѣтилось затрудненій, чтобы внести въ занятія достаточно разнообразія и содержательности.

Содержаніе проиходившихъ уроковъ можно разгруппировать на четыре отдѣла.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Чтеніе дѣловыхъ (популярно-научныхъ) сочиненій, конечно—изъ одобренныхъ министествомъ народнаго просвѣщенія, и бесѣды въ

связи съ чтеніемъ, соединенныя съ разсматриваніемъ и объясненіемъ разнообразныхъ наглядныхъ пособій, съ опытами и свѣтовыми картинами.

А. О человекѣ, четыре урока:

1. *Скелетъ и мускулатура*. Наглядными пособиями служили: торсъ изъ папье-маше и прекрасныя картины Мейнгольда.

2. *Кровь и кровообращеніе*. Пособія: картины Рупрехта, капля крови подъ микроскопомъ, раскладное сердце изъ папье-маше.

3. *Пищевареніе и дыханіе*. Картины Мейнгольда и Рупрехта, раскладной торсъ.

4. *Мозгъ и нервы*. Картины Мейнгольда и Рупрехта, препаратъ изъ папье-маше.

Б. О явленіяхъ и силахъ природы, четыре урока:

1. *Воздухъ. Теплота*.

Для наглядности и убѣдительности изложенія служили опыты, выяснявшіе свойства воздуха, его составъ, свойства газовъ, входящихъ въ его составъ, источники теплоты, ея вліяніе на тѣла и различіе тѣлъ по теплопроводности.

2. *Вода. Водяной паръ и примѣненіе его къ работѣ*.

Урокъ опять соединился съ опытами, выяснявшими—свойства воды и превращенія ея подъ вліяніемъ теплоты, свойства водяного пара, способность его производить движеніе и примѣненія этой способности къ потребностямъ человѣческой жизни (локомотивъ и автомобиль).

3. *Свѣтъ. Глазъ. Зрѣніе. Миражи и привидѣнія*.

Пособіемъ служили картины Мейнгольда и Лейтемана, стекла.

4. *Звукъ. Ухо. Слухъ*.

Кромѣ картинъ, показывались: камертонъ, скрипка и граммофонъ, съ надлежащими объясненіями.

В. По земледѣльнѣю, четыре урока.

1. *Царство льдовъ и снѣговъ. Нансенъ*.

Пособіями служили свѣтовые картины.

2—3. *Путешествіе вокругъ свѣта*.

Свѣтовые картины, съ объясненіями.

4. *Америка. Колумбъ*.

Свѣтовые картины.

Г. По отечественной исторіи, три урока.

1. *Царь Иванъ Васильевичъ IV, завоеваніе Казани, Астрахани и Сибири*.

Пособіемъ служили свѣтоты картины.

2. *Петръ Великій*, преобразованіе Россіи и сближеніе ея съ Западной Европой.

Свѣтоты картины.

Д. По *всеобщей исторіи*, три урока.

1. Быть первобытныхъ людей.

2. Египтяне и финикіяне.

3. Греки и римляне.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Чтеніе и объясненіе художественныхъ произведеній, иногда соединенное съ иллюстраціями посредствомъ волшебнаго фонаря, четырнадцать уроковъ.

А. *Пушкина*:

1. Братья-разбойники (картины).

2. Галубъ.

3. Мѣдный всадникъ.

4. Полтава (картины).

5. Капитанская дочка (картины).

Б. *Лермонтова*:

6. Песня про Царя Ивана Васильевича Грознаго (картины).

В. *Гоголя*:

7. Сорочинская ярмарка.

8. Ночь подъ Рождество (картины).

9. Пропавшая грамота.

10. Майская ночь (картины).

11. Заколдованное мѣсто.

12. Тарасъ Бульба (картины).

Г. *Другихъ авторовъ*:

13. Сигналъ. Гаршина.

14. Горь-сѣхъ. Сокращеніе романа В. Гюго «Человѣкъ, который смѣется».

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Письменные упражненія, соединенныя съ грамматическими, логическими и стилистическими объясненіями, четыре урока.

Въ классѣ писали диктовку, а сочиненія, въ количествѣ болѣе

20-ти, изъ прочитаннаго и выслушаннаго, писали, по собственному желанію, на дому и приносили учительницѣ для просмотра; въ общемъ, сочиненія были очень толковыя, въ смыслѣ содержательности и изложенія: они свидѣтельствовали, во-первыхъ, что пропитанное и выслушанное хорошо понято и усвоено авторами, во-вторыхъ, что умѣнье толково излагать свои знанія и мысли, вынесенное изъ школы, не утрачено нашими бывшими учениками.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ариметика, четыре урока: о дробяхъ и дѣйствіяхъ съ дробями, рѣшеніе задачъ на дроби изъ «Сборника» Евтушевскаго, часть 2-я.

Въ концѣ концовъ наблюденія и опыты приводятъ меня къ такимъ выводамъ относительно занятій съ бывшими учениками школы.

Прежде всего, задачей этихъ занятій, какъ бы ни называть ихъ (пожалуй—хоть бы и «повторительными»), слѣдуетъ поставить: не простое повтореніе стараго, знакомаго, проработаннаго въ школѣ, не только освѣженіе, но и пополненіе знаній, расширеніе умственнаго кругозора, доставленіе новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній; не утомительное толченіе на одномъ мѣстѣ, скорѣе подавляющее, нежели питающее жажду знанія, если она дѣйствительно существуетъ въ крестьянской молодежи, которая прошла курсъ школы и приобрѣла симпатію, довѣріе и стремленіе къ книгѣ, а движеніе впередъ. Поэтому въ такихъ занятіяхъ невозможно довольствоваться тѣми учебными книжками, какія практикуются въ школѣ. Во-первыхъ, эти учебныя книжки не только достаточно знакомы бывшимъ ученикамъ, но прямо надоѣли имъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда одна и та же книга употребляется и въ среднемъ и въ старшемъ отдѣленіи, т. е. два года, какъ это приходилось наблюдать, напримѣръ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ съ «Книгой для чтенія» г. Баранова. Во-вторыхъ, употребляемыя въ школѣ учебныя книжки и рассчитаны на интересы и пониманіе дѣтей школьнаго возраста, а не для молодыхъ людей, прошедшихъ школу, старше лѣтами, богаче наблюденіемъ и опытомъ, больше читавшихъ, мыслившихъ и жившихъ. Какъ основная книга для чтенія, здѣсь была бы пригодна «Книга для взрослыхъ» Х. Д. Алчевской, но дополненіемъ къ ней могутъ служить и многія книги народно-учебной бібліотеки министерскаго каталога.

Здѣсь надо относиться къ этимъ молодымъ людямъ, которые собираются на занятія, имѣя свидѣтельства объ окончаніи курса,

даже пропустивъ значительное число лѣтъ послѣ выпускного экзамена, совершенно иначе, нежели къ школьникамъ.

Надо видѣть въ нихъ не ребятишекъ, еще не понимающихъ значенія книги и книжнаго ученія, а молодыхъ людей, жаждущихъ знанія и вообще доброкачественной, питательной и вкусной, умственной пищи, свободно и сознательно приходящихъ къ учителю, какъ источнику знанія и желательному руководителю для продолженія ихъ учебной работы. Вся шаблонная школьная формалистика, умѣстная и, въ известной мѣрѣ, необходимая при обученіи дѣтей школьнаго возраста, здѣсь не имѣетъ смысла. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, желательна и возможна только сознательная и свободная дисциплина, сама собой, безъ всякаго насилія возникающая и вырабатывающаяся въ средѣ молодежи, которая сама и самостоятельно группируется около человека, способнаго, по ея убѣжденію, удовлетворить ея жажду знанія, руководить ея учебными занятіями.

Къ сказанному прибавлю, что далеко не всякій начальныи учитель въ состояніи вести такіа занятія съ бывшими учениками, удовлетворяющія живую жажду знанія, не всякій, какъ по суммѣ знаній, какими обладаетъ, по умственному развитію, такъ и по размѣрамъ силъ, которыхъ очень много приходится затрачивать и на текущую работу въ школѣ.

Эти занятія требуютъ и запаса довольно многостороннихъ познаній, и умѣнья дополнять свои познанія изъ книгъ, ловко группировать ихъ, общедоступно и занимательно излагать, и сильной подготовки къ каждому предмету. Въ общемъ, это работа далеко не легкая, особенно—какъ работа добавочная къ текущимъ урокамъ въ школѣ, которые все таки составляютъ главную, основную обязанность учителя. Кромѣ того, эти занятія возможны только при особенно благоприятныхъ условіяхъ: необходимо, чтобы въ распоряженіи учителя былъ порядочный запасъ книгъ хоть популярно-научнаго содержанія, а также запасъ хорошихъ наглядныхъ пособій. Все это въ русскихъ школахъ встрѣчается очень рѣдко, въ видѣ счастливаго исключенія.

Всего лучше было бы для надлежащей постановки такихъ занятій съ бывшими учениками пригласить на уѣздъ нѣсколько особыхъ учителей съ хорошей образовательной подготовкой, которые объѣзжали бы уѣздъ, останавливаясь на пять, на шесть недѣль въ каждой школѣ, привозя съ собой нужныя книги и пособія. Пусть крестьянская молодежь села Малышева заблаговременно знаетъ, что въ этомъ селѣ занятія съ бывшими учениками будутъ производиться въ

сентябрѣ и октябрѣ, а молодежь села Дѣвицы, что здѣсь такіа занятія будутъ въ октябрѣ и ноябрѣ, и т. д. При такихъ условіяхъ эти занятія могутъ быть поставлены хорошо, цѣлесообразно и плодотворно, приобрѣтутъ, кромѣ чисто учебнаго, воспитательное значеніе. Ожиданіе пріѣзда подвижнаго учителя, съ новыми книгами и учебными пособиями, и начала занятій, а потомъ воспоминанія и разговоры о происходившихъ занятіяхъ будутъ вносить новую, оживляющую, бодрящую и подымающую струю въ жизнь деревенской молодежи. Мало того: пріѣздъ подвижнаго учителя и его занятія будутъ оказывать хорошее вліяніе на жизнь и успѣхи каждой мѣстной школы, на жизнь и трудъ каждаго мѣстнаго учителя, не утомляя его непосильной работой, а освѣжая, оживляя, одушевляя. Надо хоть немного знать жизнь русскаго сельскаго учителя, въ сторонѣ отъ всякаго интеллигентнаго общества, безъ всякихъ условій культурной жизни, чтобы понять, какое огромное значеніе можетъ имѣть для него пріѣздъ на нѣсколько недѣль свѣжаго интеллигентнаго человѣка, да еще товарища по профессіи, возможность услышать живое слово, потолковать по душѣ, подѣлиться своими впечатлѣніями и одинокими думами.

XVII.

Нъ вопросу о всеобщемъ обязательномъ обученіи въ Россіи.

Недавно одинъ извѣстный русскій педагогъ навелъ уныніе и раздумье на русское образованное общество разсчетомъ, что населеніе Россіи можетъ сдѣлаться грамотнымъ только черезъ 260 лѣтъ, даже при томъ, трудно-осуществимомъ условіи, если у насъ ежегодно будетъ открываться не менѣе 3250 новыхъ народныхъ училищъ. Понятно, что такимъ разсчетомъ устранялась всякая возможность обязательнаго всеобщаго обученія въ Россіи не только въ настоящее время, но чуть ли не на два столѣтія впередъ.

Нѣсколько разсѣялъ возбужденные этимъ разсчетомъ страхи г. Вахтеровъ своимъ докладомъ въ Московскомъ комитетѣ грамотности. Онъ ввелъ въ дѣйствительные предѣлы, установленные жизнью, учебный возрастъ и учебные годы для русскихъ дѣтей, да выяснилъ, что неблагоприятныя условія разселенія вовсе не такъ страшны для распространенія грамотности, какъ это кажется, — и возможность всеобщаго обученія въ Россіи представляется уже гораздо менѣе отдаленной, менѣе трудно осуществимой.

Новый трудъ того же писателя, напечатанный въ журналѣ «Русская Мысль», содержитъ въ себѣ новыя выясненія по тому же

вопросу, которыми мы воспользуемся для настоящих замѣтокъ, какъ интереснымъ и поучительнымъ матеріаломъ.

Несомнѣнно, что народное образованіе въ нашемъ отечествѣ представляетъ мало отрадную картину сравнительно съ другими европейскими странами. Чтобы получить о ней понятіе, достаточно обратить вниманіе на относительное число новобранцевъ и учащихся.

Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Швейцаріи и Пруссіи почти нѣтъ безграмотныхъ новобранцевъ (отъ 0% до 8%). Въ послѣднее время съ успѣхомъ догоняютъ ихъ: Франція, Бельгія, Италія, гдѣ относительное число безграмотныхъ новобранцевъ отъ 9% до 42%. Далеко отстали: Греція, Болгарія, Сербія, Россія, гдѣ этотъ процентъ отъ 70% до 79%. Но и въ этомъ отсталомъ ряду по количеству учащихся нашему отечеству принадлежитъ — увы!... послѣднее мѣсто. Въ Болгаріи теперь, черезъ 17 лѣтъ послѣ освобожденія, уже учится 8,9% всего населенія, въ Греціи—6,4%, въ Сербіи 2,7%, а въ Россіи... только 2,6%, т. е., по числу учащихся, она не ушла впередъ даже отъ Турціи, о варварствѣ которой мы такъ любимъ говорить: въ этой «варварской» странѣ тоже учится 2,6% населенія.

Обращаясь къ другимъ частямъ свѣта, находимъ, что впереди Россіи стоитъ даже Японія; о Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ и говорить нечего: здѣсь процентъ учащихся выше 20%; здѣсь въ какія нибудь 20 лѣтъ послѣ великой междоусобной войны за освобожденіе негровъ, почти одновременной съ освобожденіемъ нашихъ крестьянъ, устроено болѣе 60 тысячъ негритянскихъ училищъ съ двумя милліонами учащихся, тогда какъ у насъ и до сихъ поръ общее число народныхъ училищъ не достигаетъ 50-ти тысячъ.

Неудивительно, что у насъ то и дѣло оказываются безплодными самыя благонамѣренныя предпріятія и заботы съ цѣлью поднять производительность народнаго труда и уровень народнаго благосостоянія, въ родѣ заботъ и предпріятій Вятскаго земства, направленныхъ къ поднятію земледѣлія. Эта безплодность,—которая кажется невѣроятною съ отвлеченной точки зрѣнія,—на самомъ дѣлѣ очень просто объясняется поголовнымъ невѣжествомъ сельскаго люда. Наше крестьянство, не обладая ни грамотностью, ни умственнымъ развитіемъ, ни самыми начальными научными знаніями, при всей признанной природной даровитости русскаго народа, не понимаетъ и не можетъ понимать ни смысла, ни цѣнности предпріятій и заботъ,

основанныхъ на выводахъ научнаго знанія, а потому отрицаетъ ихъ и даже относится къ нимъ враждебно.

Какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ оно враждовало противъ картофеля, считая его «чертовымъ яблокомъ» и подымая «картофельный бунтъ», а распространеніе холеры приписывало врачамъ и аптекарямъ, — такъ и въ самое послѣднее время оно разноситъ бараки, избиваетъ фельдшеровъ и врачей, а всякія нововведенія въ земледѣліи, противорѣчащія преданіямъ и дѣдовскимъ обычаямъ считается вздорными выдумками. Тамбовская баба и до сихъ поръ стоитъ на томъ, что жеваннаго изъ ржаного хлѣба — самое здоровое питаніе для маленькаго ребенка. Воронежскій мужикъ и до сихъ поръ лечится холодной водой изъ ржаваго колодца, которую пьетъ, когда у него «внутри горитъ», потому что всякій пожаръ надо заливать водой. Смоленскій мужикъ и теперь полагаетъ, что «на морозѣ скотина здоровѣе», потому что «больше ѣстъ», и считаетъ вреднымъ для скота помѣщеніе, сколько нибудь защищенное отъ вѣтровъ и морозовъ. Сдиранье кожи съ чумной скотины для продажи — и нынѣ обычное дѣло въ среднихъ губерніяхъ, а мѣропріятія, направленные для охраненія здороваго скота отъ заразы, вызываютъ ропотъ и всевозможныя противодѣйствія. Крестьяне черноземныхъ губерній, даже съ черноземомъ не особенно высокаго качества и небольшой глубины, при всемъ ихъ малоземельи и несмотря на горькіе уроки повторяющихся неурожаевъ и голодовокъ, считаютъ лишнимъ удобрять поля и смѣются, если имъ говорятъ, что земля, послѣ ряда посѣвовъ, теряетъ овою производительность.

Ни живые примѣры, ни совѣты, ни приказанія не достигаютъ цѣли, не дѣйствуютъ на невѣжественное населеніе: примѣры оно объясняетъ по своему, совѣтамъ не вѣритъ, приказанія обходитъ.

Такое положеніе основнаго населенія Россіи, конечно, не можетъ не возбуждать горькаго чувства въ оердцѣ всякаго, кому близки и дороги интересы отечества. Но мало только чувствовать скорбь и соболизнованіе. «Соболизнованія, — какъ выражается у Гоголя Плюшкинъ, — въ карманъ не положишь». Надо серьезно подумать о причинахъ такого положенія и о средствахъ, какъ бы поскорѣе поправить и улучшить это положеніе.

Прежде всего обратимъ вниманіе на отношеніе между распространеніемъ грамотности и образованія и хозяйственнымъ благосостояніемъ населенія: не обусловливается ли первое большей или меньшей удовлетворительностью послѣдняго?

Никто не будетъ увѣрять, будто Скандинавія и Швейцарія

представляютъ наиболѣе высокій уровеньъ народнаго благосостоянія, сравнительно съ другими странами Европы, — но гдѣ же дѣло народнаго образованія поставлено шире и развивается успѣшнѣе, нежели въ этихъ странахъ? Франція одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ Европѣ, но въ ней 9% неграмотныхъ новобранцевъ, а въ бѣдной Швеціи ихъ только 0.2%. И замѣчательно, что во Франціи усиленное движеніе впередъ народнаго образованія обнаружилось въ то время, когда благосостояніе ея населенія было сильно потрясено нѣмецкимъ погромомъ съ его послѣдствіями, раззореніемъ и уплатой громаднаго налога побѣдителямъ.

И у насъ въ Россіи, какъ показываютъ данныя, заключающіяся въ изслѣдованіяхъ гг. Благовѣщенскаго, Бычкова, Раевского, Боголѣпова, Щербини и др., выбранныхъ г. Вахтеровымъ, часто обнаруживается подобное обратное отношеніе между распространеніемъ грамотности, съ одной стороны, и хозяйственнымъ благосостояніемъ крестьянства, съ другой.

Главными признаками крестьянскаго благосостоянія у насъ справедливо признается количество земли, хлѣба (урожаи) и скота. Что же оказывается? Земельный надѣлъ у государственныхъ крестьянъ больше, а относительное число грамотныхъ меньше, нежели у бывшихъ удѣльныхъ. Изъ бывшихъ крѣпостныхъ у собственниковъ земельный надѣлъ больше, а число грамотныхъ меньше, нежели у дарственниковъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ крестьяне вовсе не были надѣлены землею, но уже давно введено всеобщее и обязательное обученіе, и народное образованіе процвѣтаетъ, хотя большинство мѣстнаго населенія, всты и латыши, далеко не отличаются природной даровитостью. Самыми большими земельными надѣлами владѣютъ бѣлорусскія губерніи, но грамотность здѣсь распространена во много разъ слабѣе, нежели въ безземельномъ населеніи остзейскаго края. Въ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, самыя грамотныя крестьянскія хозяйства владѣютъ наименьшимъ количествомъ земли и скота (41 десятина и 53 головы на 100 душъ), а самыя малограмотныя — наибольшимъ (115 д. и 65 г.). Въ Воронежскомъ уѣздѣ въ тѣхъ общинахъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ существуетъ грамотность, на одинъ дворъ приходится 4,6 головы крупнаго скота, а въ общинахъ, гдѣ грамотность отсутствуетъ, количество скота подымается до 5 головъ на дворъ. Въ Задонскомъ уѣздѣ, той же губерніи, общины съ надѣломъ до 5 десятинъ оказываются грамотнѣе общинъ съ надѣломъ въ 15 десятинъ. Въ Вольскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, самыми безграмотными

оказываются тѣ общины, въ которыхъ надѣль, сравнительно, выше (отъ 5 до 10 десѣтинъ). То же обратное отношеніе нашелъ г. Рубакинъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи. И въ Московской губерніи,—по словамъ г. Вахтерова,—распространеніе грамотности обусловливается не хозяйственными причинами (число дѣтей, не посѣщающихъ школу по бѣдности, не превышаетъ 3 на сотню), а училищными разстояніями и количествомъ училищъ: чѣмъ больше училищъ и чѣмъ меньше околотовъ каждаго, тѣмъ успѣшнѣе распространяется начальное образованіе.

У насъ, въ селѣ Петинѣ, Воронежскаго уѣзда, съ 1886 года по 1895 г. включительно, окончило въ народномъ училищѣ со свидѣтельствомъ 108 ч., въ томъ числѣ принадлежащихъ къ мѣстной крестьянской общинѣ 82; изъ этого числа только 25—дѣти зажиточныхъ семействъ, съ исправнымъ хозяйствомъ, а остальные 57—изъ семействъ бѣдныхъ, или съ ничтожнымъ количествомъ скота, или даже безлошадныхъ. Оказывается, что крестьянское довольство въ земледѣльческомъ быту часто отвлекаетъ отъ училища и вкореняетъ въ зажиточномъ населеніи высокомѣрное отношеніе къ книжному ученію, а крестьянская нужда, напротивъ, толкаетъ въ училище и вызываетъ проявленіе неожиданнаго дружелюбія къ нему. У насъ число учащихся значительно возросло именно въ ту зиму, когда населеніе всего мѣнѣе было обезпечено въ хозяйственномъ отношеніи, въ голодовку 1891—92 года; а потомъ, по мѣрѣ того, какъ хозяйственное положеніе крестьянъ стало улучшаться, благодаря обильнымъ урожаемъ 93 и 94 годовъ, это число стало падать и въ послѣднюю зиму 94—95 годовъ опустилось до половинны противъ голодной зимы.

Подобное явленіе было замѣчаемо и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, замѣчено было значительное уменьшеніе количества окончившихъ народное училище въ 1888—89 учебномъ году, а уѣздная земская управа объясняла это уменьшеніе «обильнымъ урожаемъ прошлаго года». По наблюденіямъ г. Вахтерова, въ Смоленской губерніи хорошій урожай льна обыкновенно сопровождается уменьшеніемъ числа учащихся дѣвочекъ.

Всѣ наложенныя данныя свидѣтельствуютъ о слабой зависимости распространенія грамотности и народнаго образованія отъ хозяйственныхъ условій. И напрасно у насъ нерѣдко именно въ этихъ-то условіяхъ хотятъ найти оправданіе и народному невѣжеству, и общему халатному отношенію къ дѣлу народнаго образованія. Го-

ворять, будто нечего думать о хороших народных училищахъ, о народно-учебныхъ читальняхъ и т. под., въ виду народной бѣдности, когда хозяйственные условія народной жизни и домашній бытъ крестьянства находятся въ такомъ жалкомъ состояніи: это, молъ, у насъ «несвоевременная роскошь». Говорить, будто бѣдное крестьянство и не пойдетъ въ эти училища и читальни, слѣдовательно, средства и заботы лучше приберечь на что либо другое, болѣе своевременное и умѣстное. Не пустя ли все это отговорки, которыми прикрывается то наша общественная вялость, то основное своексерыстіе, которое видитъ для себя выгоду въ народномъ невѣжествѣ? Не справедливѣ ли будетъ признать, что именно народное-то невѣжество у насъ и есть одна изъ главныхъ причинъ народной бѣдности, при всѣхъ естественныхъ богатствахъ страны? Вѣдь несомнѣнная дѣйствительность показываетъ, что грамотное и развитое умственно населеніе, и при самыхъ плохихъ хозяйственныхъ условіяхъ живетъ болѣе человѣческою жизнью, нежели невѣжественное при условіяхъ, сравнительно, лучшихъ.

Если признавать важное значеніе въ дѣлѣ распространенія грамотности и образованія за вѣроисповѣдными и племенными различіями населенія, то нельзя не согласиться, что большая часть населенія Россіи въ обоихъ этихъ отношеніяхъ находится въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Преобладающее въ ней православное вѣроисповѣданіе не можетъ не содѣйствовать распространенію грамотности и книжнаго обученія. Это вполне подтверждается просвѣтительной ролью древне-русскихъ православныхъ монастырей, которая доказана русской исторической наукой. И однако же изслѣдованіе г. Бычкова («Грамотность сельскаго населенія») относительно 14 уѣздовъ четырехъ губерній показываетъ, что нынѣ грамотность нѣмцевъ-протестантовъ здѣсь 64—67%, евреевъ 49%, татаръ 5—16% а великороссовъ-православныхъ только 11—15%; въ женскомъ населеніи эта разниця еще больше: у нѣмцевъ, между женщинами грамотныхъ—60—61%, у евреевъ—7%, у татаръ—3—4%, у великороссовъ только 1%.

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, первое мѣсто по грамотности занимаютъ волости, въ которыхъ много сектантовъ. Такъ, у молоканъ села Максимовки грамотныхъ насчитывается до 19%, а у православныхъ только 6%. Въ протестантскомъ населеніи Россіи относительное число учащихся 6,50%—10,5%, т. е. далеко превосходитъ среднюю цифру для всей Россіи, съ преобладающимъ православнымъ вѣроисповѣданіемъ, которая равняется 2,6%. Оче-

видно, что есть какія-то причины, ослабляющія несомнѣнную просвѣтительную силу православія, и эти причины, конечно, всего болѣе должны быть извѣстны православному русскому духовенству, такъ близко стоящему къ народу.

О природной даровитости русскаго народа было такъ часто и много говорено, что повтореніе было бы излишне. И опять-таки—г. Вахтеровъ вычислилъ, на основаніи позднѣйшихъ оффиціаль-ныхъ данныхъ, что въ великорусскихъ губерніяхъ учится только 2,4% населенія, а въ остзейскихъ, среди малодаровитыхъ эстовъ и латышей,—8%.

Въ Финляндіи, населенной народомъ низшаго племени, не бли-стающимъ даровитостію, дѣло народнаго образованія идетъ гораздо успѣшнѣе, нежели среди даровитаго русскаго населенія среднихъ губерній. Опять очевидно, что есть какія-то причины, ослабляющія даровитость русскаго народа въ дѣлѣ грамотности и образо-ванія.

Будемъ доискиваться до этихъ причинъ.

Оказывается, что большая часть и безъ того слишкомъ умѣрен-наго количества народныхъ училищъ, какое существуетъ въ Россіи теперь, создана послѣ освобожденія крестьянъ, и преимущественно свободнымъ починомъ земскихъ учреждений, а частью и частныхъ лицъ, когда въ господствующихъ сословіяхъ возникло сознаніе, пока еще смутное и далеко не всеобщее, что народное образова-ніе—живая государственная потребность, обуславливаю-щая силу и благосостояніе государства, что забота о немъ—долгъ каждаго мыслящаго и честнаго гражданина. Оказывается, что въ земскихъ губерніяхъ грамотность распространена больше, нежели въ неземскихъ. Г. Вахтеровъ, пользуясь послѣднимъ выпускомъ еже-годника центральнаго статистическаго комитета, вычислилъ, что въ 34 земскихъ губерніяхъ грамотныхъ новобранцевъ 34,4%, а въ 9 не земскихъ только 21,5%, учащихся въ земскихъ губерніяхъ 2,3% населенія, а въ неземскихъ только 1,3%. Еще благоприят-нѣе, нежели въ русскихъ земскихъ губерніяхъ, эти отношенія въ Финляндіи, гдѣ населеніе, какъ извѣстно, пользуется болѣе сво-боднымъ и широкимъ самоуправленіемъ, да и общественное убѣ-жденіе въ необходимости народнаго образованія отличается болъ-шею твердостью, благодаря сосѣдству съ Швеціей и сохраненію благотворныхъ преданій.

Очевидно, что развитіе и успѣхи народнаго образованія обу-славливаются не столько хозяйственными, въроисповѣдными и пле-

менными влияніями, сколько правовыми отношеніями, а особенно сознаниемъ господствующихъ сословій и всего народа, что грамотность и образованіе нужны всѣмъ людямъ, безъ различія пола, народности, вѣроисповѣданія, сословія и состоянія.

Очень любопытны и многозначительны выводы, сдѣланные г. Вахтеровымъ изъ правительственной статистики (Ежегодникъ 1890 г.) о связи между земскими заботами о народномъ образованіи, какъ онѣ выразились въ земскихъ расходахъ на это дѣло, и сословнымъ составомъ земскихъ собраній.

Распределеніе земскихъ губерній, по относительному числу гласныхъ отъ дворянъ и крестьянъ, даетъ два нижеслѣдующіе ряда:

1. Въ губерніяхъ, гдѣ относительное число гласныхъ отъ дворянъ 41,9% общаго числа, расходы на народное образованіе составляютъ 15,3% всѣхъ земскихъ расходовъ; въ губерніяхъ, гдѣ первая цифра понижается до 23,86%, вторая поднимается до 18,4%.

Въ губерніяхъ, гдѣ относительное число гласныхъ отъ крестьянъ выше 42% общаго числа (такихъ губерній 12), на народное образованіе расходуются 17,96% всѣхъ земскихъ расходовъ; въ губерніяхъ, гдѣ первая цифра опускается до 38,4% и ниже, и вторая понижается до 15 и даже 14,72%.

Изъ этихъ данныхъ позволительно заключить, что у насъ еще недавно (до 1890 г.) въ губерніяхъ съ наибольшимъ числомъ гласныхъ отъ крестьянъ сознание необходимости народнаго образованія было сильнѣе въ средѣ сельскаго населенія, нежели въ губерніяхъ съ наибольшимъ числомъ гласныхъ отъ дворянъ, а въ послѣднихъ было слабо такое сознание въ господствующихъ сословіяхъ мѣстнаго населенія. Можно бы опасаться, что установленное въ послѣднее время уменьшеніе въ земскихъ собраніяхъ крестьянскаго представительства будетъ неблагоприятнымъ условіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ народнаго образованія въ Россіи. Но, съ другой стороны, представляется не мало очевидныхъ признаковъ, что теперь, послѣ бѣдствій и горькихъ уроковъ 1891, 1892 и 1893 годовъ, въ господствующихъ сословіяхъ сильно поднялось сознание крайней необходимости немедленно и рѣшительно двинуть впередъ дѣло распространенія грамотности и народнаго образованія, хотя-бы и съ значительными жертвами. Въ послѣднее время, кромѣ разговоровъ, которыми у насъ оканчиваются многія благія намѣренія, замѣчаются и рѣшительные порывы къ дѣлу въ этомъ направленіи. Въ семи губерніяхъ даже былъ поднятъ вопросъ объ организаціи всеобщаго обученія и приступлено къ

подготовительнымъ работамъ. Справедливо говорится въ окружномъ обращеніи Московскаго комитета грамотности по поводу предположеннаго имъ на сельскохозяйственной выставкѣ отдѣла по народному образованію:

«Переживаемое нами время характеризуется усиленнымъ и повсемѣстнымъ интересомъ къ дѣлу народнаго образованія. Русское общество сознаетъ, что безъ успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса крайне затруднены дальнѣйшіе шаги по пути общественнаго и экономическаго развитія народа. Помимо различныхъ учреждений, для которыхъ дѣятельность по народному образованію является прямой задачей, просвѣщенію народа стремятся послужить въ послѣднее время и такія общественныя группы и отдѣльныя лица, ближайшая дѣятельность которыхъ не стоитъ въ связи съ народнымъ образованіемъ, но которыя вызваны на эту добровольную работу яснымъ сознаніемъ крайней необходимости борьбы съ невежествомъ»...

Въ добрый часъ!.. Хорошимъ дополненіемъ къ этой характеристикѣ переживаемаго времени могутъ служить слѣдующія прекрасныя слова г. Вахтерова:

«Тысяча признаковъ говоритъ, что переживаемый нами моментъ чрезвычайно серьезный и критическій. Если пропустить его, если теперь же не предпринять самыхъ широкихъ мѣропріятій по народному образованію, какъ со стороны государства, такъ со стороны общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, если теперь же не объявить всеобщаго, поголовнаго, крестоваго похода противъ невежества, то будетъ уже поздно. Кабакъ, деревенскій кулакъ, фабрика и трактиръ и другіе продукты современныхъ экономическихъ отношеній возьмутъ верхъ надъ здоровыми устоями народной жизни, произведутъ такое растлѣніе въ нравахъ народа, что потомъ никакими школами и библіотеками нельзя будетъ остановить безповоротнаго разложенія»...

Это вѣрно. Надо пользоваться благоприятнымъ возбужденіемъ общественнаго сознанія, пока оно не потеряло своей стремительности и горячности. Дождаться поры, когда такое сознаніе разольется во всемъ рускомъ народѣ, при многообразныхъ неблагоприятныхъ для того условіяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, было бы слишкомъ долго.

Опираясь на все изложенное, намѣтлимъ слѣдующія мѣропріятія для усиленія успѣховъ народнаго образованія въ Россіи, примѣненіе которыхъ возможно, безъ всякихъ затрудненій, въ настоящее время:

1. Можно и должно немедленно установить въ Россіи всеобщее обязательное *) обученіе—не повсемѣстное, которое пока неосуществимо, за недостаточностью существующихъ училищъ, а частичное, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существующія училища могутъ помѣщать и обучать всѣхъ мѣстныхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 12 лѣтъ. Такими островами обязательнаго всеобщаго обученія могутъ быть не непременно цѣлыя губернія или цѣлыя уѣзды, но и волости, и даже отдѣльныя селенія или нѣсколько сосѣднихъ селеній. Такія живыя и дѣятельныя орудія министерства народнаго просвѣщенія, какъ инспекція народныхъ училищъ, безъ сомнѣнія, близко и хорошо знакомы съ положеніемъ училищнаго дѣла въ своихъ участкахъ. Они въ самое короткое время съ точностью опредѣляютъ волости, села, деревни, гдѣ возможно немедленное установленіе всеобщаго обученія, и можно безъ ошибки предположить, что такихъ мѣстностей окажется не мало.

2. Можно и должно немедленно принять мѣры для постепенной подготовки къ введенію обязательнаго обученія и въ другихъ мѣстностяхъ,—конечно, прежде всего тѣхъ, гдѣ для этого недостаётъ немногаго. Напримѣръ, такой подготовкой можетъ быть, безъ особенно значительнаго увеличенія расходовъ, удвоеніе учительскаго персонала, чтобы въ одномъ училищѣ могли обучаться двѣ смѣны учащихся.

Важно опредѣлить отвѣтственность родителей за уклоненіе отъ установленнаго закономъ обязательнаго обученія дѣтей. Эта отвѣтственность можетъ состоять или изъ уплаты опредѣленнаго денежнаго взысканія, или изъ личныхъ ограниченій виновныхъ; а противодѣйствіе такимъ уклоненіямъ можетъ быть возложено на ближайшія къ крестьянству власти: на сельское и волостное начальство и на земскихъ начальниковъ.

Трудно согласиться съ предположеніемъ—ограничить обязательность обученія, хотя бы на первое время, одними мальчиками. Такое ограниченіе будетъ какъ разъ противорѣчить основной задачѣ всего дѣла, которая заключается въ возможно скоромъ и широкомъ распространеніи грамотности.

Извѣстно, что образованіе особенно успѣшно распространяется при посредствѣ образованныхъ матерей, которыя являются лучшими помощницами училища, и едва ли благоразумно лишать училище такой материнской помощи. Кромѣ того, это было бы вреднымъ примѣромъ при господствующихъ у насъ народныхъ мнѣніяхъ. Устраненіе отъ обязательнаго обученія дѣвочекъ, кото-

рыхъ и такъ у насъ учится слишкомъ мало, — въ глазахъ крестьянъ, а особенно крестьянокъ-матерей, будетъ равносильно полному удаленію изъ школы, которое для нихъ вполне желательно. Распространенное въ крестьянствѣ понятіе, что «женщина — не человѣкъ», что грамота и «учеба» для нея вовсе не нужна, найдеть въ этомъ ограниченіи обязательности обученія неожиданную поддержку. И теперь дѣвочекъ неохотно и мало отпускаютъ учиться, а тогда вовсе не будутъ пускать, и съ годами въ народѣ будетъ все прочіе укрѣпляться убѣжденіе, что дѣвочекъ не нужно учить: съ такимъ убѣжденіемъ слѣдуетъ бороться, а не поддерживать его.

3. Чтобы приблизить возможность всеобщаго обязательнаго обученія для всей Россіи, конечно, необходимо увеличить въ нѣсколько разъ расходъ государства на содержаніе народныхъ училищъ, но также въ высшей степени важно воспользоваться существующимъ общественнымъ настроеніемъ, поддерживать и поощрять дѣятельность общественныхъ учреждений, земства и частныхъ лицъ въ этомъ направленіи, посредствомъ расширенія возможности дѣятельности. Безъ извѣстнаго разумнаго довѣрія при этомъ, конечно, нельзя обойтись. Припомнимъ, что у насъ многія земства съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ развивали дѣло народнаго образованія, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, напр., Петербургское, Псковское, Московское, Херсонское, Бердянское, Шадринское и др. Было у насъ не мало и благонамѣренныхъ дѣятелей по народному образованію между частными лицами, безкорыстно преданныхъ дѣлу. При лучшихъ жизненныхъ условіяхъ такіа учреждения и лица, конечно, могли бы сдѣлать и сдѣлали бы для народнаго образованія во много разъ больше.

Но если у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, важно сочувственно и благожелательно относиться къ людямъ, которые добровольно хотятъ служить дѣлу народнаго образованія, то совершенно безполезно и напрасно кого бы то ни было насиловать, принуждая устраивать училища и заниматься обученіемъ людей, которые не владѣютъ для этого ни средствами, ни досугомъ, ни охотой, ни способностью, ни подготовкой. Вѣдь едва ли гдѣ либо такъ процвѣтаетъ искусство «валить черезъ пень въ колоду», обращать живое дѣло въ «бумажное» и на этомъ успокаиваться, какъ у насъ.

Чѣмъ больше будетъ училищъ, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе Россія достигнетъ всеобщей грамотности и наибольшаго числа образованныхъ людей въ своемъ населеніи.